

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БОЛГАРСКИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР**

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СТРУКТУРЕ
ЖИЗНЕННОГО МИРА**

XXX ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

*26-30 мая 2016 г.
г. Ялта,
Республика Крым*

ТЕЗИСЫ

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2016**

УДК 37
ББК 74.00
П 50

Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Главные редакторы:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор.

А.В. Баранов, доктор политических наук, доктор исторических наук,
профессор.

Редакционная коллегия:

А.Г. Герцен, кандидат исторических наук, доцент.

Е.В. Черный, доктор психологических наук, доцент.

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира : тезисы XXX Харакского форума 26 – 30 мая 2016 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – 260 с.
ISBN 978-5-906813-47-3

В сборнике размещены тезисы выступлений участников XXX Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира», состоявшегося в г. Ялта 26 – 30 мая 2016 г. Раскрываются проблемы коллективной памяти, исторического времени, социального и политического пространства, соотношения религиозной и этнической идентичности в условиях культурного и цивилизационного разнообразия, анализируются актуальные вопросы межконфессионального взаимодействия, проблемы, связанные с этническими и религиозными конфликтами в условиях интеграционных процессов и геополитической конкуренции.

УДК 37
ББК 74.00

ISBN 978-5-906813-47-3

© Сеньюшкина Т.А., 2016
© Баранов А.В., 2016
© ИТ «АРИАЛ», 2016

ХАРАКС: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Начнём с самого начала. Первые из известных нам упоминаний о Хараксе, самом необыкновенном и прекрасном месте на южном берегу Крыма относятся к I-III векам н.э., когда Крым был окраиной Римской империи. На мысе Ай-Тодор в это время размещалась крепость римских легионеров, получившая название «Харакс». После того, как греческий «Херсонес» потерял свою независимость, и подчинился Риму, в бухту, которая сегодня располагается под известным всем современным туристам «Ласточкиным гнездом», вошли корабли Равеннской эскадры римского флота. На высоком, обрывистом мысе Ай-Тодор римские военные построили крепость и маяк, указывающий путь мореходам. Со временем под стенами крепости вырос небольшой город.

Римский период в истории Античной Таврики всегда интересовал историков и археологов. Однако первые раскопки были инициированы в 1896 году Великим князем Александром Михайловичем Романовым, который любил это место с детства. Активное участие в раскопках, организованных Александром, принимал его брат Георгий Михайлович Романов. Особенно Георгия Михайловича интересовали античные монеты, по которым можно было установить исторические периоды жизни крепости.

Следующая страница в исторической памяти «Харакса» связана с именем Георгия Михайловича Романова. Имение было приобретено Великим князем Михаилом Николаевичем, отцом Георгия и Александра, в 1869 году. Первоначально имение было названо «Ай-Тодор», так же, как и мыс, на котором оно располагалось. Ай-Тодор стал частью жизни Георгия, оставив в детской памяти самые яркие воспоминания. По духовному завещанию Великой княгини Ольги Фёдоровны, имение «Ай-Тодор» перешло её сыну, Александру Михайловичу, а в последствии небольшой участок на побережье стал собственностью Георгия Михайловича, который назвал своё имение «Харакс» в честь древнеримской крепости.

В 1904 году один из самых ярких русских архитекторов Николай Петрович Краснов получил приглашение от Великого князя Георгия Михайловича спроектировать и возвести в его имении дворец и церковь. Дворец в шотландском стиле был построен за три года, и в конце 1907 года великокняжеская семья впервые приехала в Харакс, который полюбили все. В Хараксе часто принимали гостей: членов большой семьи Романовых, князей Юсуповых, князей Васильчиковых, художников Андрея и Веру Квитка. В 1909 году имение посетил Николай II. С этого времени император часто бывал в гостях у Георгия Михайловича.

Трагедия 1918 года, связанная с расстрелом Николая II и его семьи, не обошла стороной и Великих Князей Романовых. Георгий Михайлович Романов был арестован и помещён в одиночную камеру в

Петропавловскую крепость. Ночью 24 января 1919 года он был расстрелян, разделив горькую судьбу представителей Царствующего дома Романовых, оставшихся в России. Вместе с ним были расстреляны ещё три Великих князя.

Память о Георгии Михайловиче Романове хранит созданный им Русский музей, труды по нумизматике и крымское имение «Харакс», которое стало последним прибежищем на крымской земле для вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и всех остальных, уцелевших Романовых в 1917 -1918 году.

В 1922 году Харакс был национализирован. На месте бывшего имения был создан элитный государственный санаторий. Сегодня это один из лучших санаториев Южного Берега Крыма. Парк, заложенный Георгием Михайловичем Романовым, сегодня является одним из лучших парков Большой Ялты, он уникален по своей планировке и коллекции деревьев, кустарников и цветов.

Сегодня в этом прекрасном уголке Южного Берега Крыма, в Хараксе, дважды в год, в мае и ноябре, собираются учёные – интеллектуалы, представляющие разные сферы научной и преподавательской деятельности. Харакский клуб стал уникальной площадкой для обмена экспертными мнениями, интеллектуальными открытиями, новыми и эвристически ценными концепциями и идеями. В мае 2016 года Харакский клуб принимает на своей площадке Харакский форум, который проводится в 30-й раз.

Тема 30-го форума связана с осмыслением политического пространства и социального времени через такие удивительные феномены как идентичность и повседневность. Повседневность как элемент жизненного мира пронизывает наше настоящее припоминанием прошлого и интуитивным предчувствием будущего. И в этом одна из многих загадок Харакса, которые ещё только предстоит отгадать.

Татьяна Сеньюшкина.

Алексеева Т.А.

«МЯГКАЯ СИЛА» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье раскрыты теоретические и прикладные аспекты применения «мягкой силы» в современных международных отношениях. Оцениваются дискуссионные трактовки концепта «мягкой силы» в мировой и российской научных традициях.

Ключевые слова: «мягкая сила», международные отношения, теория, практика.

Alekseeva T.A.

«SOFT POWER» IN THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Abstract. The article deals with theoretical and practical aspects of the use of “soft power” concept in contemporary international relations. Evaluated debatable interpretations of the concept of “soft power” in the world and russian scientific traditions.

Keywords: “soft power”, international relations, theory, practice.

В конце 1980-х гг. профессор Гарвардского университета Джозеф Най предложил концепт «мягкой силы», под которой он понимал способность государственного актора формировать предпочтения других акторов, используя собственную привлекательность в их глазах (будь-то культура, политические ценности и даже внешняя политика, главное, чтобы это были методы, не предполагающие использование насильственных средств, но воздействующие на общественное мнение, позволяющие изменять настроения и лоббировать интересы актора – транслятора в другой стране). На первый взгляд, такое определение выглядит перегруженно, чуть ли не как набор слов. Но именно эта расплывчатость, неточность, трудноуловимость и сделали этот концепт широко применимым в теории и практике международных исследований, хотя и возможно несколько переоцененным. Позднее Най дал более точную формулировку: «Сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Основных способов для этого имеется три: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила) [1]».

Ни место, ни время выдвижения этого концепта не были случайностью. Что касается места, то Гарвардский университет, по меньшей мере, с начала 1950-х гг. оставался центром теоретико-международных исследований, преимущественно политико-реалистского направления, по крайней мере, в тот период, когда там работал Най. Это

существенно позднее, в 1980–90-е гг. Гарвард уже при следующем поколении ученых стал столь же успешным центром «теории рационального выбора». Что касается времени, то это были годы окончания «холодной войны», и, соответственно, необходимости переосмыслить место США в мире в отсутствие «советской угрозы» и наличия новых императивов внешней политики. Кроме того, становилось все более очевидным, что возможности применения военной силы существенно ограничены, а потребность в увеличении своего влияния оказывается не вполне реализованной. Не случайно, даже на интуитивном уровне было понятно, что привлекательность и влияние некоторых государств (например, Швейцарии, Швеции, Франции и др.) существенно превосходит их ВВП и расходы на максимизацию силы, прежде всего, военной.

Многие отечественные аналитики начали широко употреблять этот термин как синоним уже порядком дискредитированного к этому времени понятия «пропаганда». Однако это неверно. Начнем с того, что интерпретацию «мягкой силы» в немалой степени обеспечил не вполне точный перевод на русский язык: если поставить концепт в контекст, то следует принять во внимание, что уже в 1960-70-е гг. в западной науке широко использовалось противопоставление «точных» и «мягких (т.е. гуманитарных)» наук (hard/soft sciences). Определение «мягкий» (soft) широко использовалось в самых разных сферах. Например, в праве – «жесткое» право предполагало законодательство, обязательное для исполнения; «мягкое» - право, отклонение от которого не приводит к санкциям. Последнее означает как бы моральный призыв, этические нормы, присущие данному обществу, которые предполагается защищать с помощью общественного мнения. Или в социологии, например, [soft skills](#) – мягкие манеры, предполагают эмоциональную интеллигентность личности. Но тогда и определение «мягкой» силы по идее могло бы звучать по-русски как «гуманитарная сила», «гуманная сила», «привлекательная», даже «нормативная сила», а это, согласитесь, предполагает уже несколько иной смысл.

Еще одна терминологическая проблема связана с понятием «силы». Некоторые российские авторы предлагают говорить о «мягкой мощи», а не «силе» [2]. Но с этим я не могу согласиться. Понятие «силы» устоялось в русском языке, прежде всего, в контексте политического реализма во всех его разновидностях – классического политического реализма, неореализма, постклассического реализма и т.д. И даже если перевод не вполне точен, он утвердился, вошел в международно-политическую лексику. А как учит нас бессмертный методологический принцип «бритвы Оккама» - «Не следует множить сущее без необходимости», ничего кроме ненужной путаницы такое переименование нам не даст. Тем более, что понятия «силы, мощи, могущества, власти» и т.д. входят в синонимический ряд понятия “power”. Наконец, речь шла об инструменте

«мягкого» принуждения, убеждения, даже манипулирования с целью добиться поставленных целей, то есть применения силы, но силы особого рода. Этот аспект при рассуждениях «о мощи», сотрудничестве, взаимном доверии и т.д. утрачивается: по существу происходит подмена понятий.

Най неоднократно возвращался к своей идее. И хотя концепт быстро приобрел популярность, причем практически во всем мире, его толковали очень широко, и Джозеф Най даже вынужден был в 2006 году написать письмо в журнал «Форин полиси» [1], подчеркнув, что в Китае и в России (в других странах отошли от первоначального замысла еще дальше) «мягкую силу» понимают неправильно, именно как аналог «пропаганды», между тем, концепт шире и существенно отличается от нее. Он содержит перцепцию «Другого» в позитивном ключе, когда он воспринимается как привлекательный, нравящийся, даже обаятельный. «Лучшая пропаганда, - писал Най позднее, рассматривая значение «мягкой силы» в Век информации - это не пропаганда». И пояснил: «Доверие – самый дефицитный ресурс [3]». Однако, добавим мы, доверие, обеспечиваемое с помощью специального инструмента внешней политики, то есть оно не предполагает взаимности, а требует создания доверия со стороны объекта, а не субъекта «мягкой силы».

Наконец, в 2004 г. появилась расширенная трактовка «мягкой силы» в книге «Мягкая сила. Средства успеха в мировой политике», в которой все тот же Най развернул свою концепцию и дал практические рекомендации по ее успешному использованию во внешней политике [4].

Строго говоря, это отнюдь не новый концепт. У Ная были предшественники и в теории международных отношений, и в близких областях знания. На десятилетие раньше примерно об этом же писали представители известной «Английской школы», в частности, Хедли Булл, поставивший вопрос о необходимости при защите национальных интересов минимизации физического насилия и максимальном акценте на альтернативных методах политического, правового и гуманитарного характера [5].

Важно, что Джозеф Най к моменту формулирования нового концепта был уже довольно известным теоретиком в области международных отношений. Он – автор популярной теории взаимозависимости, соавтор теории международно-политических режимов и других неолиберальных теорий. Одно время он был председателем Национального совета по разведке и заместителем министра обороны США в администрации Б. Клинтона. Поэтому статья, опубликованная таким уже прославленным автором, в «Форин полиси» осенью 1990 г. не могла не вызвать резонанса в академических и политических кругах [6]. Это в немалой степени обеспечило успех концепта.

Безусловно, идея «мягкой силы» была продолжением многолетних размышлений Ная о «взаимозависимости» современного мира, хотя и начинались они с экономической области. Интеллектуальные корни этой

теории лежали в «классических» теориях свободной торговли и политического либерализма Адама Смита, Дэвида Рикардо и Джона Стюарта Милля. Кроме того, свой вклад внес также политический реализм, ориентировавшийся, однако, не столько на преимущества, сколько опасности и угрозы всякой зависимости от других, в том числе эмоциональной (труды Никколо Макиавелли – один из ранних примеров этой озабоченности). В то же время, Макиавелли отдавал должное тому, что в будущем будет названо «мягкой силой». Найдя даже начал свою книгу следующим образом: «Более четырех веков назад Никколо Макиавелли советовал итальянским князьям, что важнее, когда тебя боятся, нежели любят, но в сегодняшнем мире нужно и то, и другое» [4, р. 5]. И затем дал ей еще одно определение: «мягкая сила» - это способность оказывать влияние с целью достижения желаемых результатов скорее с помощью привлекательности, нежели принуждения или оплаты» [4, р. 5].

Однако все началось с экономики и, особенно, с торговли. В XX веке проблема «взаимозависимости» была представлена в трудах многих теоретиков, но наиболее известной, по-видимому, является работа Нормана Анджелла «Великая иллюзия», изданная еще в 1910 г. По мнению Анджелла, национальное процветание не может быть достигнуто с помощью военной силы, а обеспечивается с помощью экономических связей. А, стало быть, прослеживается очевидная зависимость между торговой сферой и обеспечением мира («торгово-мирная связь»).

Взаимозависимость сегодня, в условиях глобализации, революции в транспорте и коммуникациях совершенно очевидна: происходящее в одном государстве с неизбежностью имеет последствия для политики и экономики других. Само понятие уже имело относительно широкое хождение в экономической теории при рассмотрении торговых потоков и колебаний валютных курсов. Однако включение этой темы в международные отношения произошло довольно поздно. Еще в 1960-е годы термин «взаимозависимости» употреблялся преимущественно в военном смысле, в связи с конфликтом Восток-Запад, при этом взаимозависимость считалась одним из краеугольных камней всеобщего мира. Во многом это было следствием принятия на вооружение в обоих блоках ракет большой дальности, что привело к сокращению «расстояния» между ними. Отсюда – «военно-стратегическая взаимозависимость». Но решающе важную роль для признания концепта в ТМО сыграли кризисные явления в конце 1960-х – начала 1970-х гг. в развитых странах Запада (коллапс Бреттон-Вудской валютной системы и первое нефтяное эмбарго стран-членов ОПЕК вследствие поддержки США и другими странами «западного» блока Израиля в арабо-израильской войне). Многие исследователи начали разрабатывать проблему связи между экономикой и политической наукой.

Знаковым событием в развитии концепта стала публикация в 1977 г. книги Роберта Кохейна и Джозефа Ная «Сила и взаимозависимость:

мировая политика в транзите» [7]. Основная мысль работы заключалась в следующем: произошел сдвиг в структурах международной системы; государства утратили значительную часть своей способности предпринимать эффективные действия и контролировать события вовне; взаимозависимость, поэтому, имеет решающее значение для достижения национально-государственных целей. Отсюда – попытка определения инструментов использования сложившейся ситуации на двух уровнях: 1) на уровне внешней политики (как оптимизировать действия во внешней политике); 2) уровень мировой политики (потенциальная возможность воздействия на события через международное сотрудничество). Но следует принять во внимание, что «взаимозависимость» - не теория, а аналитическая концепция, на ее основе была развита идея о том, что в современных условиях правительства государств должны проводить «глобальную политику взаимозависимости» через развитие международного сотрудничества и политическую координацию.

Следует принять во внимание и еще один немаловажный процесс – «культурный поворот» в социальных науках. Как известно, понятие «поворот» в философии науки означает качественные изменения в системах производства и репрезентации знания, сдвиг в теории и практике познания. Это, кроме того, «момент» если не смены, то выдвижения новой, набирающей силу парадигмы, изменения направления в исследовательской работе, появления иного ракурса предмета исследования. Подобно другим «поворотам»- лингвистическому, когнитивному, историческому и др., «культурный поворот» позволил существенно переосмыслить как методологические инструменты исследований, так и обогатить концептуальный и понятийный аппарат социальных наук.

«Культурный поворот» охватил практически все сферы гуманитарного и социального познания, не оставив в стороне (хотя и со значительным опозданием) и теорию международных отношений. Начиная с 1980-х гг. начали появляться исследования, так или иначе связанные с культурой: постмодернизм, критическая теория и конструктивизм – каждое из течений политической мысли на своем языке и с разной степенью успеха бросало «вызов» политическому реализму с его жесткой силовой схемой, или же, наоборот, стремилось попытаться «вписать» его в новую систему координат, ограничить основные посылы или даже просто перевести их на иной концептуальный язык.

Широкое разнообразие точек зрения, опора на разные интеллектуальные традиции, попытки выработать свою или использовать чужую методологию исследования, стали характерны для сегодняшнего состояния дисциплины, когда набор различных теорий и концепций, во многих отношениях противоречащих друг другу, объединяет в ряде случаев лишь неприятие позитивизма [8, с. 562].

Санкцией допустимости и даже желательности культурного подхода явилось Президентское обращение тогдашнего президента АПСА (American Political Science Association) Аарона Вильдавского в 1987 г. [9, p. 3-21; 10]. Профессор А. Вильдавски из Университета Калифорнии в Беркли, был известен, главным образом, своими работами по теории бюджета и управлению рисками. Обращение Вильдавского к проблемам политической культуры и культурных аспектам принятия решений стало знаковым событием для американской академической среды. В последующие годы было проведено множество исследований, позволивших развить этот подход в новую и весьма амбициозную теорию политики, в том числе, и внешней.

Наконец, следует отметить и еще одну важную фоновую тенденцию: сближение и даже переплетение либеральных исследований с основными постулатами политического реализма, в частности, попытки сочетать силовые калькуляции с нормативными целями гуманитарного характера. На этом фоне оставался всего один шаг к тому, чтобы появился концепт «мягкой силы», что, собственно, и произошло благодаря Джозефу Наю. И хотя конкретная трактовка понятия существенно разнится, концепт быстро вошел во внешнеполитический лексикон, найдя свое место не только в политической практике ведущих государств, но и войдя практически во все современные теории международных отношений.

Най выделил три основных компонента «мягкой силы»: культуру (под которой он понимал скорее совокупность ценностей общества, политическую культуру); политическую идеологию (при этом либерализм воспринимается как данность) и, наконец, внешнюю политику (дипломатию в широком смысле слова). Если первые два элемента – наследие страны, то последний – формируется и реализуется политиками, то есть это элемент существенно более подвижный и менее инерционный.

Несколько слов следует сказать и о корреляции между «мягкой» и «жесткой» силой. Поскольку основной целью использования «мягкой силы» является воздействие на поведение других государств, то, вполне естественно, она предполагает превращение привлекательности во влияние. Тем самым, возможно, достижение поставленной цели с меньшими издержками, нежели в случае применения «твердой силы», т.е. не через принуждение, насилие, диктат, а с помощью сотрудничества и взаимодействия.

Понятно, что «мягкая сила» государства, обладающего мощной «жесткой силой» воспринимается с большим вниманием (хотя не всегда, довольно часто слишком сильная страна «пугает» более слабую). Однако «мягкая сила» таких стран сплошь и рядом предполагает наличие «зонтика» со стороны более мощных в военном отношении союзников, т.е. по существу не является самостоятельной (например, привлекательность скандинавов как части Западного альянса, предполагающего принцип взаимодополнительности). Однако это явление имеет и обратную сторону:

к государствам, обладающим мощным военным потенциалом, в большей степени приковано внимание международной общественности, ее «мягкая сила» воспринимается как более интересная, привлекательная, или наоборот, внушающая недоверие, опасение, даже страх.

«Комплиментарность», дополнительность «мягкой силы» по отношению к «жесткой» была, как совершенно правильно отмечает российский международник Алексей Фененко, - была сформулирована еще Львом Гумилевым [11]. Комплиментарность – «подсознательный принцип симпатии особей друг к другу, определяющий деление на своих и чужих». Отсюда четыре типа комплиментарности:

- положительная как ощущение подсознательной взаимной симпатии;
- отрицательная как ощущение подсознательной взаимной антипатии;
- нулевая как ощущение безразличия друг к другу;
- асимметричная, когда только один из участников взаимодействия позитивно настроен по отношению к другому [12, с. 282].

Все они имеют место и в межгосударственных и международных отношениях. Но следует помнить о предупреждении Фененко: «Мягкая сила» - это инструмент не переубеждения врагов, а борьба за колеблющихся, попытка привлечь их на свою сторону.

Однако «мягкая сила» - ресурс не только государственный, а в последнее время все более часто – гражданского общества, публичной дипломатии. Эта тенденция особенно усилилась вследствие развития сетевых коммуникаций и информационной революции [13, с. 38-43].

Следует все же отдавать отчет и в том, что существуют риски, связанные с переоценкой «мягкой силы» и ее значения. Исследователи проблемы обращают внимание на то, что «мягкая сила» может не только помочь государству, но и навредить ему. Особенно если ее наращивание отодвигает на второй план увеличение также необходимой силы «жесткой». Кроме того, «мягкая сила» способна вселить в руководство страны ложное чувство безопасности. Уважение со стороны других держав может помочь сгладить некоторые проблемы, но иногда приводит к чрезмерной самоуверенности. В соответствии с английской поговоркой страны не должны верить собственной прессе или же почитать на лаврах» [14].

Соотношение между ресурсами и идеями – проблема многовековых философских споров. Достаточно примера Ватикана, с его огромным влиянием на значительную часть человечества, для того, чтобы проиллюстрировать отсутствие прямой зависимости. Однако здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда учитывается влияние только одной страны, что давно уже не отвечает ситуации глобализации и мировых взаимосвязей. Правильно ли отделять «мягкую силу» Ватикана от преемников этой силы – в Италии, Испании, значительной части Франции, Германии, наконец, Латинской Америки и т.д.? Иными словами, «мягкая сила» должна рассматриваться через «связку» источник/ реципиент.

Решающую роль, при этом, может сыграть уровень социально-экономического развития общества, в том числе, способности к восприятию информационных и культурных импульсов извне, а также и желанию их воспринимать. Это расширяет концепт, но крайне затрудняет операционализацию понятия. Поэтому, несмотря на постоянное усовершенствование концепта, все рейтинги весьма относительны.

Рейтинговые агентства в 2015 г. составили список десяти наиболее «привлекательных» стран мира с точки зрения именно «мягкой силы». По данным агентства «Портленд» список из десяти стран возглавили Великобритания, затем Германия, США (на третьем месте), Франция и т.д. вплоть до Финляндии, т.е. только «западные» государства. Ни Китай, ни Россия в этот список включены не были. По данным агентства «Монокль» лидеры меняются местами: США на первом месте, Германия – на втором, Великобритания – на третьем. Замыкает список из 15 стран азиатская страна Южная Корея (Япония заняла четвертое место). Агентство «Элькано» также составило свой список из 15 стран, отдав приоритет Европейскому союзу, затем США, Великобритании, Германии. И завершив список Швецией. В этом списке не только появилась Турция (впрочем, на предпоследнем месте), но, наконец-то нашлось место Китаю (шестое) и России (седьмое). По мнению самого Ная, наиболее адекватной его первоначальному замыслу является «глобальный доклад о мягкой силе» 2015 г., составителями которого «Портленд», «Фейсбук» и «КомРес», и включающему индексы по 30 странам [15]. В отличие от докладов других рейтинговых агентств, этот впервые использовал методологию, включающую данные о влиянии правительств на Интернет и международные опросы. Наверху списка оказались пять стран – Великобритания, Германия, США, Франция, Канада. Россия вообще не попала в этот список, а Китай занял последнее, 30-е место.

По решению премьер-министра КНР Ху Цзиньтао, принятому еще в 2007 году, были вложены немалые средства в развитие «мягкой силы», преимущественно в развитие информационного агентства «Синьхуа», а также в различные программы помощи и развитию зарубежным странам. Однако это не помогло, с точки зрения рейтинговых агентств, это произошло вследствие негативного «имиджа» китайской внешней политики, недемократичности внутренней политики и слабой Интернет-дипломатии. Китай преуспел лишь в культуре, во многом благодаря Институтам Конфуция, разбросанным по всему миру.

Риан Гаун, директор агентства «Стратагем интернэшнл», подготовившего последний доклад, отметил также некоторые важные аспекты современного состояния «мягкой силы» мире [15]:

- расширение понятия силы и рост потребности в «мягкой силе» под влиянием трех основных факторов: быстрой диффузии силы между государствами; эрозии традиционных силовых структур; массовой урбанизации;

- Интернет-дипломатия становится доминирующим подходом (155 стран имеют собственные странички на «Фейсбук», более 190 стран присутствуют на страницах «Твиттер», более 4 тыс. посольств и послов имеют собственные сайты).

- США и Великобритания вышли на первое место с в Интернет-пространстве, Израиль (4-е место) и Южная Корея (6-е место) также существенно продвинулись, особенно в области участия в социальных СМИ;

- большее значение придается экономической дипломатии, большее число правительств ставит перед собой цели, связанные с экономическим процветанием;

- «малые» страны возвысились за пределы своего реального веса, например, Ирландия заняла 19-е место, Новая Зеландия (16-е место). Многие страны рассматривают свои диаспоры за рубежом как мощные источники силы (например, диаспора Ирландии за рубежом составляет 70 млн. чел.);

- большую и успешную активность проявляют Южная Корея и Бразилия;

- Франция сохраняет свой язык как язык дипломатии, уступая только США по объему «сетей», и опережает всех по членству в разнообразных международных организациях;

- некоторые страны имеют отдельные достижения (например, Индия исключительно активно использует социальные медиа, имеет больше связей на «Фейсбуке», нежели, например, президент США Б. Обама).

Тем не менее, сравнение списков позволяет понять, какие же показатели принимались, прежде всего, во внимание. США занимают первые места не только в силу своего богатства и уровня жизни населения, но также и благодаря доктрине «американской исключительности», которая обычно трактуется как приверженность свободе, правовому государству, республиканскому типу правления, открытости для иммиграции представителей всех рас и религий (впрочем, существенно ограниченной в последние годы), якобы оппозиции силовой политике (мол, если и имеет место военное вмешательство в других регионах мира, то вынужденно, вследствие «обязанностей» великой державы и лидера «западного» мира), а также антиимпериализму, роли США в разрушении колониальных империй. Эти идеи систематически поддерживаются с помощью целого арсенала средств, начиная от содержания образовательных программ и кончая кино, телевидением, радио, Интернету и т.д. Это работает. Согласно теории Ная, основой «мягкой силы», является каждодневная работа «на местах», а не привнесенная «извне», в конечном счете, направленная на выстраивание долгосрочных доверительных отношений как с гражданским обществом других стран, так и с правительствами.

Соответственно, Джозеф Най, указывал на особое значение деятельности неправительственных организации гражданского общества, которые должны получать соответствующую поддержку со стороны США: «начиная от Голливуда и до высшего образования, гражданское общество делает больше для представления США другим народам, чем это делает правительство. Голливуд часто изображает общество потребления и насилие, но он также продвигает ценности индивидуализма, социальной мобильности и свободы (включая свободы для женщин). Эти ценности делают Америку привлекательной в глазах многих людей за рубежом» [16]. Таким образом, США, объясняют свое глобальное доминирование либеральной идеологией, поп-культурой, привлекательными СМИ, кино, образами «ковбоев-первопроходцев», т.е. в широком смысле привлекательностью «Американской мечты».

Иными словами, методы предполагают сочетание пропаганды (часто довольно тонкой), символов, знаков, трансляции идей, передаваемых, в том числе, через социальные науки, и прямой поддержки структур гражданского общества за рубежом, в том числе, финансовой.

Великобритания опирается на мощные традиции связей еще Британской империи, активно поддерживаемых через Британское содружество наций и своих союзников в разных частях света. Великобритания имеет безвизовый режим со 174 странами мира. Она прилагает изрядные усилия к тому, чтобы стать мировым центром образования, финансов, права и т.д. Многие «работают» на «мягкую силу» Британии: английский язык, университеты мирового уровня, исторические здания, институты (например, «Вестминстерская» система демократии), а также идеи – парламент, монархия, «Магна Карта», правовая система, ББС, фильмы о Джеймсе Бонде и «звездных войнах», музыка Битлз и других прославленных рок-музыкантов, литература, начиная с Шекспира и кончая Гарри Поттером и т.д. 0,7% ВВП выделяется на «помощь» заморским государствам. Большое внимание уделяется спорту – Лондон, единственный город в мире, который проводил у себя Олимпийские игры трижды. С 2012 по 2015 гг. правительство Великобритании провело широкую кампанию, затратив 113,5 млн. фунтов стерлингов для продвижения туризма, торговли и инвестиций ради обеспечения экономического роста. По имеющимся данным это привело к приходу инвестиций в 1,2 миллиарда фунтов. Наконец, это личный вклад англичан в продвижение «имиджа» своей страны. Приведем только один пример: в 2015 г. Майкл Бэйтс пешком преодолел 1059 миль, добравшись до Китая для того, чтобы отметить Первый год программы культурного обмена между Великобританией и КНР. Он также собрал 90 тыс. фунтов в пользу Красного Креста. (Вопрос по ходу разговора: а используем ли мы столь же эффективно путешествия Федора Конюхова?)

Однако существуют признаки того, что интерес в «мягкой силе» в Великобритании несколько снизился. Институт Конфуция и Французский

Институт превзошли Британский совет по количеству представительств за рубежом. Более того, финансирование Британского совета сократилось в 2013/14 гг. на 25%.

Особый случай – Германия. ФРГ, прежде всего, вследствие исторических причин и существенных ограничений в военной сфере, очевидно, сделала ставку на то, чтобы стать «мягкой» державой, опираясь на длительные традиции трансляции своих идей и ценностей через дипломатические, экономические и культурные инструменты.

Несмотря на тяжелое историческое наследие, Германия все же смогла утвердиться в качестве экономической модели, причем не только в Европе. Будучи четвертой по величине экономикой в мире, Германия сегодня уже довольно успешно использует свое влияние вовне. Тем не менее, ее положение неустойчиво, прежде всего, в силу демографического фактора – по имеющимся оценкам ее население сократится к 2060 году с 82 млн. чел. до 65 млн. Не имея заморских территорий и будучи ограниченной в плане военной силы, Германия провозгласила себя «мягкой державой», т.е. сделала акцент именно на «мягкой силе», весьма успешно используя некоторые аспекты своей культуры, социальных практик, а также качественных производимых продуктов (в частности, автомобилей). Памятуя о том, что «мягкая сила» – это «железный кулак в бархатной перчатке», ФРГ занимается «модернизацией германского мультилатерализма» под предлогом необходимости соответствовать международным альянсам и стратегическим партнерствам, в которые она входит – «эффективный мультилатерализм». Она также активно занимается созданием «Новой европейской политики». Ее репутация социального государства, доброжелательного к иностранцам, сыграла с ней злую шутку – основной поток беженцев с Ближнего Востока в конце 2015 – начале 2016 гг. устремился именно в Германию. Это пример того, что «мягкая сила» отнюдь не всегда является только позитивным феноменом, а может содержать в себе и изрядный негативный потенциал для страны, которая сумела «понравиться» окружающим.

Довольно любопытные данные дало сравнение стран БРИКС на основании относительно жесткого стандарта исследования. Учитывались следующие компоненты «мягкой силы»: индекс свободы (торговли); медиапродукты; верховенство права; позиции ведущих ВУЗов; Олимпийские успехи; иммиграция; приезд туристов; сокращение выбросов углекислого газа; самые влиятельные люди по версии журнала «Тайм». В соответствии с полученными результатами, лидерами оказались Китай, Индия и Россия. Однако бросаются в глаза разнопорядковость показателей и их относительность.

А что же Россия? У нас также есть свое историческое наследие, которое может быть использовано для продвижения «мягкой силы», в частности, Российская империя традиционно провозглашала себя защитником славянства и Православия, а также транслятором европейской

цивилизации в Евразии (и возможно, могла бы и наоборот, в свете подъема ряда азиатских стран?). СССР, по крайней мере, до 1970-х гг. воспринимался за рубежом многими как идеологическая и практическая альтернатива западному капитализму (социализм). Такая общемировая перцепция и поддержка со стороны Советского Союза некоторых политических программ – деколонизации стран Азии и Африки, борьбы за независимость народов Латинской Америки, акцент на равенстве в социально-экономической сфере (эгалитаризм в широком смысле слова), призывы к всеобщему миру и разоружению, наконец, внимание государства к внешнеполитической пропаганде – это способствовало возникновению изрядных ресурсов и активов, важных стратегических ресурсов.

Постсоветская Россия оказалась в совершенно иной ситуации. Утратив многие материальные ресурсы, пережив сокращение территории, и встав на путь капитализма, заменившего прежнюю «социалистическую систему», Россия на какое-то время с неизбежностью оказалась в ситуации «подражателя», утратив и собственную привлекательность, и особость. Внешняя политика страны не опиралась на глубокую теоретическую проработку и не сопровождалась идеологической альтернативностью. В эпоху интернета простые призывы к прагматическому истолкованию национального интереса (допускающего крайне широкую и неточную формулировку) недостаточны для получения широкой поддержки со стороны мировой общественности.

Россия позднее других стран (в частности, англосаксонских) приступила к целенаправленному формированию «мягкой силы», тем более, что все попытки продвинуться в этом направлении постоянно встречаются с жестким противостоянием со стороны «Запада».

На протяжении последнего десятилетия «мягкой» силе в России наконец-то начали уделять определенное внимание, однако, несмотря на то, что в академической среде термин «прижился» практически с самого начала, в официальных документах его очень долгое время не было. Более того, с содержательной точки зрения он фактически приравнивается к «культурной дипломатии», что, разумеется, существенно его ограничивало. Наконец, в редакции Концепции внешней политики 2013 года речь уже пошла о достижении внешнеполитических целей на основе потенциала гражданского общества, с помощью информационных, культурных и других методов и технологий, альтернативных традиционной дипломатии.

Целенаправленно Россия начала заниматься наращиванием «мягкой силы» примерно с 2007 г. Началось все со сферы спорта. По имеющимся оценкам, это прозвучало в речи Президента РФ В.В. Путина на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале – Россия выиграла право проведения Олимпийских игр в 2014 г. Затем – право принять чемпионат мира по футболу в 2018 г.

В сфере политики следует назвать выступление Президента на 43-й Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в том же 2007 г. Россия в лице президента четко заявила о своей позиции в отношении негативного развития международных процессов в области безопасности. Она не только показала, что вновь вернулась в качестве ведущего «игрока» в мировую политику, но и предлагает альтернативу «политике Запада».

В самом деле, удалось получить некоторые знаковые признания: в 2007 г. Президент РФ В.В. Путин был назван «персоной года» американским журналом «Тайм», в 2013 г. – за ним последовал журнал «Форбс». В 2007 г. учрежден фонд «Русский мир» с целью популяризации русского языка и культуры, довольно успешно работающий на этом направлении. В 2008 г. было учреждено «Россотрудничество», которое, несмотря на существенные усилия, так и не вышло за пределы чисто «технических мер и методов» по улучшению «образа страны, однако обладает определенным потенциалом». Однако, как показала мощная пропагандистская кампания по всему миру, сопровождающая санкции, создание «негативного» образа России все же оказывается довольно успешным.

Проблема существенно глубже количества проведенных мероприятий, открытых выставок или приглашенных студентов в отечественные ВУЗы, талантливого использования СМИ и утонченных механизмов коммуникации. Все это нужно, но этого недостаточно. Помимо материальных ресурсов, необходимы идеи и программы по их продвижению, затрагивающие потребности и интересы других стран. Необходимо не только принимать во внимание этнические конфликты, традиции, исторические «обиды» на других и т.д. Но и этого недостаточно без выхода на «ценностный» уровень. А у России эти ценности есть, и не только в истории: мы могли бы предложить альтернативу тотальной культурной «американизации» планеты, выйти на международную сцену с нашим опытом и принципами социального государства, переутвердить ценности справедливости и равенства, не за счет, однако, свободы; ратовать совместно со странами БРИКС за более справедливые международные экономические отношения и т.д. Или это могут быть какие-то другие идеи или ценности (Об этом, в частности, писали российские авторы) [17]. Кое-что делается, но пока явно недостаточно.

Так что же нам мешает реально утвердить свою «мягкую силу»?

Оставим в стороне финансовую сторону вопросу, разумеется, весьма существенную, но всё же проблема не сводится только к деньгам. На мой взгляд, есть целый ряд системных ограничений, которые вполне можно «снять» при наличии надлежащей политической воли и последовательным шагам в ее реализации.

Во-первых, это незавершенность процесса самоидентификации страны. Она не случайна и требует тщательной и последовательной

работы, которая пока, однако, ведется от случая к случаю и вовсе не сформулирована как одна из главных задач наших гуманитарных наук. В этой связи хотелось бы привести цитату из книги тонкого историка и политического мыслителя Эрика Хобсбаума: «В мире, пережившем конец советской эпохи, привычки и представления тем не менее сформировались под влиянием тех, кто победил во Второй мировой войне. Те же, кто оказался побежденным и связан с ними, не только принуждены были молчать, но и фактически оказались вычеркнуты из истории и интеллектуальной жизни, оставшись лишь в роли врага в мировом нравственном сражении добра против зла (именно это может произойти с теми, кто потерпел поражение в «холодной войне», хотя скорее всего не в таких масштабах и не на такое длительное время). Таково одно из последствий религиозных войн, главной чертой которых является нетерпимость» [18, с. 14]. Мы – победители во Второй мировой войне и мы законно этим гордимся, но Запад считает нас побежденными в войне «холодной». Отсюда настойчивое требование принять ценности победителей, причем ценности неоспоримые, догматичные, не допускающие никаких вариаций в интерпретации. В этом проявляется «религиозная», точнее идеологическая непримиримость. Что мы можем ей противопоставить? Или ничего? Думаю, что с последним вопросом мы все же не примиримся. Но это предполагает очень глубокую и основательную, в том числе, историко-идеологическую работу по осмыслению «советского опыта» (например, плановый способ организации и управления экономикой – всего лишь один из вариантов управления современной экономикой) и выяснения проблемы «победы/поражения» в «холодной войне» и вообще, возможна ли в ней в принципе «победа»? Или события 1989–1991 гг. – явления совершенно другого порядка? Без осознания, хотя бы для себя, сущности известных событий, любые наши попытки предложить собственную программу будут неизбежно поверхностными, а, стало быть, малоубедительными.

Во-вторых, ценностная неопределенность. Крайняя гетерогенность в этой сфере (причем, это отнюдь необязательно недостаток, вполне вероятно, что это наше преимущество в стране с 194 этносами и национальностями именно способность жить вместе заслуживает не просто осмысления, а мощного медийного акцента). Между тем, как подчеркивает политолог Б. Межуев, «ценности – это не просто чистые идеи, это в первую очередь – инструменты элитной интеграции, наднациональной и даже зачастую – внеконфессиональной» [19, с. 5]. Далее он подчеркивает, что сама концепция «мягкой силы» позволяет уйти от известной дихотомии «ценности vs интересы. Но это, помимо всего прочего, означает необходимость не только изучения дальнейшего развития теории международных отношений нашими международниками, которая отнюдь не остановилась на политическом реализме, а развитие этой идеи, ее расширение, если угодно, гуманизацию. Но здесь возникает

целый ряд нерешенных вопросов: явственно ощущается отсутствие исторического оптимизма, как следствия двух названных выше причин неизбежно сказывается не только на стратегии, но и на тактике, повседневной деятельности наших граждан будь то за рубежом или внутри страны. В этой связи не могу не процитировать одно из писем в редакцию популярного еженедельника: «отдыхали в Сочи. Все очень понравилось – погода, море, отель. Если бы еще не местные жители – они все время ноют, а это просто уничтожает привлекательность курорта!». Инерция позднесоветской кухонно-интеллигентской оппозиционности ко всему, по-видимому, еще долго будет давать о себе знать, но сейчас она становится уже просто контрпродуктивной для страны и ее «имиджа» в мире. Стало быть, несмотря на кризис, санкции и прочее необходимы какие-то меры для повышения градуса оптимизма. «У нас такой народ, мы все переживем, было бы ради чего!» (это из продолжения письма). Вот это «ради чего» и есть новая национальная идея, ее-то и нужно формировать, но не через кампанейщину, а подспудно, последовательно, с помощью все той же «мягкой силы». В 1996 г. мы втроем – И.К. Пантин, Б.Г. Капустин и я предложили рамочный вариант разработки национальной идеологии. У нас было множество сторонников, но «наверху» нас не поддержали. Возможно, тогда это было слишком рано, но не было бы поздно сейчас!

В-третьих, «ползучая бюрократизация», затронувшая практически все сферы управления не могла не сказаться и на этой области. Отчетность подменяет дело – суть, в конце концов, не в количестве организованных мероприятий, а в умении нравиться, а это, по-видимому, отдельное искусство, а этому у нас, что называется, «не учат», причем даже в тех профессиях, которые непосредственно предполагают работу с общественным мнением. А отсюда – отсутствие обратной связи с теми странами, с которыми мы хотели бы выстроить теплые и дружеские отношения.

Можно было бы назвать и еще целый ряд причин, но мысль, по-моему, и так уже ясна: не обретя чувства собственного достоинства, уверенности в своих ценностях и целях (не путать с манией величия – это то как раз обратная сторона комплекса неполноценности), отказа от подражательности невозможно стать центром «мягкой силы» и воспользоваться ее преимуществами. Впрочем, в случае России речь идет именно о «комплиментарности», дополнительности, а не о стратегической цели, хотя высказывания такого рода приходилось читать, хотя в последнее время и реже.

Потенциал России, вследствие наличия впечатляющей «жесткой силы», наглядно продемонстрированной в случае с Сирией, а также волевому руководству, позволяет постоянно присутствовать на первых полосах новостей, зачастую подтверждая известную истину, что «все что некролог, то ПР» [14]. Однако это не означает, что не пора задуматься о

повышении собственного «обаяния», причем не только вовне, но и внутри страны.

Литература

1. Nye J.S. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. February, 23.
2. Трибрат В. Рукописи не горят. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 1. Январь-март.
3. Nye J. China's Soft Power Deficit. To Catch up, Its Politics Must Unleash the Many Talents of its Civil Society // The Wall Street Journal. 8 May 2012.
4. Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
5. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Macmillan, 1977.
6. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. Autumn. Twentieth Anniversary Edition. № 80. P. 153-171.
7. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. N.Y.: Longman, 1977.
8. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 562.
9. Wildavsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // American Political Science Review. Washington, 1987. Vol. 81. P. 3-21.
10. Bankroft Library. Guide to Aaron Wildavsky Papers. <http://www.oac.cdlib.org/ark:/13030/kt4v19r0zp/>
11. Фененко А. Реальность и мифы «мягкой силы» // Российский совет по международным делам. 27 января 2016 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис; ДИ-ДИК, 1994. С. 282.
13. Лебедева М.М. Актеры современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1 (28). С. 38-43.
14. Брайан М., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» - палка о двух концах? BRICS Business Magazine. URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah>
15. <http://www.globaldashboard.org/2015/07/22/uksoftpower-2/>
16. Nye J. Propaganda isn't the Way: Soft Power // International Herald Tribune. January, 10, 2003.
17. Ваплер В.Я., Гронская Н.Э., Гусев А.С., Коршунов Д.С., Макарычев А.С., Солнцев А.В. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право.

Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. 2010. Вып. 1.

18. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий Двадцатый век. 1914–1991. М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. С. 14.

19. Межуев Б. От редакции // Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения». 2015. № 4. С. 5.

Алехина Л.Л., Лядченко А.В.

РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается сущность, понятие и особенности религиозной социализации в обществе.

Ключевые слова: религиозная социализация, воцерковление, религиозные организации.

Alekhina L.L., Radchenko A.V.

RELIGIOUS SOCIALIZATION IN SOCIETY

Abstract. This article deals with the essence, the concept and features of religious socialisation.

Keywords: religious socialization, church, religious organizations.

В современном обществе, исследования проблемы социализации личности приобретают особую актуальность, так как происходят различные изменения в общей системе норм и ценностей. Становление религиозного аспекта личности, как и других ее компонентов – происходит в процессе социализации.

Впервые термин «религиозная социализация» был замечен в исследованиях В.Г. Безрогова, под которым он понимал «становление верующего, происходящее в определенном конфессиональном и социокультурном контексте» [1].

Религиозная социализация определяется как всеобщий процесс усвоения личностью религиозных ценностей и норм, а также приобщения его к определенной религиозной идеологии. На сегодняшний день религиозной социализации посвящено довольно много работ, рассматривающих данный процесс с различных подходов, ведь он сложен и неоднороден. По своей направленности религиозная социализация является двухсторонним процессом. С одной стороны, это получение индивидом религиозного опыта, а с другой – это усвоение индивидом религиозного опыта определенных традиций. Постижение религиозной

традиции происходит в общем процессе религиозного образования и воспитания.

Религиозная социализация представляет собой длительный процесс, который может протекать всю жизнь, поэтому он состоит из двух этапов: первичный и вторичный. Первому этапу будет соответствовать усвоение религиозных ценностей, традиций ребенком. Особое влияние на это оказывает такой объект идентификации, как социальный институт – семья. На втором этапе, социализация происходит на протяжении зрелого возраста и представляет собой вхождение человека в новые сектора общества. Первичной социализации соответствует пассивный тип действий, а вторичной – активный. Следовательно, лишь на втором этапе у человека есть свобода выбора объекта идентификации, в соответствии с его приоритетами и деятельностью. Нередко можно встретить человека, который находится на грани – состояние стресса, депрессии, где выход из сложившихся ситуаций он вынужден находить сам. Именно в подобных ситуациях, реальную помощь оказывают религиозные ориентиры. Обращение к вере не только помогает встать на путь истинный, но и способствует социализации на определенном жизненном этапе.

Религиозность, как характерная черта личности человека, обусловлена наличием у него некоего образца восприятия мира, как сотворенного Богом.

Следует отметить, что религиозная социализация – это усвоение религиозного опыта Других и интернализация этого опыта в собственные религиозные ценности и ориентации.

Отталкиваясь от понимания социализации, как процесса обособления и приобщения человека в обществе, можно предположить, что религиозная социализация должна отражать особенности приобщения к религиозной традиции и соответствующего обособления. Освоение норм и правил поведения, а также вероучений определяется самой религиозной культурой. Каждая религиозная культура содержит в себе установленные временем и передаваемые по наследию ограничения поведения, регуляторы эмоциональной сферы. Это побуждает человека, с одной стороны, приспособляться к этим нормам и правилам, а с другой стороны – усваивая религиозное мировоззрение, автоматически адаптироваться и обособиться в данном обществе.

Д. Шеркат определяет религиозную социализацию как «процесс, в ходе которого люди приобретают религиозные предпочтения», а также как «процесс взаимодействия, в ходе которого социальные агенты оказывают влияние на религиозные верования». Агентами в данном случае являются семья, социальные сети родственников и друзей, церковь, религиозные организации.

По нашему мнению, существует два подхода к понятию «религиозная социализация». В первом подходе – это приобщение индивида к религии вообще, а во втором – усвоение индивидом религиозной традиции конкретного религиозного вероисповедания.

В.Г. Безрогов выделял некие различия в понимании религиозной социализации западных и восточных христиан. Для первых, первостепенно выступает содержание вероучения, что означает «превращение человека в верующего субъекта». Вторые, в приоритет ставили церковную, ритуальную жизнь, участие в службах и таинствах. Поэтому «с православной точки зрения религиозная социализация – это воцерковление, становление членов прихода, общины». Понятие «воцерковление» рассматривается многими авторами как синоним «религиозной социализации». Но на наш взгляд, данный термин неконкретно отражает всю сущность исследуемого нами процесса, так как имеет не один смысл. Под воцерковлением можно понимать:

- 1) процесс живого приобщения к духовной и культурной традиции;
- 2) двусторонний процесс религиозного образования и просвещения;
- 3) обряд, совершаемый в храме совершаемый над ребенком и матерью;
- 4) процесс мистического вхождения в церковную жизнь [2].

Для нас важен именно процесс усвоения индивидом религиозной традиции, следовательно, лишь «религиозная социализация» будет уместна в употреблении. В некоторых работах, исследующих «воцерковление» выделяются три главных аспекта религиозной социализации: культовый, социальный и познавательно-воспитательный. Культовый аспект подразумевает участие индивидов в общественных и частных богослужениях, в церковных таинствах. А социальный аспект реализуется в участии личности во внекультовой деятельности конкретной православной общины. В последнем случае она трактуется как целенаправленный и планомерный процесс усвоения православного вероучения, который выражается в религиозном самообразовании личности и ее образовании в рамках церковных институтов.

Существуют классические и неклассические методы изучения религиозной социализации в настоящее время. Классические методы, предполагают «объективное познание» - процесс познания, который направляется не личными субъективными пристрастиями ученого, а правилами научного метода. Неклассический метод исследования исходит из признания того, что познающий субъект находится внутри предметного мира, составляет его часть, понимает, переживает этот мир, следовательно, его знание субъективно. Однако признание такого рода субъективности не равнозначно субъективизму. Неклассическая методология преодолевает субъективизм посредством средств и методов познавательной деятельности, ограничений, накладываемых ими, в теоретических описаниях [3].

Таким образом, религиозная социализация – универсальный аспект процесса, характерный для всего человеческого общества. Многообразие процесса религиозной социализации зависит от политических, исторических, культурных факторов, вероучительных особенностей и

временных рамок. Поскольку, не доказано существование безрелигиозных сообществ, религиозная социализация универсальна для человечества. В современном мире в условиях постоянных изменений, происходящих в обществе, каждое поколение проходит свой этап религиозной социализации, характеризующийся определенными особенностями. На каждом этапе религиозной социализации значимым предметом личных переживаний каждого поколения становится уже не то, что было лично значимым на предыдущем или последующем этапе, следовательно, религиозные убеждения и ценности являются изменчивыми от поколения к поколению.

Литература

1. Безрогов В.Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива // Развитие личности. М., 2012. С. 115-137.
2. Складорова Т. В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестн. ПСТГУ–IV: Педагогика. Психология. 2011. С. 7-17.
3. Фолиева Т.А. Религиозная социализация: Понятия и проблемы. 2012. С. 205-212.

Баранов А.В.

ЦЕННОСТИ РОССИЯН И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ)

Аннотация. В статье определены проявления ценностей в массовом сознании россиян (на основе анкетных опросов). Раскрыта взаимосвязь ценностей и цивилизационной самоидентификации в современном российском обществе. Сделаны рекомендации по проведению исторической политики.

Ключевые слова: ценности, цивилизация, самоопределение, Россия, анкетные опросы.

Baranov A.V.

VALUES OF RUSSIANS AND CIVILIZATIONAL DETERMINATION OF THE SOCIETY (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL QUESTIONNAIRES)

Abstract. The article defines the display of values in the mass consciousness of Russians (based on questionnaires). Revealed the relationship of values and

civilizational self-identification in contemporary Russian society. Author made recommendations for historical policy's realization.

Keywords: values, civilization, self-determination, Russia, questionnaires.

В глобализируемых обществах растет актуальность осмысления политических ценностей. Только те новшества, которые не отторгаются обыденным и научным сознанием современников глобализации, могут укореняться в обществе без потрясений.

Цель работы – раскрыть проявления ценностей в современном массовом сознании россиян и их влияние на цивилизационное самоопределение общества (на основе анкетных опросов).

В философском аспекте ценности – это нормативные представления, отражающие положительную либо отрицательную значимость явлений, идей, установок деятельности с точки зрения их соответствия потребностям, интересам и целям общества и группы. В политической социологии ценности изучаются на основе выявления эмпирических ориентаций индивидов и групп.

Сложилось два научных подхода к изучению ценностей. Первый предполагает индуктивный алгоритм, начинается с анализа ценностей как культурного контекста деятельности индивидов (работы Ф. Адлера, У. Каттона, К. Клакхона, С. Морриса) [8, с. 162-165]. Выделяются ценности базовые и операциональные, усвоенные и внешние. Ценности организуются в многомерное пространство, между отдельными ценностями определяется мера близости. Такой подход сначала выявляет мнения респондентов о экзистенциальных вопросах, а затем на этой основе рассматривает их краткосрочные предпочтения.

Другой научный подход (Дж. Робинсон, Ф. Шейвер) дедуктивен. Вначале изучается повседневное поведение, затем – установки и «надстроенные» над ними ценности. При работе с данными анкетных опросов второй подход более полезен [8, с. 171-175].

Ценности – смысловой и мотивационный компонент политической культуры, концентрированное выражение потребностей и интересов людей. Есть два их основных аспекта: 1) общезначимые свойства реальных и метальных объектов мира; 2) целевые ориентации деятельности людей, «высшие принципы социального действия» (по Т. Парсонсу). Ценности – высшая форма установок, которые определяют структуру личности и воспринимаются как усвоенные (интериоризированные) общественные нормы. Ценности, в отличие от традиций и социальной стратификации, влияют на самосознание людей изнутри. Ценности – основа мотиваций поведения, обеспечивающая ретрансляцию традиции и сплочение людей. В исследовании ценностей особо важны работы создателя термина «ценность» Ф. Знанецкого, а также Г. Олпорта, К. Клакхона, М. Мид, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Р. Инглхарта [8, с. 162-165, 171-175; 4].

Ценности производны от мировоззрения («картины мира» по Р. Редфилду), определяемого цивилизационной системой. Ценности организованы иерархическим образом: от базовых (экзистенциальных) до инструментальных [7, с. 200-202]. «Духовное ядро» общества включает в себя, согласно Э. Шилзу, следующие компоненты: картину мира; представления о смысле жизни и смерти, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление власти и права; понимание соотношения «индивид – группа – общество – человечество» [3, с. 6-25]. На основе «центральной», осевой совокупности ценностей исторически складываются и передаются от поколения к поколению социокультурные традиции. Повседневно они проявляются в форме менталитета – установок сознания и стереотипов социальной деятельности. «Ядро» цивилизации исторически изменчиво, в каждом конкретном случае оно имеет своеобразное содержание и степень однородности. Самобытность цивилизации – явление историческое, подверженное порой стремительным изменениям. Но «духовное ядро» остается устойчивым, за исключением ситуаций системного кризиса. «Ядро» цивилизации взаимосвязано с «периферийными» подсистемами ценностей, которые обеспечивают возникновение и адаптацию новшеств в пределах «поля притяжения» традиции.

Ядро сообщает определенную преемственность, устойчивость различным подсистемам общества, в т.ч. и политической. Поскольку российская цивилизация сложилась в средневековье, она относится к «ценностным обществам», в которых религиозная компонента «духовного ядра» преобладала над светско-культурной, этической, а тем более экономической, социальной и политической сферами жизни.

Традиционные ценности существуют благодаря постоянным взаимосвязанным и диалектически противоположным процессам: интериоризации (усвоению индивидами и их сообществами социальных ценностей), а также экстериоризации (распространению внутренних убеждений названных субъектов на «внешний» для них мир – общество в целом).

Традиционные ценности выполняют жизненно важные для социума задачи: интегрировать общество, поддерживать его устойчивое бытие и развитие, адаптировать общество к новым реалиям. Задача культурной адаптации, как и другие, включает в себя основные виды деятельности: информационно-коммуникативную, регулятивно-нормативную, аксиологическую, социализирующую, интегрирующую, инновационную.

Поскольку ценности изучаются различными науками подчас изолированно друг от друга, важен и плодотворен междисциплинарный синтез достижений философии, культурологии, истории, этнологии, политических наук. Особо отметим редко замечаемое социологами и политологами явление. Традиционные ценности существуют на двух уровнях сознания и практик общества. «Большая» традиция рефлексивируется

интеллектуалами и творится ими. Ее формами в повседневности выступают идеологии, концепции и политические учения. Ее пространственный уровень – социум или по меньшей мере его регионы как субнациональные структуры, способные к самоорганизации. «Малая» традиция (по Р. Редфилду) – плод массового и эмпирического сознания. Она воплощается в проявлениях менталитета: обычаях, ритуалах, настроениях, мифах, повседневных (часто неосознаваемых) способах действия [7, с. 200-202].

Соотношение статусов отдельных ценностей во всей иерархии своеобразно во времени и пространстве, подвижно и выявляется в социологических опросах. Типы ценностных систем К. Клакхон размещает по осям: 1) модальности (позитивные и негативные ценности); 2) содержанию; 3) предпочитаемому характеру и стилю действий. Из типологий наиболее важны дуальные оппозиции: 1) индивидуализм – коллективизм; 2) материализм – духовность; 3) автономия – зависимость; 4) активность – приспособление к миру; 5) фатализм – волюнтаризм; 6) традиционализм – инновационность; 7) рационализм – морализм; 8) равенство – неравенство [4].

Определим преобладающие интегративные черты и субкультурное строение российской системы ценностей. Эмпирическую основу выводов дают социологические опросы Фонда «Общественное мнение», проект «Исследование мировых ценностей», опросы Центра «Социоэкспресс» (публикации М.К. Горшкова, Б.В. Дубина, О.Ю. Малиновой) [1; 2; 5]. Выяснено, что политика занимает последнее место в иерархии ценностей россиян (на ведущих местах – семья, работа, круг прямого общения). Преобладающий тип ценностей россиян – коллективистский и неэкономический (моралистический), традиционалистский. Сознание россиян «раздвоенное»: один и тот же человек может проявлять полярно противоположные ценности в зависимости от формулировки вопроса анкеты. Демократические ценности воспринимаются положительно на абстрактном уровне, но крайне скептически оцениваются реальные политические институты, призванные олицетворять демократию и решать проблемы людей. На такой основе распространены разочарованность в демократии, безразличие, упование на сильную персонифицированную власть ради «порядка». Ценностное ядро остаётся идеократичным (а не прагматичным), этатистским, патерналистским [1, с. 73-89; 2, с. 130-143].

Современное кризисное состояние российского общества значительно деформирует цивилизационные традиции. Применяя концепцию «рецидивирующей модернизации», можно предположить: многоукладное российское общество откликается на внешний вызов глобализации расслоением. Возникают «островки постиндустриализма» (столицы и крупные города) на фоне нищающей провинции. Обостряется извечный раскол ценностей общества по осям: коллективизм – индивидуализм, равенство – неравенство, безбожие – религиозность, западничество – самобытность [1, с. 130-157].

Ментальное измерение политических ценностей наиболее поддается изменениям, в т.ч. манипулятивным. Социальная аномия, присущая для межсистемных политических ситуаций, породила ярко выраженную «рыхлость» и амбивалентность ценностей. Лонгитюдные исследования общественного мнения, проведенные в начале 2000-х и в 2011 г. под руководством М.К. Горшкова [1], позволили выделить три ценностные системы россиян: постиндустриальную индивидуалистическую (25-30% респондентов), традиционалистическую коллективистскую (35-40%), противоречиво-аморфную (30-35%). Ранжирование системы ценностных ориентаций показало, что на 1-м месте тезис: «спокойствие совести и душевная гармония» (93,8% опрошенных); на 6-м – «Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать» (56,3%); на 7-м: «Жить как все – лучше, чем выделяться среди других» (43,3%); на 13-м: равенство доходов и общественного положения важнее, чем равенство возможностей (28,2%). Вместе с тем, многие ориентации индивидуалистичны. На 2-м месте – суждение «Равенство возможностей важнее, чем равенство доходов и положений» (71,8%); на 3-м – «свобода человека – это возможность быть самому себе хозяином» (66,5%); на 5-м – «только на интересную работу стоит потратить жизнь» (57,6%) и т.д. Согласие с идеями экономической свободы и неравенства слабо сочетается с принятием политических прав и свобод (33,5% - за). Идею «Человек должен стремиться к власти» одобрили только 6,2%. Прослеживалась тенденция роста уравнилельных настроений, недоверия к демократическим институтам и действовавшей власти. Сторонники самобытного пути России разделены по своим политическим ориентациям. 31,4% из них – сторонники смешанной республики (опрос 1995 г.); 20,3% - за президентскую республику; 13,7% - за возрождение власти Советов; 11,1% - конституционные монархисты [1, с. 73-89, 130-157].

Субкультурная фрагментация ценностей «по горизонтали» велика. М.К. Горшков выделил три контрастных модели ценностных систем: западническую индивидуалистическую (25-30% респондентов), традиционалистскую россицентричную (35-40%) и переходную (30-35%). Причём партийно-идеологические тренды ценностей гораздо сложнее (7 типов) и в обыденном сознании они причудливо переплетаются [1, с. 133-143].

Социологические данные подтверждают вывод: легитимация власти в общественном мнении сохраняет идеократический смысл. В массовом сознании доминирует патерналистская модель отношений между индивидом, обществом и государством [2]. Свыше 25 лет реформ усилили незащищенность, а следовательно, тягу к государственной опеке, что проявляется в оценке истории страны. Наибольшую популярность получают полководцы-победители, защитники Отечества, осторожные реформаторы. Характерно неприятие в историческом сознании эпох революций, утрат геополитического и экономического влияния [2, с. 297-404; 5, с. 231-251, 281-369]. В связи с этим необходима целенаправленная и последовательная

историческая политика. Она должна воспитывать гордость общества за свой исторический путь, поощрять признание преемственности общественных и политических институтов и ценностей, предлагать россиянам оптимистическую перспективу развития на основе самостоятельного геополитического и цивилизационного выбора.

Вертикальная фрагментация ценностей (страна – регион – местность – малая группа) изучена гораздо слабее. Но палитра политических ценностей «окрашена» нелинейно. Российские сообщества проявляют весьма контрастные, а подчас быстро меняющиеся ценностные ориентации. Объяснить это можно с помощью модели диффузии политических нововведений, которые распространяются асимметрично.

В массовом сознании современных россиян выявлен социокультурный раскол, нарастание тенденций безразличия и поверхностного восприятия политики, отчуждение от нее. Сохраняется весомый (до 30% респондентов) тренд с преобладанием традиционных ценностей. Он неоднороден в оценке преходящих политических событий, но имеет перспективы мобилизации ввиду кризисности российского общества. Предстоит неотложный выбор политических элит и лидеров страны: поощрять ли фрагментацию политических ценностей и их смену либо стремиться к творческому развитию цивилизационных традиций России.

Литература

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011. С. 73-89, 130-157.
2. Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. М., 2007. С. 36-84, 297-404.
3. Каспэ С.И. Апология центра: о забытом методологическом ресурсе политической науки // Полис. Политические исследования. 2005. № 1. С. 5-24.
4. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
5. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013. С. 231-251, 281-369.
6. Пихоя Р.Г. Историческая память населения России // Отечественная история. 2002. № 3. С. 194-202.
7. Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200-202.
8. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 162-165, 171-175.

Баранов Н.А.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РОССИИ

Аннотация. Россия находится в поиске своего места в мире. В условиях напряженных отношений с западными государствами в политическом дискурсе происходит смена приоритетов в определении направления развития страны. Евразийский интеграционный проект, инициированный Россией, находит поддержку ряда стран постсоветского пространства. Евразийский экономический союз становится значимым субъектом международного политического процесса, что придает России уверенности в силах в выстраивании отношений с западными странами, а также в поиске идентичности. Россия стремится стать мостом, соединяющим Запад и Восток, что может служить ее вкладом к созданию равноправных отношений в глобальном мире.

Ключевые слова: самоидентичность, евразийский интеграционный проект, евразийство, евразийское пространство, постсоветские государства.

Baranov N.A.

THE EURASIAN UNION AS THE GEOSTRATEGIC PROJECT OF RUSSIA

Abstract. Russia is in search of the place and a role in the world. In the conditions of intense relations to the western states in a political discourse there is a change of priorities in definition of a direction of development of the country. The Euroasian integration project initiated by Russia, finds support among a number of the countries of the post-Soviet territory. The created Euroasian economic union becomes the significant subject of the international political process that gives Russia to confidence of the forces of forming of relations with the western countries, and also in search of the self-identity. Russia aspires to become the bridge connecting the West and the East that can serve as its contribution to creation of equal relations in the global world.

Keywords: self-identity, integration project for Eurasia, eurasianism, Eurasian space, Post-Soviet states.

Геополитические события последних лет стали моментом истины в самоопределении России, так как разногласия между Европой и Россией стали очевидными и даже пугающе необъяснимыми. В сложившихся условиях к евразийскому вектору развития страны подталкивают не только географические реалии и историческая взаимообусловленность, но и необходимость определения стратегии действий в новой ситуации.

Характеризуя российские метания в первые годы после распада СССР, Э. Каррер д'Анкосс отмечала, что «Россия разрывалась между европейским предназначением, на которое продолжала претендовать, но которое от нее ускользнуло, и возможностями, открывающимися ей в Азии» [1, с. 368]. Поэтому двойственный характер «единственной евразийской державы» [1, с. 391] до сих пор обуславливает популярность концепции евразийства и ориентирует Россию на посредничество между Европой и Азией, Западом и Востоком. Евразийство позволяет стране оставаться самой собой, а также взаимообогащать и дополнять Запад и Восток. Российский китаевед В.В. Малявин считает, что Евразия «не противостоит постисторической реальности Америки и Евросоюза, но дополняет ее...» [5, с. 18].

В общественно-политическом политическом дискурсе центр дискуссий все активнее смещается в сторону поиска российских интересов не в рамках общецивилизационных проектов, а в ходе поиска самостоятельного пути развития, который будет в наиболее полной мере соответствовать историческому предназначению России. Французский исследователь Арно Леклерк, специализирующийся на геополитике России и стран СНГ, подчеркивает, что «каждый раз, когда Россия стремилась быть просто европейской державой, она испытывала разочарования и теряла свои позиции как сильное государство, способное управлять судьбами мира. Напротив, всегда, когда ей удавалось обрести равновесие между Европой и Азией, Россия оказывалась на пике своего могущества» [4, с. 25].

В официальном политическом дискурсе Россия позиционируется как неотъемлемая, органичная часть европейской цивилизации. Тем не менее, несмотря на констатацию необходимости развития отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми нас «связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общецивилизационные корни», в концепции внешней политики Российской Федерации в качестве приоритетной задачи указывается формирование Евразийского экономического союза, призванного стать эффективным связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом [3]. О высокой значимости для России евразийских интеграционных проектов говорится также в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.

Евразийский интеграционный процесс органично вписывается в современный международный тренд, связанный с преодолением заградительных барьеров между странами и созданием эффективной экономической системы, способствующей развитию государств. При этом следует обратить внимание на особенность данного проекта, связанного с политическим аспектом. Как показывает международная практика, наиболее успешные экономические интеграционные проекты реализуются между странами с демократическими политическими системами. Да и желание интегрироваться высказывают, прежде всего, страны с открытой

системой власти, основанной на демократии и доверии к политикам со стороны народа.

В данном контексте евразийский проект имеет свои особенности:

в политике – странам, ориентирующимся на евразийскую интеграцию, не удалось осуществить либерально-демократические преобразования, поэтому их политический режим варьируется между демократией и авторитаризмом, приближаясь то к одному, то ко второму полюсу, а политические институты впитали в себя традиционную составляющую, создав эклектический симбиоз;

в экономике – переход на рыночную систему оказался незавершенным, велика роль бюрократии в экономических преобразованиях, сохраняется высокая зависимость от российского рынка труда;

в культуре – характерно критическое отношение к современным западным веяниям, проявляется ориентация на традиционные ценности, возрождение религии, занявшей освободившуюся идеологическую нишу после неудавшегося коммунистического эксперимента.

Среди причин, препятствующих интеграции, следует отметить отсутствие в течение длительного времени разделяемых всеми партнерами ценностных ориентиров. Лишь в 2013 г. консервативные ценности были положены в основу российской политики. Как справедливо замечает А. Ковальчук, «ценностный элемент имеет шанс заполнить идейный вакуум в проекте евразийской интеграции» [2, с. 108]. Однако консервативные ценности могут стать оправданием для сохранения недемократического политического режима в некоторых государствах с целью избежать структурных реформ.

Евразийский вектор России обусловлен, с одной стороны, потребностью страны в реализации собственных возможностей и стратегических устремлений, направленных на пересмотр сложившегося мирового политического порядка и противостояние глобальному экономическому и политическому доминированию США и западных стран. С другой стороны, - необходимостью укрепления Российской Федерацией своей позиции на международной арене, так как реализация интересов на постсоветском (евразийском) пространстве непосредственно связана с ее авторитетом. Кроме того, Евразийский интеграционный процесс вписывается в стратегические цели России: создание единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана.

Евразийская интеграция рассматривается российской политической элитой как устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от политической и экономической конъюнктуры. По мнению В.В. Путина, модель мощного наднационального объединения, способна стать «одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским

регионом» [7]. Особенность евразийской интеграции заключается во взаимовыгодном объединении равных, а не на иерархических отношениях, что предполагает сохранение её субъектами собственной культурной и государственной идентичности.

Помимо экономических преимуществ, евразийский проект может стать привлекательным для его участников по следующей причине. В силу успешности западной модели развития, страны, входящие в Евразийский экономический союз, становятся заинтересованными в более близких контактах с Европой, посредником в которых может выступать наша страна. У России с европейскими странами намного больше общего, чем, например, у центрально-азиатских государств. Прежде всего, наша близость связана с культурными корнями, которые имеют много общего с западными. Поэтому сближение как с Европой, так и с другими рыночными странами через ВТО, в котором Россия может выполнять роль посредника, является потенциальным стимулирующим фактором для участников евразийского сообщества.

В силу противоречий с Западом, которые наиболее зримо проявились к середине нулевых годов (отказ от равноправных отношений, подозрительность и недоверие со стороны западных стран), Россия вынуждена была искать новые пути подтверждения своей статусности (великодержавности). И этот путь привел ее к евразийскому сообществу как исторически обусловленному выбору. Однако такой шаг не является окончательным поворотом на Восток. Как считал Е.М. Примаков, Россия хотела бы нормализовать отношения с США и Европой, но игнорировать возрастающее значение Китая и других стран АТР было бы неразумно. В то же время российский политик был убежден в том, что если мы не будем сотрудничать с западными странами в ликвидации опасных международных явлений, то мы потеряем свою страну как великую державу [6].

Вполне очевидно, что евразийское положение России в новых условиях расклада сил на мировой арене приобретает геостратегическое преимущество. С учетом возвышения Китая, который реализует проект нового континентального «Шелкового пути», способного заменить морские пути, контролируемые американцами, участие России в евразийских интеграционных проектах становится жизненно важным и необходимым. С другой стороны, российские интересы могут столкнуться с интересами Китая на Дальнем Востоке или в Центральной Азии, что может привести Россию к поиску новых партнеров, в первую очередь, в Европе при условии ее дистанцирования от евроатлантического пространства, в котором господствуют США.

Таким образом, Россия выстраивает новую модель межгосударственного устройства, в которой выступает в качестве центра притяжения и которая позволяет ей оставаться важным геополитическим актором в современном мире.

Литература

1. Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: история Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 431 с.
2. Ковальчук А. Постсоветское пространство в российских внешнеполитических концепциях. М.: Аспект Пресс, 2015. 176 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptIckB6BZ29/content/id/122186
4. Леклерк А. Русское влияние в Евразии: геополитическая история от становления государства до времен Путина. М.: Альпина Паблишер, 2014. 367 с.
5. Малявин В.В. Евразия и современность. М.: РИПОЛ классик, 2015. 352 с.
6. Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего. О России сегодня // Российская газета. 2015. 13 января.
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>

Безвербный В.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСБАЛАНС СТРАН СЕВЕРА И ЮГА КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции демографической динамики стран Севера и Юга приводящие к значительному изменению соотношения данных групп стран в мировом населении. По мнению автора, подобная ситуация может привести к дальнейшей трансформации этнокультурной среды в Европе, Северной Америке, Австралии и других экономически развитых регионов. В статье приводится критический анализ глобальной политики сокращения рождаемости, оказавшейся малоэффективной в странах Юга, но приведшую к депопуляции и старению населения в странах Севера. Используемая в статье классификация «Север» и «Юг» предложена ООН для группировки развитых (более развитых) и развивающихся (менее развитых) стран.

Ключевые слова: численность мирового населения, страны Севера и Юга, рождаемость, смертность, демографический взрыв, половозрастная и этническая структура.

Bezverbny A.A.

THE DEMOGRAPHIC IMBALANCE IN THE NORTH AND THE SOUTH AS A FACTOR OF CIVILIZATIONAL TRANSFORMATION OF THE WORLD

Abstract. The article explores the trends in demographic dynamics of the North and South resulting in a significant change of these groups of countries in the ratio of world population. According to the author, this situation could lead to further transformation of ethno-cultural environment in Europe, North America, Australia and other developed regions. The article provides a critical analysis of the global family planning policies were ineffective in the South, but it led to the depopulation and the aging of the population in the North. The article used a classification of "North" and "South" proposed by the UN for the group of developed (more developed) and emerging (less developed) countries.

Keywords: world population, countries of the North and the South, fertility, mortality, population explosion, gender-age structure, ethnic structure.

Минувшее столетие стало для многих демографов и экспертов, интересующихся вопросами народонаселения одним из наиболее противоречивых и вместе с тем актуальных периодов в истории человеческой цивилизации. С одной стороны, результаты научно-технической революции и ключевые достижения XX века обернулись значительным увеличением доступности услуг здравоохранения и образования, базовых продуктов питания и товаров первой необходимости для основной массы мирового населения, что не только обернулось победой многих стран и регионов над эпидемиями и голодом, но привело к кардинальному росту ожидаемой продолжительности жизни и снижению смертности. С другой стороны, именно во второй половине XX века был зафиксирован беспрецедентно высокий уровень роста населения, в результате которого численность населения мира с 1950 по 2000 гг. увеличилась с 2,5 до 6,1 млрд. чел. или практически в 2,5 раза, тогда как за первую половину столетия – с 1900 по 1950 гг. население выросло лишь на 870 тыс. чел.

Подобные темпы роста населения планеты во второй половине прошлого столетия привели к появлению множества коммерческих организаций и общественных институтов, декларирующих необходимость сокращения рождаемости, развитие системы планирования семьи, отказ от рождений или даже необходимость вымирания человечества. Однако за мощной стеной алармистских настроений и закономерных попыток стабилизировать рост населения во всех странах мира, оказалась не замечена проблема существенной дифференциации уровня естественного

прироста населения в странах Севера и Юга, ведущая по мнению автора к глобальной демографической поляризации.

К сожалению, идеология планирования семьи и информационная кампания по поводу перенаселения планеты охватила не только развивающиеся страны (Юг) где эта проблема действительно актуальна, но и развитые страны (Север) исторически отличавшимися средним уровнем роста населения и относительно низкой плотностью территории (за исключением Японии).

Огромная роль по формированию общественного мнения и созданию ореола страха перед надуманной проблемой грядущего перенаселения планеты принадлежит американскому биологу Полу Эльриху. Вышедший в 1968 г. бестселлер – «The Population Bomb», разошедшийся более чем в 2 миллиона копий, стал новой вехой в распространении постулатов неомальтузианства и формировании сознания миллионов людей. Еще более сенсационное исследование в 1972 г. подготовила группа ученых Римского клуба. Результаты прогнозов получились крайне пессимистическими – человечество уже к концу 2100 г. ожидает неминуемый крах, так как численность населения все более опережает объем текущих ресурсных запасов [1, с. 176].

Истерия общества перед страхом перенаселения планеты активно нагнеталась не только учеными и государственными служащими, но и различными СМИ. Еще в 1951 г. в американском журнале «Look» вышла статья под названием «Бурный рост населения мира также опасен, как атомная бомба», главной мыслью которой было предположение, что причиной почти всех бед на Земле является бесконтрольная рождаемость. В 1953 г. в еженедельнике «Newsweek» публикуется статья, содержащая доводы о существовании некой «взрывной точки», неизбежно достигнутой к 1987 г., когда население планеты, по предположениям журналистов, составит 6,6 млрд. чел. и его будет нечем прокормить [2, с. 76].

Кроме того, к середине 1950-х гг. идеология неомальтузианства выходит далеко за рамки научных исследований и становится непосредственной частью американской внешнеполитической стратегии. Большую роль в реализации демографической стратегии Запада в отношении развивающихся стран сыграло заявление бывшего президента США Л. Джонсона сделанное им в 1955 г. на 20-й годовщине ООН: «Будем исходить из факта, что менее 5 долл., вложенных в контроль над рождаемостью, стоят ста долларов, вложенных в развитие экономики» [3, с. 72].

Подтверждение нашему мнению служит недавнее опубликование секретного документа ЦРУ – «National Security Study Memorandum» № 200, созданного еще в 1974 г. и подписанного 37-м президентом США Р. Никсоном. Исследовав послевоенную динамику роста народонаселения планеты, американские эксперты пришли к выводу о вероятности достижения численности населения мира 8,7 млрд. приблизительно к 2000

г. и 103 млрд. к 2075 г. [6, с. 21]. Выделяя такие демографические тенденции присущие для новых развивающихся стран как: интенсивный рост населения, высокая доля молодежи в структуре населения и сильное миграционное давление, ученые и эксперты приходят к выводу о появлении демографической угрозы национальной безопасности и международным интересам США со стороны развивающихся стран.

Однако на практике эта масштабная и амбициозная политика обернулась не только полным провалом в Африке, но только усилила степень демографического дисбаланса между развитыми и развивающимися странами. Обратимся к официальной статистике – если к 1950 г. из 2,5 млрд. человек на страны Севера приходилось 812 млн. или 32% населения мира, то к 2000 г. при численности 1 млрд. 251 млн. приходилось уже 19%. В перспективе, по средним прогнозам ООН, уровень демографического дисбаланса между странами Юга и Севера продолжит увеличиваться и достигнет 6 к 1 в 2050, 8 к 1 в 2100 г. При этом рассматривая динамику суммарного коэффициента рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в течении жизни) в 1950–2015 гг., необходимо заметить, что в Европе за указанный период времени СКР снизился с 2,6 до 1,6 или на 40%, обусловив переход к суженному воспроизводству населения и увеличению темпов старения общества. Тогда как в Африке в аналогичный период времени СКР снизился всего с 6,6 до 4,7 или на 28%. Более того, за минувшие 65 лет такие страны Африки как Гамбия, Нигер, Чад, Конго и Габон даже увеличили уровень рождаемости, демонстрируя один из самых высоких коэффициентов естественного прироста в мире.

К сожалению, подобная демографическая асимметрия земного шара уже сейчас приводит к масштабному миграционному давлению стран Юга на страны Севера. Актуализация проблем с положением североафриканских беженцев в Европе является одним из начальных симптомов исламизации и изменения цивилизационного кода современной Европы. По расчетам Pew Research Center уже к 2050 г. такие страны как Великобритания, Франция, Голландия, Австралия и Новая Зеландия к 2050 г. перестанут считаться христианскими, т.к. более половины их населения будут составлять мусульмане. Данная ситуация может быть крайне опасной и для России, поскольку при всем территориальном могуществе наша страна в международном масштабе является «демографическим карликом», чья доля мировом населении на 2015 г. составляет лишь 2%. В то же время для стран Севера характерно продолжающееся сокращение трудовых ресурсов и рост демографической нагрузки, что обуславливает потребность в привлечении трудовых мигрантах из стран Юга (медианный возраст в странах Севера составляет – 41,2 года, в странах Юга – 27,8 года).

Решения же данной проблемы должны лежать не в попытках закрытия границ, введениях визового режима или навязыванием странам Юга

западного образа жизни, а в ликвидации бедности, гражданских войн и постепенной социально-экономической конвергенции развивающихся и развитых стран.

Литература

1. Араб-Оглы Э.А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978.
2. Попов А.Я. Современное мальтузианство. М.: МГИМО, 1960.
3. Рубин Я.И. Наследники Мальтуса. М.: Политиздат, 1983.
4. Pew Research Center. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/>
5. United Nations. The 2015 Revision of World Population Prospects. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>
6. United States Agency for International Development. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf

Беспалова Т.В.

ОБРАЗЫ РОДИНЫ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО НАРОДА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена аналитике различных образов родины, обусловленных культурными и историческими символами, а также механизмам наследования ценности родины. Возникающие мифы о России (чёрные/белые) конструируют культурно-историческую память, однако определённая часть символов «распознаётся» быстрее других, что свидетельствует об их «живучести» и востребованности в народной памяти. Особое внимание в работе уделяется механизмам наследования устойчивых «образов родины».

Ключевые слова: образы родины, культурно-историческая память, русская природа, русское пространство, русская душа, искусство, история, культура, православие.

Bespalova T.V.

THE IMAGES OF MOTHERLAND IN CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY OF RUSSIAN PEOPLE: MYTHS AND REALITY

Abstract. The article analyses various images of motherland which are determined by cultural and historical symbols as well as the mechanisms of inheriting the value of one's motherland. The appearing myths about Russia, both black and white, construct cultural and historical memory. However, a

certain part of symbols is recognized faster than the others, which indicates their vitality and demand in people's memory. The article draws special attention to the mechanisms of inheriting sustained «images of one's motherland».

Keywords: image of motherland, cultural and historical memory, Russian nature, Russian space, Russian soul, art, history, culture, orthodoxy.

*Россия слишком
грандиозна, чтобы быть
завершённой...*

Ю.Мамлеев.

Проблема памяти (культурной, исторической) связана с «образами родины», которые в таком контексте имеют не просто литературное значение, а метафизическое. Образ родины, возникнув когда-то в детстве, неминуемо настигает человека во взрослом состоянии в моменты бесконечного отождествления себя с Россией.

Как хочется побыть в тиши,
Где только реченька поёт,
Качают небо камыши...
Лягушка вместо птиц орёт.

Где детства запах, вкус и цвет.
Где образ родины настиг.
Тебя пока со мною нет,
А есть лишь только этот миг.

Память образа родины, память чувства живёт в человеке всегда. Единство общества формируется посредством отражения единого для всех образа отчизны. В период трансформации общества, раздробленности, атомарности, разрушения традиционных связей очень легко конструировать новые типы идентичности посредством мифов. Сакрализация высшей власти и государства приводит к появлению сильных лидеров (мифологизированных или действительно харизматичных) [2], миф становится реальностью. Образ русской власти, например, по-разному обыгрывается и воспроизводится в народной памяти. Персонификация образа власти «Царь-батюшка», «Спаситель», «Отец-родной» связана с подданической культурой и верой в сакральность власти, её непогрешимость - «царь хороший, бояре плохие». «Образы родины» выступают самым значимым компонентом сохранения ценностей и культуры русской цивилизации.

Как возникают эти образы, как они передаются/наследуются/воспроизводятся? Образ сильнее мысли, глубже, стремительнее. Важна взаимосвязь символов, образов, знаков – символ

находится между чистым знаком и означаемой реальностью, без символа содержание знака является ничтожным, он придаёт объекту определённое значение. Образы возникают в процессе восприятия культурных символов. Образы родины в культурно-исторической памяти русского народа связаны с процессом припоминания, «догадничества», социальной наследственности (М.Петров). Культурные символы, создают «образы родины» через обращение к самой сути русской народной жизни и русской природы. Эти символы «угадываются», «распознаются» народом даже вне гениальных творений, так как факторы формирования русского характера, черт русской души статичны.

Символы бывают презентативными (картины-образы) и дискурсивными, что влияет на силу образа, его статичность и способность к наследованию.

Сказать, что это сфера не-вы-ра-зи-мо-го – слишком просто, но, конечно, не лишено смысла. В.Панибратов в работе «Чувство родины» написал такие строки: «...Я, вот когда был в отпуске, отснял окрестности своего села Розгребли. Приехал в город, проявил, отпечатал, и хоть фотограф я никакой...снимки получились. Стал я их рассматривать и вспоминать, и запела душа и заплакала; и как никогда прежде понял я старую истину, что настоящее чувство, большое, глубинное тем и отличается от других, что оно не может быть не то, что до конца, а и «до середины» выражено в слове, в понятии, рассуждении. А потому и передать его другому человеку нельзя, если только не случится так, что подобное чувство уже живёт в другом...Бывает услышишь песню или сам прокричишь её в хорошей компании, или стих напишешь – и в первый момент кажется, что вот уж всё твоё чувство выразилось, и легко так на душе! Но пройдёт время – когда день, когда час, а когда и год – и понимаешь – нет, конечно же нет. И будет новый стих и новая песня, и опять будет легко...и так всю жизнь, пока не осознаешь, что имеешь дело с не-вы-ра-зи-мым...» [4, 105] И бесконечным.

Многие философы, русские мыслители пытались разгадать русскую тайну. Некоторые исследователи всерьёз полагали, что русскоискательство (ответ на вопрос - что такое Россия?) и есть смысл жизни русского человека. Взаимосвязь русской природы и русской души обозначена во многих научных исследованиях. Русская природа –это «лишь внешнее выражение последнего» [3, 10].

Казалось бы – как может природа сформировать национальный характер? Констатация известных фактов о таких чертах русского характера как беспредельность, широта, нежность, грусть и других подтверждает отражение природы в человеке, все эти черты действительно есть в русской природе. Однако природе всё равно – кто ходит по её земле, нельзя забывать об этом – то есть проблема подчинённости природы русской душе (и наоборот) решается не только через созерцание и художественное восприятие, связанное с культурными практиками, но и с

необходимостью легитимации русской культуры политическими практиками.

Русское художественное восприятие определяется спецификой национального созерцания.

1. Русское пространство с его открытым равнинным горизонтом, русская природа со всеми её причудами (томящая душу весна, грозное лето, волшебная завеса туманов осени, суровость снежной мглы и морозов зимы) – всё это приглашает душу человека к мечтательному созерцанию, снимает с неё напряжение.

2. По-русски пылкая, эмоциональная славянская душа со своими пристрастиями и внутренними зарядами, нейтрализуемые суровостью народной судьбы и громадой пространства. Поэтому, миролюбиво-добродушно-созерцательный настрой русской души всегда тосковал по искусству во всех его ипостасях, прежде всего, по песне.

3. Исторически сложившееся многообразие этносов, предполагавшее глубокий синтез как творческую слиянность множества в единство, при котором ни в коем случае не исчезло бы индивидуальное. Для русского человека искусство изначально создавалось как символизация жизненно необходимой задачи (духовной и политической), а художественное произведение (предмет искусства) воплощало живой символ нужной интеграции.

4. Христианская религия во всём её греко-православном своеобразии, которая указала русскому искусству путь к цели, наполнив его духовным созерцанием сердца как представлением о самом важном в жизни и священном – созерцании Божественного и выражение его всевозможными художественными средствами проистекают из духа православного благочестия.

Таким образом, указанные четыре источника позволили И.А.Ильину определить истинное предназначение русского художественного восприятия и творчества [1, 58-65].

В русском восприятии искусство – это не игра, задуманная для потешных забав, развлечений и светской болтовни; не отделка и украшение жизни; искусство должно говорить русскому человеку о чём-то важном – речь идёт о мудрости жизни и мира, схваченных сердечным созерцанием. Это ответственнейшее служение свободного и скромного пророчества, духовное очищение [1, 71-72].

Искусство – есть такое идеальное изображение жизни, которое приводит человека в состояние напряжённого желания, идеального, т.е. красоты, духовной чистоты и добра. Искусство, в котором присутствует Бог, как внутренне пережитая идея, будет бессмертным. Бессмертным будет и хранитель этого искусства. Таким образом, мы приближаемся к разгадке тайны – когда «великое стало расхожим...» [1, 130], следует особое внимание уделять формированию «образов родины», посредством

обращения к собственным культурным практикам, для этого следует обозначить несколько аксиоматических тезисов, на которые мы опираемся:

1. Познание тайны России, русского бытия вне рационального, однако это не означает его невозможность. Исследование архетипов русскости можно изучать по признанным проверенным временем гениальным произведениям искусства и культуры. Гений не является профессионалом в привычном понимании этого слова, так как «искусство на высшем уровне совершенно не профессиональное дело...суть искусства в выражении жизненного опыта», поэтому профессиональным является только средство его передачи [3, 7]. Гений выходит за пределы хронологических рамок и захватывает властью своего искусства целые эпохи и бесконечные поколения. В этом его сила – бессмертие обретается посредством гениального реалистичного любования и отражения простой крестьянской народной жизни, православных символов, бескрайних красот России.

2. Второй тезис касается субъекта восприятия русской культуры, подлинного искусства. Почему один человек испытывает что-то запредельное, соприкасаясь с настоящей-подлинной Красотой, а другой не испытывает? Как это передаётся, наследуется, воспроизводится? В качестве утверждения предлагается следующий тезис – если человек русский (в духовном смысле, прежде всего), он всегда будет ощущать значимость родины как чуда, как запредельной тайны и восприятие гениального будет происходить в интимном духовном порыве, но с ориентацией на общие культурные образы, созданные ранее («русское пространство», «русская природа», «берёзовая Русь» и др.).

3. Как гениальные (музыкальные, литературные и др.) произведения передают ценности русской цивилизации? Как это работает и почему? Гений создаёт поэтическую (музыкальную и иную) объективацию сакрального значения родины и её образы. Образы родины, созданные как реальные, воспроизводятся как значимые из поколения в поколение - «Если крикнет рать святая, Кинь ты Русь, живи в раю! Я скажу - не надо рая – Дайте Родину мою!» или «Два чувства дивно близки нам...». Эти образы цепляют сердце русского человека до сих пор.

Ю. Мамлеев в книге «Вечная Россия» отмечает: «Внутри России скрыто такое духовное сокровище, которое не может быть компенсировано даже раем...» [3, 9].

Образ «Святой Руси» не означал Русь безгрешную, а символизировал значимость православной веры для России, требовал её беспрекословной защиты как определяющего духовного символа цивилизации. Этот образ закрепился в народной памяти и легко воспроизводился и воспроизводится в самые различные исторические эпохи. Современный период развития

российской государственности снова возрождает в новых формах этот образ родины, привычный родной и вечный.

Никакие иные образы родины не могут выместить его. Однако, история сложна и противоречива, на протяжении тысячелетий возникают самые разнообразные образы России: русские, европейские, евразийские – несущие в себе различную интерпретацию исторической событийности, роли личности в истории и по-разному представляющие будущее России.

Особого внимания требует известная в русской философии «двойственность» в восприятии русского бытия, предназначения России.

Двойственность (антиномичность) в восприятии родины в бердяевском понимании не оправдана, на наш взгляд – «**светлая Россия**» («**святая Русь**», «**русская тоска**», «**васильковое слово**», «**калитка осеннего сада**», «но я люблю, за что, не знаю сам») и «**чёрная Россия**» (образ окаянной Руси, Руси тюрьмы, пьянства, бродяжничества, безумного удальства) [3, 15]. Нет «чёрной России», Россия целостна. Автор этой и подобных концепций видят в негативных разрушительных символах в русской литературе «неожиданные светоносные начала». Однако, это в корне неверная постановка вопроса. Это миф, чёрный миф о России, который получил распространение и внедряется в народное сознание через образно-звуковые и интонационные системы. Другое дело – тема «русской тоски», которой придаётся «не только психологический, но и метафизический характер» - это вызывает «взрыв любви к России» - «Нездоровое, хилое, низкое, Водянистая серая гладь, Это всё мне родное и близкое, Отчего так легко зарыдать» [3, 19]. Образы родины, которые связаны с повседневностью, бытом не менее привлекательны героических образов. Они подчёркивают таинственность и загадочность России для самой себя – «безграничность, тоску, бесконечное пространство, обездоленность, сказочность бытия России, русскую незавершённость, составляющую пространство для тайны и для грядущего...» [3, 27].

Очевидно, что возникающие мифы о России (чёрные/белые) конструируют культурно-историческую память русского народа, однако определённая часть символов «распознаётся» быстрее других, что свидетельствует об их «живучести» и востребованности в народной памяти. Особое внимание в процессах мифотворчества следует уделять механизмам наследования устойчивых востребованных «образов родины»: русская природа, русское пространство, русская душа, искусство, история, культура, православие.

Литература

1. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.6.Кн.III. М.,1997.
2. Кольба Н.В. Культура антикризисного политического управления в России. Краснодар. 2007.
<http://www.dissercat.com/content/kultura-antikrizisnogo-politicheskogo-upravleniya-v-rossii-0>

3. Мамлеев Ю. Вечная Россия. Москва. 2009.
4. Панибратов В. Чувство Родины. Санкт-Петербург. Издательство РГПУ им.А.И.Герцена. 2008.

Борисов С.В., Борисова О.А.

ПРОЯВЛЕНИЕ НОРМАЛЬНОЙ И КРИЗИСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ «КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ»

Аннотация. Нормальная идентичность представляет собой сбалансированную систему личности, кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными идентификациями, которые больше не вписываются в прежнюю систему. В основе позиции человека, критикующего ребенка за отсутствие интереса к чтению, лежит недоверие к его возможностям адаптироваться к современной жизни и гармонично развиваться, что, по сути, является проекцией недоверия к миру. Это обостряет ситуацию «конфликта поколений» и является свидетельством проявления кризисной идентичности.

Borison S.V. Borisova O.A.

THE DEMONSTRATION OF NORMAL AND CRISIS IDENTITY IN THE SITUATIONS OF «CONFLICT OF GENERATIONS»

Abstract. Normal identity represents the balanced system of the personality. Crisis identity is expressed in violation of communications between various identifications which don't fit into former system any more. The person criticizing the child for lack of interest in reading doesn't trust of the child's adaptation to modern life. It is a mistrust projection to the world. It aggravates a situation of "the conflict of generations". It is the evidence of manifestation of crisis identity.

Ключевые слова: идентичность, «конфликт поколений», философия образования, детство.

Keywords: identity, "conflict of generations", philosophy of education, childhood.

В условиях современного общества, предлагающего бесконечное множество идентификаций, структура личности становится все более сложной. В связи с этим вопрос об идентичности также обостряется – ведь чем больше идентификаций, тем сложнее сохранять их связанность и последовательность. Нормальная идентичность представляет собой сбалансированную систему личности, где все идентификации гармонично связаны друг с другом, и индивид сознает их все, как принадлежащие ему

и отражающие его сознание. Кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными идентификациями, некоторые из которых больше не вписываются в прежнюю систему.

Рассмотрим этот тезис на одном примере ситуации «конфликта поколений». «Сегодня дети совсем не читают!» Почему эта мысль ужасает представителей старшего поколения и служит с их точки зрения явным доказательством деградации современных подростков?

Можно выделить два аспекта проблемы. Во-первых, родителей и учителей волнует, что дети не читают именно те книги и в том, привычном для них, бумажном формате, которые они сами с удовольствием читали, будучи в их возрасте. Кажется очевидным, что если сегодняшних взрослых во многом сформировало чтение определенных книг, то и подрастающее поколение не сможет без этого полноценно развиваться.

Во-вторых, для старшего поколения, чтение мыслится как едва ли не единственно возможное серьезное действие, сопровождающееся сосредоточенным размышлением. По их мнению, если ребенок не читает, это автоматически означает, что он не задумывается над мировоззренческими вопросами, «скользит по поверхности», предается легкомысленным занятиям, «сидя часами за компьютером».

Возражения по поводу первого замечания очевидны, изменился формат текстов: стили, сюжеты. Подросткам все труднее читать произведения классической литературы: повествование содержит множество непонятных слов, описываемые события ничем не напоминают личный опыт ребенка, переживания героев не похожи на его собственные и не могут быть взяты за образцы поведения. Конечно, фундаментальные идеи этих произведений, проповедуемые авторами нравственные ценности, не устаревают и не теряют своего значения со временем. Ведь именно поэтому эта литература и стала «классикой». Но чтобы проникнуть в ее смысл, современному подростку приходится преодолевать все больше препятствий и принимать все больше условностей. Тем не менее, современные дети книги все же читают, но, чаще, с экрана, в электронном формате и другие, а не любимые старшими поколениями.

Однако даже не читающий литературные произведения ребенок сегодня совсем не чужд самому процессу чтения. Напротив, постоянно общаясь в сети, просматривая за день сотни постов и новостей в интернете, подростки буквально живут внутри текстов, они постоянно воспринимают и создают информацию в таких объемах, которые не сопоставимы с текстами, окружавшими детей еще 20 лет назад.

Прежде чем осуждать детей за легкомыслие и недалекость, хорошо бы попробовать провести аналогию со сложностью в восприятии цифровых технологий сегодняшними взрослыми, «цифровыми иммигрантами» по определению М. Пренски. Многие представители старшего поколения видят в компьютере «умную машину», призванную усовершенствовать нашу деятельность, но они не привыкли использовать компьютерные

технологии в повседневной жизни, они боятся их, приписывая технике некую почти мистическую силу. Логично предположить, что как взрослым, выросшим в иных материальных и социальных условиях, трудно в полной мере приобщиться к новым технологиям, так и детям, родившимся в иную эпоху, сложно читать то и в таком формате, что читали их сверстники 20-50 лет назад.

Теперь рассмотрим второй аспект проблемы «нечитающих детей»: исчезновение практики вдумчивого чтения приводит к снижению интеллектуального уровня и, в конечном счете, к деградации поколения современных подростков. Эта мысль, безусловно, серьезней и глубже, и, на первый взгляд, кажется верным свидетельством поверхностного отношения современных детей к жизни. Клиповое мышление оценивается многими как признак утраты нынешним поколением способности к концентрации внимания, рассуждению, философскому размышлению. Мысль о том, что разучившись читать, так как читали раньше, дети разучились думать, звучит сегодня все чаще.

Однако на разных этапах своего развития человеческое общество уже проходило нечто подобное. Платоновский Сократ в диалоге «Федр» выражает опасение, что когда люди начнут полагаться на написанное слово, как замену знанию, удерживаемому в голове, их память будет лишена упражнения. Появление в XV веке печатного станка Гуттенберга тоже вызывало тревожные прогнозы снижения интеллектуального уровня в обществе. Высказывались опасения, что большая доступность книг приведет к интеллектуальной лени и ослабит способность мыслить.

При осуждении отношения детей к чтению в наше время срабатывает тот же стереотип: образы из прошлого без изменений проецируются в совсем иначе устроенное настоящее. Но сегодня досуг среднестатистического школьника гораздо более разнообразен. Важно понимать, что современный ребенок, в отличие от его сверстников прошлого столетия, получает сигналы внешнего мира, побуждающие его к размышлениям, из самых различных источников. Современные дети не меньше, а возможно и больше времени посвящают серьезным размышлениям. От них требуется постоянно совершать осознанный выбор. Во время нахождения «в сети» ребенок подтверждает этот выбор выражением своих симпатий и антипатий. Эта деятельность в определенной степени требует от подростка осознания своей позиции. Конечно, это не означает, что все современные дети автоматически имеют свою обоснованную точку зрения по всем вопросам. Но очевидно, что окружающая современных подростков действительность создает условия для формирования у них критического мышления в большей степени, чем это было характерно для их сверстников в середине XX века.

Сегодня исследователи вводят понятие «мобильной» или «виртуальной» идентичности [1]. Особую роль в этом процессе играют социальные сети. Очевидно, что в жизни детей чтение книг – не главное

развивающее занятие, а образование уже не является универсальным социальным лифтом [2]. Исследователи говорят об «инфляции образования» [5], о существенном изменении в современном мире практик взросления [3], «новом» детстве, а то и вообще о его исчезновении [4]. И связано это, в первую очередь, именно с уходом книжной культуры.

В основе позиции человека, критикующего ребенка за отсутствие интереса к чтению, лежит главное: недоверие к его природным возможностям, способности адаптироваться к современной жизни и гармонично развиваться, что, по сути, является проекцией недоверия к миру. Принятие взрослым на себя роли контролирующего и указывающего, мешает достичь понимания между поколениями в условиях увеличивающегося разрыва между ними и является свидетельством проявления кризисной идентичности.

Литература

1. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3-15.

2. Борисов С.В. Философия образования современного общества: проблемы и перспективы // Международный электронный журнал «Образовательные технологии и общество». 2010. Т. 13. № 3. С. 491-496. URL: http://ifets.ieee.org/russian/periodical/V_133_2010EE.html (дата обращения: 04.02.2016).

3. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (дата обращения: 04.02.2016).

4. Постман Н. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3 (18). URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/3/ischeznovenie-detstva> (дата обращения: 04.02.2016).

5. Робинсон К. Образование против таланта. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2013. 336 с.

Габриелян А.М.

КОПРОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. С помощью концептуального анализа изучается феномен корпоративного университета в контексте глобализации, его развитие с точки зрения геополитического англосаксонского проекта доминирования. Как альтернатива ему рассматривается европейская образовательная политика интернационализации.

Ключевые слова: корпоративный университет, образовательная политика, глобализация, интернационализация.

Gabrielyan A.M.

CORPORATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF GLOBAL EDUCATION POLICY

Abstract. We used conceptual analysis and studied the corporate University in the context of globalization. In the article we considered the development of this phenomenon in terms of the geopolitical dominance of Anglo-Saxon project. As an alternative, it we considered a European educational policy of internationalization.

Keywords: corporate university, educational policy, globalization, internationalization.

Необходимость анализа корпоративного университета в контексте образовательной политики стран мира обосновывается объективно протекающим процессом глобализации.

Глобализация стала для высшего образования серьезным испытанием. Образование стало неким «солнечным сплетением» глобального мирового организма. Здесь пересеклись интересы экономики, политики и культуры.

Процессы эти все чаще происходят на качественно новом уровне - на базе изменившегося, уже корпоративного университета.

Образовательная политика государства должна найти адекватные ответы на вызовы времени. Наиболее остро в этом процессе стоит проблема сохранения своей национальной самобытности с одновременным интегрированием в мировое сообщество.

Для теоретического осмысления необходимости тех или иных преобразований в системе высшего образования, мы проанализируем корпоративный университет как часть Западного образца развития образовательной сферы.

Вслед, за руководителем МАКО (Международной организации корпоративного образования), Голышенковой О.М. мы понимаем корпоративный университет как «систему внутреннего обучения, выстроенную в рамках корпоративной идеологии на основе единой концепции и методологии, охватывающую все уровни руководителей и специалистов и являющимся инструментом стратегического менеджмента, неотъемлемой составной частью бизнес-процессов» [1, с. 2].

Основными тезисами корпоративного университета являются:

- уменьшение государственного финансирования, переход на контрактную (грантовую) систему взаимоотношений между государством и университетом;

- переход от системы стипендий к грантовой и кредитной поддержке обучения;

- большая дифференциация в оплате труда преподавателей, в том числе за счет разделения преподавательской и исследовательской составляющих университетской деятельности.

Вторая половина XX в. - это время смены университета на корпоративный, который является детищем глобализации, постнационализма, и прежде всего такой ее черты, как ослабление наций государств. По настоящему последствия корпоративного университета стали ясны только с концом холодной войны, с распадом СССР, когда они автоматически стали переноситься на все страны - бывшего первого, второго, третьего и четвертого миров [2, с.183].

Трансформация университета в новое качество корпоративного университета вызывает серьезные возражения. В качестве альтернативных этим возражениям аргументов приводится в пример система университетского образования в США, геополитическое сосредоточие корпоративного университета.

Действительно, исторически так сложилось, что вузы США возникали, в основном, как частные образовательные структуры. Они вынуждены были оттачивать механизмы выживания в жестких условиях рыночной экономики. Преподаватель и студент оказывались в «академическом капитализме» с конкуренцией, частичной и временной занятостью, отсутствием гарантии на труд, платностью образовательных услуг.

Однако в настоящее время государство проводит такую политику, что даже частные американские университеты поддерживаются им прямо или косвенно. Если к этому добавить кумулятивный эффект интеграции в американское общество посредством получения американского образования, то станет менее очевидным эффективность этой системы и выявятся не только ее сильные, но и иные стороны – слабые и негативные.

Болонский процесс является европейским ответом на вызовы времени. Его подход более мягок, так как риторика и практика рыночных отношений системы высшего образования ограничиваются декларацией социальной значимости высшего образования, а не только эффективностью и полезностью для рынка труда. Европейское тождество является важным конституирующим принципом Болонского процесса.

Мягкий и гибкий подход политики Болонского процесса, осуществляемый Европейским Союзом, на вызов времени представляется более приемлемым для значительного числа стран мира, даже за пределами европейского цивилизационного поля.

Подводя итог, отметим следующее:

Развитые страны предлагают свой проект глобализации, в который вмонтирован и процесс реформирования высшей школы по им же предлагаемому образцу.

Интернационализация, как взаимодействие и сотрудничество все чаще заменяется глобализацией как продвижением внешних образцов, доминирующих корпоративных структур, а не проектов национальных государств и их союзов. При этом возможна потеря не только национального суверенитета, но и культурной самобытности. А система образования как раз и является ключевым механизмом социализации, воспроизводства и развития культуры.

Чтобы уйти от англосаксонского проекта доминирования, сохранить национальную самобытность университета, функционирующего, прежде всего, на удовлетворение региональных и национальных интересов и потребностей, необходимо уйти от проекта глобализации как единого стандарта университета – корпорации.

Возможной альтернативой может послужить интернационализация. Интернационализация (процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение) позволяет сохранить возможность сотрудничества на международном уровне, избежать самоизоляции и отсталости. Отношения субъектов политики реформ становятся более демократичными и эффективными. Но при этом интернационализация дает возможность сохранить свою национальную самобытность и быть интересным миру.

Литература

1. Гольшенкова О.М. Построение корпоративного университета / О. Гольшенкова // Менеджер по персоналу. – 2010. – №5. – С. 30–36.
2. Тлостанова М.В. Судьба университета в эпоху глобализации. //Глобализация и гуманитарное знание. 2006. С. 180-185.

Гарбузов Д.В.

МЕДИАСНОВИДЕНИЕ УКРАИНЫ

Аннотация. Украинские события рассматриваются как результат направленного медиасновидения. Сама Украина выступает в нем в качестве объекта, а глобальные коммуникаторы в качестве операторов. Раскрывается механизм генерирования медиасновидения. Прогнозируются перспективы развития ситуации в Украине.

Ключевые слова: конечные области значений, повседневность, направленное медиасновидение, «машина сновидения», сценарий медиасновидения, операторы медиасновидения, объект медиасновидения, глобальные коммуникаторы, Виртуальная Украина, Натуральная Украина.

Garbuzov D.V.

MEDIA DREAM OF UKRAINE

Abstract. Ukrainian events are seen as a result of a media dream. Ukraine supports it as an object, and global communicators as operators of the media dream. Reveals the mechanism of generation of media dream. Forecast prospects of the situation in Ukraine.

Keywords: finite provinces of meaning, directed media dream, “Machine Dreams”, media dream script, the operators of the media dream, the object of the media dream, global communicators, Virtual Ukraine, Natural Ukraine.

Альфред Шюц утверждал, что повседневность – это базовая, но далеко не единственная реальность («конечная область значений»), в которой существуют люди в обществе [3]. Столь же существенными для социальной жизни человека являются миры религиозного опыта, сновидения, игры, фантазии, душевной болезни, искусства, научного теоретизирования и пр. События, происходящие в Украине и вокруг нее, являются ярким подтверждением этого, поскольку они, очевидным образом, разворачиваются не в «натуральной» реальности повседневности, а в «виртуальной»¹ реальности сновидческого типа. Повседневность детерминирована законами физики, а сновидение нет. Это означает, что пространство и предметный мир повседневности обладает собственной инерцией, «косностью». Иными словами, их поведение детерминировано внутренними причинами и поэтому не совпадает с нашим мнением и желанием относительно них. Предметный мир повседневности «игнорирует» нас, отказывается следовать нашим желаниям, подтверждать, реализовать их. Совсем иначе ведет себя виртуальная реальность сновидения. Прежде всего, она не обладает устойчивыми качествами, но находится в постоянном многовекторном «скольжении», изменении. Именно благодаря такому скольжению реальность сновидения может становиться чем угодно и реализовывать любые наши желания и мнения, хотя при этом и не может сохраняться, стабилизироваться в таком состоянии сколько-нибудь длительное время.

«Машиной сновидения» в случае с социумом выступает не мозг в состоянии сна, а мощные средства массовой коммуникации (СМК), поэтому обозначим эту реальность как *медиасновидение*. Общий механизм направленного медиасновидения следующий: 1) участники «социального театра» совершают действие, конституирующее некоторое интерактивное событие; 2) СМК дают любого рода интерпретацию этого события; 3) интерпретированное СМК событие становится частью мировоззрения обывателей и основанием для принятия официальных решений, имеющих

¹ Осознавая условность и спорность этих терминов в данном контексте, я выделил их кавычками, но в дальнейшем буду использовать их без кавычек.

юридическую силу; 4) принятые официальные решения легитимируют интерпретации СМИ, узаконивая их статус реальных фактов.

Например, вооруженные силы Украины (ВСУ) сбивают гражданский самолет. Спецслужбы Украины заявляют, что это сделали «сепаратисты» из оружия поставленного им Российской Федерацией. Эту информацию тиражируют мировые СМИ. Она становится частью мировоззрения обывателей. Западные страны вводят санкции против России. Или следующий пример. Украинские войска обстреливают из артиллерии жилые районы Донецка. Пресс-служба ВСУ заявляет, что это делают «сепаратисты». Эту информацию тиражируют мировые СМИ. Официальные лица иностранных государств заявляют о необходимости поставить современное оружие для ВСУ, чтобы защитить Донецк от обстрелов «сепаратистов». Конституирующую роль СМИ как «машины сновидения» ярко демонстрируют события в Одессе. Украинские радикальные националисты загоняют противников Майдана в здание Дома профсоюзов, запирают их там и поджигают. Несколько десятков людей сгорают заживо в огне. Спецслужбы Украины заявляют, что все организовали сами противники Майдана, задерживают их активистов, сумевших спастись от пожара, и заводят против них уголовные дела. Однако мировые СМИ в основном предпочитают обходить молчанием этот вопиющий случай и он так и не получает статус реального факта в мировоззрении обывателей. Фактически его стирают из истории, дематериализуют.

Однако в ряде случаев инертная реальность повседневности сопротивляется медиасновидческой виртуализации. Например, ополчение Донбасса окружает большую группировку ВСУ в районе Дебальцево. Руководство Украины включает «машину сновидения» и утверждает, что это не «котел», а «плацдарм». Благодаря этому событие меняет свой смысл на противоположный. Но, как известно, даже если много раз повторить слово «халва», слаще во рту не станет. Физическая природа события отказывается виртуализироваться и несколько тысяч военнослужащих Украины своими собственными смертями подтверждают, что «котел» это все-таки не «плацдарм». Фактически ими пожертвовали ради функционирования «машины сновидения», но одновременно и демаскировали ее.

Говоря о том, что происходящее на Украине является медиасновидением, нужно понимать, что речь не идет просто о мифологической симуляции «реальных» событий. В этом бы не было ничего нового. Особенность событий на Украине заключается в том, что сами реальные события из физического мира повседневности генерируются, совершаются исходя из сценария медиасновидения. То есть в данном случае *не реальным событиям придается некоторый мифологический медиасмысл, а сами реальные события производятся таким образом, чтобы воплощать, реализовывать сценарий*

медиасновидения. Натуральная реальность не симулируется, а изначально производится из виртуальной модели медиасновидения. Здесь поражает масштаб. Украина Второго Майдана – это пионерский опыт направленного медиасновидения целой страны с населением в несколько десятков миллионов человек. Если вспомнить Селию Хобарт из романа «Virt» Джеффа Нуна [2], то по аналогии можно сказать, что Украина Второго Майдана – это мрачный сон Виктории Нуланд. Поражают конструктивные возможности управления реальностью и несопоставимость масштабов – фактически один оператор, пусть и максимально оснащенный медиаиндустрией, способен сновидеть целое большое государство с населением в миллионы человек.

Для понимания общей картины важно отметить, что Западные СМК утратили статус единственного глобального коммуникатора, что сильно усложнило медиасновидение Украины. Началась борьба сновидений, война медиаснов об Украине. Это вносит когнитивный диссонанс, разрушает мировоззрение обывателей и демаскирует саму «машину медиасновидения» и ее операторов. Более того, можно говорить о появлении программы разрушения медиасновидения – *антисновидения*, которую разработала Россия. Иными словами, та интерпретация украинских событий, которую генерируют российские СМК, не является просто альтернативным медиасновидением Украины. Это «хакерский вирус», который разрушает медиасновидение как таковое. Жертвами его атак являются именно цели Виртуальной Украины, на фоне напряженных усилий по сохранению до-майданного status quo Украины Натуральной. Можно сказать, что Россия – это прагматичный Дон Кихот, который сражается не с мельницей, а с самим великаном, замаскированным под мельницу. Основанием неуязвимости великана является признание его отсутствия, поскольку нельзя победить то, чего нет. Однако тайна, которую скрывают «операторы машины сновидения» заключается в том, что великан все-таки существует и победить его можно только в виртуальном пространстве медиасновидения, а не в физическом пространстве повседневной реальности. Украина – это Спящая Красавица, которую усыпила Злая Колдунья, чтобы превратить из субъекта жизни в объект сновидения.

Карлос Кастанеда как признанный мастер и теоретик направленного сновидения [1] утверждал, что для того, чтобы подчинить своей воле ход сновидения, нужно уметь останавливать его скольжение. И лучшим упражнением для тренировки этого умения является визуализация рук, сновидец должен во сне увидеть свои руки. Очевидно, операторы сновидения Украины хорошо знакомы с этой методикой, поскольку в этой истории постоянно присутствуют обвинения в закулисном участии «рук» Вашингтона, Москвы, Брюсселя. Контроль над медиасновидением Украины обеспечивается визуализацией «рук» операторов-оппонентов. Таким способом перехватывается контроль над скольжением

медиасновидения и его ход перенаправляется в другое русло. Эта процедура используется оппонентами-медиасновидцами безостановочно и поэтому сон Украины такой беспокойный и мучительный. Мир с изумлением наблюдает медиасновидение Украины Виртуальной, а в это время разрушительные процессы уже охватили организм Украины Натуральной, Спящей Красавицы. С каждым новым днем миссия Прекрасного Принца становится все более невыполнимой.

Литература

1. Кастанеда К. Искусство сновидения. Активная сторона бесконечности. Колесо времени. М.: ООО Изд. Дом, 2000; «София», 2006.
2. Нун Дж. Вирт. М.: АСТ, 2003.
3. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Гелих О.Я.

О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ СИЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ИХ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. Социальное управление, на его институциональном уровне прежде всего, достигает оптимальных видов и форм, когда опирается на концепции справедливости и ненасилия, что может быть объединено в один интегративный социально-философский принцип. При этом ненасилие как субстрат демократических социальных отношений требует более целостного научно-философского обоснования. В какой мере всё это связано с концепцией справедливости и ее необходимостью как принципа в управлении современными демократическими отношениями в весьма напряженном сегодняшнем мировом социуме – этот вопрос рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: Сила, справедливость, социальность, социум, толерантность, насилие, ненасилие, управление, демократия, общественные отношения.

Gelikh O.Y.

THE POWER AND JUSTICE IN PUBLIC RELATIONS: THE POSSIBILITIES OF MODERN MANAGEMENT

Abstract. On the institutional level the social control first of all reaches an optimal species and forms, when it is based on the concept of justice and nonviolence that can be combined into one integrative socio-philosophical

principle. Though nonviolence as the substrate of democratic social relations requires a more holistic scientific and philosophical justification. To what extent all this is related to the concept of justice and its necessity as a principle of governance in modern democratic relations in the very busy world of today's society – this issue is discussed in this article.

Keywords: Power, justice, social, society, tolerance, violence, nonviolence, governance, democracy, social relations.

Постановка проблемы. Нередкие размышления коллег о так называемой «мягкой силе» приводят иногда в изумление тем, что до «изобретения» ими этого термина ранее будто ничего в социальной философии и политологии не было. Ни теории насилия Карла Маркса, ни философии ненасилия Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Просто возник этот концепт, словно по сказочному принципу «вдруг откуда не возьмись», так сказать из интеллектуальных глубин творческого сознания «изобретателей». Зададимся однако серьезным вопросом о том, каковы возможности современного управления мировым социумом в нормализации социальной обстановки и в оптимизации общественных отношений на мировом и конкретных региональных уровнях? [Подробнее: 10, 290 с.]. Несмотря на то, что ряд аспектов этой проблемы нами ранее уже рассматривались [6, с. 28-41], ключевой гипотезой размышлений о сути социального управления по-прежнему является наше понимание того, что управление не является насилием по определению, но всегда является силой и может применять насилие (то есть силу, подавляющую свободу индивида вопреки его воле) как далеко не самый оптимальный вид воздействия на личность, общество и общественные отношения [7, с. 19-29]. Социальное управление, на его институциональном уровне, прежде всего, достигает оптимальных видов и форм, когда опирается на концепцию толерантности и ненасилия, что может быть объединено в один общий социально-философский принцип [11, с. 428-430]. При этом ненасилие как принцип отношений имеет, возможно, даже более целостное научно-философское обоснование.

Анализ феномена ненасилия следует начинать, пожалуй, «от обратного» – от насилия как явления социальности [9, 430 с.]. Ясно, что «насилие» связано тесным образом с понятием «силы». Как определял Жанн Госс, под силой в самом широком смысле следует понимать какое-либо *энергетическое действие* [12, с. 22] или способность к действию (потенциальное действие). Вспомним, что у И. Канта в «Критике способности суждения» (§ 28) сила определяется как «способность преодолеть большие препятствия». И «та же сила называется властью (Gewalt), - говорит Кант, - если она может преодолеть сопротивление того, что само обладает силой» [15, с. 268]. Сила – это энергетическое действие, выражающееся, по нашему убеждению, еще как *влияние*. Сила может быть разной социально-нравственной направленности. Нередко силу

простейшим образом ассоциируют с насилием. Насилие, однако, – это сила, разрушающая или имеющая отрицательную морально-ценностную направленность. Но сила может быть и с иным, созидательным, знаком. Этот потенциал силы остается, на наш взгляд, и сегодня недостаточно исследованным в социальной науке и в теории управления.

Парадокс ненасилия. Часто утверждают: прошедший XX век был эпохой колоссального опыта зла, конфликтов, насилия, разрушений, переданных «эстафетой» в так называемой Исламское государство в набравшем уже ход новом веке и тысячелетии. Но парадокс заключается в том, что и завершившийся двадцатый век и прошедшие 15 лет XXI века есть одновременно и время с огромным опытом ненасильственных действий, мирных решений многих назревавших и возникавших конфликтов.

«Если бы враждебность была основной движущей силой, мир давно был бы разрушен», - подчеркивал неоднократно Махатма Ганди [4, с. 168]. «Я обнаружил, - говорил Ганди, - что жизнь существует среди разрушения и, следовательно, должен существовать закон более высокий, чем закон разрушения» [3, с. 65]. Фактически эту же мысль, по сути, мы находим еще раньше и у Генри Бокля. «Что бы ни говорили богословы, - отмечает он, - но достоверно, что во всем человечестве вообще гораздо больше хорошего, чем дурного, и что в каждой стране добрые дела чаще встречаются, чем злые. Действительно, - резюмирует Бокль, - если бы это было иначе, то преобладание зла давно бы уж истребило весь род человеческий...» [1, с. 120].

Причина насилия в большинстве случаев – конфликтные отношения людей, и у этих конфликтов есть веские социально-онтологические, а не только психологические основания, которые не следует путать с основаниями нравственными, этическими, как это нередко происходит в легком изложении учебников от «психологии управления». В онтологическом основании конфликтов есть и генетическая человеческая агрессивность.

Вызывает при этом интерес то, что стоит на полюсе, противоположном насилию. Не только теоретические исследования, но и житейская мудрость подсказывают: *человеческая жизнь возможна лишь в той мере, в какой добрые отношения в ней преобладают над насилием и принуждением.* Но время баланса «с преобладанием» в современную эпоху исчерпано почти полностью. В значительной мере возможность такого баланса ранее была обеспечена относительной слабостью разрушительных средств, и опыт прошедших и идущих войн заставляет заново взглянуть на старые «истины». Иная, инновационная в полном смысле, логика нужна здесь еще и потому, что зло и насилие, преступность и терроризм, с одной стороны, противостоящие им «силовые министры», их структуры от милицейских дубинок до ядерных ракет, с другой, казалось бы, всё больше преобладают над просто человеческим добром. Картина представляется

очевидной, но преобладание насилия над другими формами жизни оказывается кажущимся преобладанием. История учит, что насилие и принуждение не могут длиться бесконечно долго.

Насилие есть подавление свободы. Зададимся вопросом: отсутствие насилия и представляет собой *ненасилие*?

Хорошо известно утверждение о том, что «ответное насилие лучше, чем покорность несправедливости». Но «...отождествление ненасилия с пассивностью и покорностью есть глубокий общественный предрассудок», - подчеркивает французский исследователь Жанн Госс [11, с. 22]. Эта ошибка действительно вошла устойчивым предрассудком в умы и сердца людей. Обыденное заблуждение, что ненасилие равно покорности, имеет место в первую очередь из-за неточного перевода термина на европейские языки с индийского, точнее, с санскрита. Например, в английском – это nonviolence. М. Ганди употреблял «ненасилие» для обозначения отказа от применения *разрушительной силы*, то есть насилия в борьбе за справедливость. «Однако коль скоро мы не хотели бы применять насилие в борьбе за справедливость, мы должны прибегнуть к другой силе, созидательной и миротворческой», - подчеркивал он. Для обозначения этой силы Ганди использовал термин «*сатьяграха*» (от индийского «сатья» – «правда», «истина», «бог»), под чем понимал *силу правды*, *силу души*, *силу справедливости* и *любви* (этимологически «сатьяграха» означает «упорство в истине») [11, с. 19-25].

Справедливая сила – это и есть ненасилие.

«Сатьяграха» как термин не был переведен адекватно на европейские языки, что, как случается нередко, породило общественные заблуждения. Но истина сквозь приятные исключения все же пробивала дорогу. Ганди обладал большей потенциальной энергией, чем кто бы то ни было в его время, и это вопреки тому обстоятельству, что у него не было никаких обычных средств ведения войны – ни боевых кораблей, ни солдат, ни военной техники. У Ганди не было денег, не было даже приличной одежды, но у него была сила. Ганди сотворил эту силу, из своего понимания принципов веры, используя свои способности для перенесения этой веры в сознание двухсот миллионов людей. Он совершил выдающийся подвиг, заставив их объединиться и действовать в унисон, словно это было единое сознание.

Нередко и вполне оправданно утверждают, что управлению неизбежно присуща известная степень насилия, вырастающая из природы агрессивности и конфликтности человека, но более характерной и действенной для нравственно ориентированного и, как итог, более оптимально-результативного управления в мире все более начинает осознаваться «сатьяграха». В основе последней одним из качеств лежит «*толерантность*» как своего рода начальный уровень сатьяграхи. Под толерантностью (термин берет начало от древнелатинского «*tolerantia*», означающего – терпение) понимают прежде всего *негативную* терпимость

друг к другу людей различных взглядов и позиций, основанных на неповторимо-личном опыте каждого. Как концепция толерантность представляет собой поиск возможностей для общих точек зрения даже в тех видах деятельности, которые, на первый взгляд, кажутся несовместимыми. Люди этого мира достаточно различаются между собой, и каждый, хоть в чем-то, хоть в самом малом, но не похож на другого: генной структурой, жизненным опытом, творческими стремлениями, ростом, цветом волос и т.п. Но социум, управление в нем и управление им – это всегда неизбежно общение разных, различных между собой людей, идущих в то самое время к личной цели через достижение целей общих. Но столь уж не схожи интересы и цели одних с целями и интересами других индивидов? Быть может, в той несхожести есть общие точки? И стоит подумать о достоинствах и целях другого? Возможно, он сделает то же.

Толерантность не есть терпение и покорность насилию. Толерантность и сатяграха есть концепции, сущность которых – в стремлении выпрыгнуть из «заколдованного» круга ненависти, насилия, несправедливости. На чем основаны они? На *амбивалентности человека добру и злу*, то есть открытости человеческого индивида как злему, так и доброму началу. Человек рождается, не будучи злым или добрым. Эти качества приобретаются им по мере вставания в социальность. Жизнь терниста, полна абсурда, глупостей, мерзостей, величия и высоты духа, в ней впитываем мы всё, зло и добро, если не можем или не готовы, или бессильны противостоять злу и насилию.

«Даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла», - утверждал Мартин Лютер Кинг [15, с. 67]. «Когда мы познаем это, - говорил Кинг, - мы становимся менее склонны ненавидеть наших врагов. Когда мы смотрим в глубь проблемы, ищем причину содеянного в порыве зла, мы находим в ближнем нашем – враге частицы добра и понимаем, что порочность и злонамеренность его деяний не дает нам полной картины об этом человеке. Мы начинаем видеть его в новом свете. Мы осознаем, что его ненависть является результатом страха, гордыни, незнания, предубеждений и отсутствия взаимопонимания...» [15, с. 68].

И это становится методологическим основанием концепции ненасилия, сатяграхи. «Мы не намерены терпеть в своих рядах насилие, - говорил М.Л. Кинг. - И потому сразу заявляем, что те, кто не собирается соблюдать ненасильственный характер демонстрации протеста, пусть в ней не участвует», - обращался он к согражданам. «Даже если не касаться моральной стороны вопроса о том, какие методы следует применять – насилие или ненасильственные действия, то я не вижу, - подчеркивал он здесь же, - каким образом мятеж мог бы на практике привести к должным результатам» [15, с. 173, 174].

Ненасилие Кинг называл не только тактикой, но и *«жизненной философией»*. «Я стою целиком за тактику ненасильственных действий, - подчеркивал он. - Я не собираюсь никого убивать ни здесь, ни во Вьетнаме. Я не собираюсь поджигать дома. Если демонстрация ненасильственного протеста потерпит поражение этим летом, я всё равно буду проповедовать принцип ненасильственных действий, так считаю это *жизненной философией*, которая определяет не только мое участие в борьбе за расовую справедливость, но и мою связь с людьми, связь с самим собой» » [15, с. 174].

Исходно, по природе своей, человеку присуща не только генетическая (и ставшая социальной) агрессивность, но и как ее противоположный знак – солидарность. Солидарность в истории человека формируется на наиндивидуальной основе как синкретическая племенная неразделенность людей, связанных общностью управляемых целей. Обратной стороной внешней агрессивности становилась внутренняя солидарность. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что именно по такой логике формировались начала того сложного комплекса явлений, развитые формы которых обозначаются понятиями милосердия, морали, нравственности, ответственности.

«Ненасилие сильного» в управлении. Известно, что нет ничего (или почти ничего) в природе в чистом виде. И потому встает вопрос: как же поступать политическому руководителю-практику в реальной управленческой деятельности? До настоящего места мы говорили о сатяграхе тех и того, кто не обладает в практике воздействия и управления потенциалом иной силы, кроме силы любви и добра. Однако реальный руководитель, имея в своем стратегическом поведении неисчерпаемый потенциал сатяграхи, обладает одновременно, может и должен иметь потенциал также и другой силы как энергетического действия, способного оказать влияние. Речь о силе физической и иной силе, способной быть примененной в качестве силы насилия и принуждения. В управлении следует различать *«ненасилие слабого»* и *«ненасилие сильного»*. Ганди неоднократно подчеркивал, что *«ненасилие сильного – могущественнейшая сила в мире»* [3, с. 568]. Трудно быть слабым (физически, интеллектуально, финансово, экономически) и соблюдать одновременно собственное достоинство, и еще при этом уважать и любить других. Но возможно. Если имеется сила нравственная, духовная сила. Но быть сильным – во всех отношениях все же лучше.

Как понимать *«ненасилие сильного»*? *«Ненасилие сильного»*, пояснял Ганди, это то, *«когда мы добровольно отказываемся от применения физической силы и используем ненасилие»*, сатяграху [4, с. 171-172. Курсив мой. – О.Г.]. И страницу спустя он вновь фактически повторяет фразу, употребляемую в другой работе: *«Ненасилие сильного – самая могущественная в мире сила»*.

При этом знания и информация с позиций исследований силы и насилия в управлении являются, пожалуй, самым «трепетным» пластом отношений людей на границе их попадания в сферу насилия или ненасилия, сат্যাграхи. Актуальность этого обусловлена тем, что существует явление, которое можно обозначить как нежелание открываться на некоторые новые, даже очень *обогащающие информации*. В таком случае преодоление этого нежелания отправителем познавательной информации и обогащающих знаний может быть названо «ненасильственным нажимом» (А. Гжегорчик).

Ненасилие, как и насилие, следует определять через понятие *свободы*; ненасилие, сат্যাграха ведут к свободе, сохраняют и расширяют ее. Все действия управления, руководителя, любого другого лица, блокирующие свободу или тормозящие ее развитие, можно с большой вероятностью относить к сфере насильственных отношений и действий с той или иной степенью интенсивности применения насилия. Таким образом, диапазон сат্যাграхи как силы любви в управлении и человеческих отношениях имеет огромный потенциал, в котором даже нажим может рассматриваться ненасильственным, если он руководствуется истиной и любовью к тем и тому, по отношению к кому он осуществляется.

Однако *управление* постоянно *задействует* из своего арсенала для осуществления целей не только сат্যাграху, но и *иные виды силы*, прямо связанные с той или иной формой *насилия* (малой или большей степени интенсивности).

В итоге всех рассуждений, изложенных здесь, мы неизбежно приходим к выводу, что быть справедливым, толерантным и сильным одновременно в любом виде управления – наиболее действенный путь к социальному и деловому успеху. При этом мы хорошо понимаем, что управление – это силовая борьба, в которой не обходятся без конфликтов, противостояния, что это «использование интеллекта и труда других людей», союзников, подчиненных, это деловая коммуникация и одновременно борьба с соперниками, конкурентами. И остается, как эффективное, здесь лишь одно: вести борьбу корректно, нравственно, справедливо, в пределах этики и закона, использовать труд других с несомненной пользой же для этих самых «других».

Да, управление – это и силовая борьба. Но сила, как мы убедились, не равняется насилию, она не равняется злу, сила – это энергетическое воздействие, проявляющееся как влияние. Нравственно-добрая сила не запрещена и не аморальна во всех сферах управления. Здесь возникает, однако, также и следующий вопрос о том, имеет ли руководитель моральное право применять насилие: политическое коварство, приемы поведенческой маскировки, тактическую хитрость и целый ряд противостоящих встречной силе, встречному насилию мер; возможно, применимо ли отбрасывание, по выражению Э. Дюркгейма, «нравственных излишеств» в управлении и деловом менеджменте, тех

«излишеств», что вредят делу, достижению успеха организации объединенных людей? Ответом напрашивается конструктивное «да». При дополнении: «Не за пределом того «нравственно-законного минимума, за которым начинается преступление!»

Жизнь есть борьба. Эта истина, ставшая расхожей фразой, именно потому во многом и стерлась, затерлась в своем значении, в силу той самой своей «расхожести». Этика протестантизма как моральный стержень современности сформировала тот порядок социальных отношений, в которых право на успех имеет тот, кто неустанно данное свое право отстаивает, отстаивает и утверждает энергией, деятельностью, силой, борьбой. Но следует помнить: сила силе – рознь. Сила как насилие способна принести успех лишь в ограниченных и очень ограниченных пределах. Иначе из заколдованного круга не выйти. Если насилие применено против руководителя, организации, учреждения, страны, государства, то в управленческом распоряжении (кроме противостояния силой добра и любви), безусловно, – весь арсенал прав на *ответную силу* в борьбе за существование, на собственный успех в жизни, социально-деловых отношениях и управлении ими.

Спрашивается, как же в этом случае быть с Нагорной проповедью и ее девизом: «...Подставь другую щеку!» (?) Ведь хорошо известно, что именно так не только священнослужители, но очень часто и дилетанты от душевной аморфности и нравственной трусости советуют поступать всем. Каков же конструктивный ответ?

Во-первых, не следует путать *абсолютную этику* и *этику практической ответственности*, как говорит немецкий социолог Макс Вебер [2, с. 695-696]. Абсолютная (акосмическая) этика Евангелия не фиакр, куда можно входить и выходить по своему усмотрению, отмечает Вебер в своей «Politik als Beruf». Этика управления есть этика ответственности за принятые решения, за проведение их в жизнь. Макс Вебер много цитирует Льва Толстого, восхищается им, но остается собой и мыслит самостоятельно. Чтобы уметь подставить другую щеку, нужно быть святым, и *только тогда* это верно, говорит он. И в этом полном отсутствии достоинства есть свое достоинство, отмечает Вебер. Без «гибридов» – быть там или тут. Выступить в жизни «полусвятым» невозможно. А если ты не святой, если ты руководитель конкретного социального института или менеджер конкретной организации, то обязан ответить на зло, нависшее над организацией, ее людьми, иначе ты несешь ответственность за распространение этого зла, что вслед неизбежно обвалится, обрушится на окружающих. Иначе *ответствен* ты за то, что зло, несправедливость, насилие возьмут верх в этом мире. В этом суть этики практической ответственности, «этики мужского достоинства», как еще формулирует ее Вебер.

(Конечно, собственно у М. Вебера иной слог и тонкие акценты. «Подставь другую щеку!», - говорит он, - есть безусловная заповедь,

которая не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить. Этика отсутствия достоинства - разве только для святого. Так и есть: следует быть святым во *всём*, хотя бы по намерениям (выделяет Вебер это «*всём*» своим курсивом), следует жить как *Иисус*, апостолы, святой *Франциск* и ему подобные, *тогда* она (данная абсолютная этика. – О.Г.) является выражением некоего достоинства». «*В противном случае - нет*», - твердо итожит немецкий социолог, вновь выделяя текст, что делает в своих работах крайне и очень редко. И завершает: «Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: «Не противостоять злу насилием», - то для политика имеет силу прямо противоположное: ты *должен* насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты.» (Вновь курсив Вебера. – О.Г.) [2, с. 695-696]. В работе «Политика как призвание и профессия» [2, с. 726] ученый вновь возвращается к этой проблеме. «Нужно, - говорит он, - выбирать между религиозным достоинством, которое дает абсолютная, акосмическая этика, и *мужским достоинством*, этика которого проповедует нечто совсем иное: «Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно победит». Этика мужского достоинства – это и есть этика политического управления и практического менеджмента, глубинными основаниями которой выступают, во-первых, сатяграха и любовь к ближнему, во-вторых, ненасилие сильного и, в-третьих, возможность в качестве тактического (но не стратегического) средства ответно-адекватного (и только такого) противодействующего *насилия*.

Итак, противиться злу в управлении и социальных отношениях их многообразного спектра можно всем арсеналом силы. От силы добра, сатяграхи, как «ненасилия слабого» (не имеющего достаточных или вообще не имеющего насильственных средств), так и «ненасилия сильного» (силы добра с мощным административным, управленческим, физическим, правовым ресурсом в потенциале одновременно) или лишь в последнюю очередь, когда все иные средства исчерпали себя, – до многогранного и *адекватного* спектра насилия.

Управление и справедливость. Справедливость как «сочетание доброты и правосудия» (Г. Файоль) есть исходный общественный идеал, вне которого невозможен ни социум в целом, ни любая из его социальных организаций, от государства до общественной, коммерческой, любой экономической, деловой организации и наоборот. В теории справедливости принято освещать два, друг от друга зависимых, направления. Первое – это теория «полного согласия» (Джон Ролз, Rawls), которая отвечает на вопрос, каким должно быть абсолютно справедливое общество. («Теорию справедливости» Ролза в США с 1970 г. прочитала добрая половина взрослого населения, вторая же половина делает вид, что читала, ибо стыдно признаться в незнании того, что формирует пласт национального мышления. У нас же ее тираж в единственном пока

издании составил всего 3 тыс. экземпляров. При этом книга долго оставалась невостребованной, пока медленно не разошлась к лениво любопытствующему читателю, обретающему с ее прочтением многие новые смыслы и понимание мира).

Вторая – теория «частного согласия», отвечающая на вопрос, как поступать с несправедливостью. Дж. Ролз не рассматривает второй вопрос, ибо сосредоточен на первом вопросе, вне решения которого (а он во множестве сложнейших аспектов исчерпывает его) невозможно подойти ко второму. Методология поиска ответов на второй вопрос, в каком-то смысле, – пафос этой статьи. В ходе изложенных рассуждений мы выяснили, что насилие в борьбе с несправедливостью есть осязаемый, действенный сектор, но лишь один из заметных секторов в арсенале имеющихся средств. Сатьяграха, добро, человеческая доброта – стратегически полнее, методологически полноценнее.

Справедливое управление допускает фактор (сектор) насилия лишь потому, что фундаментальным пластом в основе его возлежит сатьяграха. Насилие не принесет управленческого (как равно и никакого социального) успеха, если действует само по себе, в чистом виде. Расхожие же утверждения некоторых встречающихся нам «оппонентов» о том, что сегодня «обычная жизнь» никак несовместима с принципами любви и добра, в глубине своей не только недальновидны, но и содержат в себе практический, опасный, жизнеподрывающий изъян. Если руководствоваться такой редуктивной методологией, то из тупиков жестокой действительности не выбраться никогда.

Известные слова Ф. Бэкона из его «Нового Органона» о том, что «дело и цель человеческого могущества в том, чтобы производить и сообщать данному телу новую природу или новые природы» [1, с. 80], обретают в рассмотренной здесь проблематике и иной, собственно управленческий, смысл. Если главный вопрос управления заключается в том, что подлежит изменению деятельностью человека в мире, то ответ в аспекте его силового воздействия состоит, на наш взгляд, в том, что насильственное воздействие как покушение на свободу других и гармоничную целостность этого мира не соответствует природе и сущности человека, его миссии в этом мире. Сила, обретенная человеком, ценностно-целесообразна лишь тогда, когда она является сатьяграхой – энергетической силой любви и добра, способствующей конструктивному развитию этого мира.

Итак, сфера силовых нравственно ориентированных управленческих действий может быть самой широкой. Ибо справедливость без силы – немощна. Но следует помнить также и то, что сила без справедливости – слепа. А размышления о справедливости наводят на ненасильственное отношение нас каждого – к другому без вновь «изобретенного» концепта так называемой «мягкой силы».

Литература

1. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. 2-е изд. М.: Мысль, 2013.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
3. Ганди М.К. Моя жизнь [Автобиография. – «Ханд сварадж»]. М.: Наука, 1969.
4. Ганди М.К. Сатьяграха // Ненасилие: философия, этика, политика. М.: Наука, 1993.
5. Гелих О.Я. О междисциплинарных исследованиях управления // Научное мнение. Философские и филологические науки, искусствоведение. СПб., 2015. № 5.
6. Гелих О.Я. О силе и справедливости в общественных отношениях и их управленческом регулировании // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. СПб., 2015. № 11. С. 28-41.
7. Гелих О.Я. О силе, справедливости и толерантности в современных общественных отношениях // Философия права. 2012. № 6.
8. Гелих О.Я. Управление и насилие: социально-философский анализ. СПб.: Книжный Дом, 2004.
9. Гелих О.Я., Нестеров А.В. Философия и методология управления. 2-е изд. СПб.: Книжный Дом, 2014.
10. Гелих О.Я. Цивилизационное значение управления // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Красанд, 2015.
11. Госс Ж. Ключевые понятия гуманистической и христианской концепции ненасилия // Ненасилие: философия, этика, политика. 2-е изд. М.: Наука, 2013.
12. Древнекитайская философия: Собрания текстов. М.: Мысль, 1972. Т. 1.
13. Индийская философия. М.: Иностранная литература, 1956. Т. 1.
14. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. М.: Мысль, 1974. Т. 5.
15. Кинг М.Л. Есть у меня мечта... (Избранные труды и выступления). М.: Наука, 1970.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Канон+, 2014.

Глушенкова Е.И.

А. ПАНАРИН И РУССКИЙ КОСМИЗМ

Аннотация. А.С. Панарин (1940–2003) – видный российский политический философ XX века, оставил после себя яркое наследие. А.С. Панарин рассматривается в качестве представителя религиозного направления русского космизма, для чего приводятся должные аргументы. Изучены общие контуры его философии, философии цивилизации, его модели взаимодействия в системе «общество-природа». Поднимается вопрос о цивилизационных особенностях России – как их видели Панарин и русские космисты; затрагивается тема цивилизационной идентичности стран постсоветского пространства. Наследие Панарина рассмотрено в сопоставлении с разработками его друга и современника Н.Н. Моисеева (1917–2000), который известен как признанный русский космист естественно-научного крыла. Обнаружено много точек соприкосновения А.С. Панарина и исторического русского космизма, как и параллелей в творчестве А.С. Панарина и Н.Н. Моисеева: в своей основе теории цивилизации Панарина и в русском космизме совпадают, и, учитывая значительные расхождения между современными версиями русского космизма, наследие А.С. Панарина можно расценивать как творчество русского космиста религиозного крыла конца XX века; в этом качестве он обогатил соответствующее направление рядом совершенно новых и оригинальных идей.

Ключевые слова: концепция цивилизации, русская православная цивилизация, цивилизационная матрица, русское цивилизационное пространство, русская идея, соборность, система «общество-природа», цивилизационная идентичность, (религиозный) русский космизм.

Glushenkova E.I.

A.PANARIN AND RUSSIAN COSMISM

Abstract. A.S. Panarin (1940–2003), a prominent Russian political philosopher of the XX century, has an outstanding legacy. Here we argue that A. Panarin is a representative of Russian religious cosmism. We examine Panarin's philosophy, his philosophy of civilization, philosophy of nature, his “nature-society” system. The question of Russian civilizational specifics is raised as well as civilizational identity of the post-Soviet countries. The analysis of the ideas of Panarin is performed compared also with the theories of his friend, the celebrated Russian cosmist and noosphere theoretician N.N. Moiseev (1917–2000). Panarin and Russian religious cosmism theoreticians have much in common, as well as Panarin and Moiseev. Here we conclude that, as a Russian civilization thinker, Panarin strongly correlates with Russian religious Cosmism,

and appears to be the representative of one of its contemporary schools. Moiseev contributed to Russian Cosmism legacy the number of brand new untrivial ideas.

Keywords: civilization theory, Russian Orthodox Civilization, civilization matrix, Russian Space of civilization, Russian idea, sobornost, “nature-society” system, civilizational identity, Russian (religious) cosmism.

Русский космизм – явление разнородное, неоднозначное и противоречивое, и, одновременно – центральное в русском философском дискурсе. Условно русских космистов условно подразделяют на теоретиков религиозного и естественнонаучного крыла. Считается, что предметом их пристального интереса является человечество, рассматриваемое как целое. Практически все космисты говорят о единстве Вселенной и единстве человеческой цивилизации и Вселенной. Одновременно в центре философии космизма – человек. Человек выступает активным деятелем, делателем мира. В позднесоветской и постсоветской России преобладают космисты естественнонаучного направления, а религиозные русские космисты почти не встречаются.

Профессор МГУ, многолетний руководитель кафедры теоретической политологии МГУ А.С. Панарин был, без сомнения, ярчайшей фигурой отечественной политологии конца XX века, к сожалению, не оцененной по достоинству при жизни. Он не просто мыслил неклассически и вне марксистских схем еще в 1980-е гг., он был профессиональным философом, прекрасно понимал постмодернистский контекст, его несовместимость с картезианством, позитивизмом, историцизмом, технооптимизмом модерна.

Вслед за русскими космистами религиозного крыла, он исследовал вопросы противоречивой русской цивилизационной индивидуальности, когда народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит ни государства, ни власти, не привязан к тому историческому величию имперской России, которым пленены и заморожены народы Запада. Ведь русские в мире политическом ищут «не столько организованного общества, сколько общности» [1, с. 298].

Он поддерживал идею отсутствия у русских противоборства, противостояния, соперничества между гражданским обществом и государственно-властными структурами. Мотив соседства противоположных природной, языческой стихии и аскетически-монашеского православия в русской душе, близок Панарину. И все-таки главное для него – выделение идеационального (термин П.А. Сорокина) характер русской политической и иной реальности. Русский всегда живет «для чего-то». Базовые метафизические ценности в основе жизни. Русские цели всегда духовны, не инструментальны, а русская идея – предельно неутилитарна. Философия цивилизации, на примере русской цивилизации, оставалась для Панарина центральной на всех этапах его творчества. Вот что для него главное в русской цивилизации: не православие как таковое, а

православие, в сочетании с особым характером окружающей среды; никогда бы православие Византии, само собой, «без привязки к русскому космическому пространству», не создало бы этого цивилизационного типа [6, с. 184]. Для Панарина в недрах нашего цивилизационного ядра, матрицы, находятся, во-первых, христианско-православные сакральные Смыслы, во-вторых, особое отношение к материальному, натуре, природе, диктуемое особым восприятием пространства, названное Панариным «русским пространством»; ему видится, что в глубинах русской цивилизации заложены два связанных между собой рода смыслов – православие и космизм как русское своеобразное восприятие мира. «Человек живет не только небом, но и землей, и территориально-географические детерминанты в немалой степени ответственны за склад характера, образ жизни народов, живущих в определенной части ойкумены», народы живут, адаптируясь к «особенностям своего пространства-времени», к своей окружающей среде [5, с. 60]. Признавая системно-средовые отношения за основу политической жизни общества, Панарин считал, что русская цивилизация не подчиняется системно-средовой логике по принципу вызов-ответ. Русские интерпретируют импульсы из окружающей среды относительно некой культурно-смысловой схемы в ее ядре, относительно определенных высших, сакральных смыслов, в народном духовном опыте. Смыслов правды, справедливости, соборного начала. [5] Русские дают ответ не в соответствии с самим вызовом, а в зависимости от совпадения-несовпадения со смыслами, заложенными в ядре-матрице [4, 6] Западу, с его стремлением менять, а не меняться, претит непредсказуемость нашей реакции, и в этом суть конфликта между нами. Но однажды народы восстанут против гегемонистской модели Запада, и первой восставшей будет православная страна, или регион, писал он. Участок мира за пределами России, где есть признаки русской православной цивилизации [6].

В основе русской цивилизации, по Панарину – противоборство идеи (текста) натуре (материальному). В России дух одерживает победу. Русские живут по Книге и сопрягают жизнь со Смыслами, интерпретируя и реинтерпретируя их. «Греческая вера» не осталась просто религией. Византия погибла. Но есть мы, носители Высших Истин, священного наследия, что нужно сохранить. В этом, а не в великодержавно-националистических потугах, мессианство русской идеи. Наше православие космично, русский Христос не социо-, а космоцентричен, в русском богословии оправдание божьего мира, не тронутого грехом. Русские работают над тем, чтобы соединить человека плоти и духа, Космос и Землю, земное и небесное. «Глобальное управление» слишком мелко для русского духа, он - обращен в Космос. Природа для нас – Дар, не мастерская, а тварный мир – это всего лишь составляющая в связке «космос–общество–человек».

Неслучайна дружба Панарина с акад. Н.Н. Моисеевым, космоистом-теоретиком ноосферы. Среди их общих идей – восприятие русской идеи как высшего понятия о пространстве-времени. [2] Русская идея – ответ на загадку человека и заключается в том, чтобы соединить высшие сакральные смыслы (софийность) в себе и мире, воссоединяя их. Еще одно – отказ от «культы культуры» как от ложной идеи любви к миру. Чтобы соединиться со Христом (а Он «победил мир»), надо «победить мир» в себе. На то русская идея и направлена. [2, 7] Как и Моисеев, Панарин называл врага цивилизации России – экономического человека, фарисея-законника, «человек порядка». [3, 6] Носитель русского цивилизационного типа – мыслитель, живущий жизнью Ума и Духа, способный воспроизводить соборное начало русской цивилизации. Соборность же, не общинность, а абсолютное духовное единство, объемлющее весь человеческий род, должно быть в основе принятия всех общественных решений в мире.

Панарин обосновывал роль духовной вертикали в цивилизационном типе. Он призывал переосмыслить мир на основаниях гомогенности, в основе чего – духовная культура православия, раздвигающая границы пространства-времени. Панарин оперировал сонмом идей русского космизма и вошел внутрь их смыслового пространства с багажом своих идей. Опережая свое время, остро чувствуя космизм русской цивилизации, он и сам был носителем русского цивилизационного ядра, хранителем Высших Смыслов.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука, 2012.
2. Глушенкова Е.И. Экополитология Моисеева и устойчивое развитие России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2015.
3. Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: 2002.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире // Трибуна русской мысли. 2014. № 15.
6. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
7. Панарин А.С. Русская идея. М., 2014.

Губина О.В., Бутенко И.В.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты исследования экономической безопасности организации. Изучены подходы к определению содержания категории «экономическая безопасность»; выделены ключевые факторы, определяющие экономическую безопасность организации, оценка экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, факторы экономической безопасности, внешние и внутренние экономические угрозы.

Gubina O.V., Butenko I.V.

ECONOMIC SECURITY AS CONDITION OF SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION

Abstract. In article some aspects of research of economic security of the organization are considered. Approaches to determination of content of the category “economic security” are studied; the key factors defining economic security of the organization are allocated.

Keywords: economic security, factors of economic security, external and internal economic threats.

Состояние мировой экономики в настоящее время, ставит задачи обеспечения экономической безопасности в ряд наиболее сложных и актуальных проблем современности. «Безопасность общества – это состояние (включая факторы, условия и механизм обеспечения этого состояния) сбалансированности всех (внутренних и внешних) сторон его бытия, формирующее возможности реализации интересов его текущего и будущего развития» [5].

Одним из элементов общей безопасности является экономическая безопасность. Экономическая безопасность как научная категория – это составляющей национальной безопасности и, кроме того, принадлежит к системе категорий экономической науки. Понятия «экономическая безопасность» и «национальная безопасность», возникли после второй мировой войны, в соответствии с принятием в 1947 г. в США закона «О национальной безопасности».

В нашей стране вопросами обеспечения экономической безопасности стали заниматься только с 1990-х годов в связи с наступившим кризисом. В этот период значительно возрос интерес к проблеме экономической безопасности, как органов власти, так и научных кругов. Создание Совета безопасности и принятие в 1992 г. Закона РФ «О безопасности» стало

началом обстоятельного исследования проблем безопасности. Большинство определений безопасности основаны на термине «защищенность» как состояния защищенности наиболее важных интересов общества и его структур от внутренних и внешних угроз [1].

При изучении подходов к содержанию и структуре категории «экономическая безопасность, мы выяснили, что при определении экономической безопасности важное значение имеет тот субъект отношений, чью безопасность хотят обеспечить (государство, регион или хозяйствующие субъекты).

Остановимся подробнее на особенностях обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Самостоятельный хозяйствующий субъект, с правом юридического лица на основе имеющихся у него ресурсов производит и реализует продукцию, товары, выполняет работы и оказывает услуги. Эти моменты должны учитываться при обеспечении его безопасности.

Безопасность организации – довольно ёмкое понятие. Это, прежде всего, отсутствие угроз или наличие возможностей по их предупреждению, недопущение ущерба больше критического размера. Безопасность организации зависит от повседневной работы служб безопасности, которые обеспечивают безубыточную работу организации, сохранение и приумножение её активов, недопущение разглашения коммерческой тайны, пресечение преступлений, сохранение интеллектуальной собственности и т.д. Основная задача системы экономической безопасности организации – это оперативное выявление и предотвращение внешних и внутренних угроз, дестабилизирующих факторов, обеспечение защищенности деятельности и достижение основных коммерческих интересов и целей уставной деятельности [4].

Под угрозой понимают изменения во внешней или внутренней среде субъекта, приводящие к негативным изменениям предмета безопасности. Внешние угрозы всегда связаны с противоборством политических и экономических мировых интересов, обострением глобальных экологических проблем. Внутренние – это уровень развития собственной экономики, социальной напряженности, платёжеспособность населения, наличие необходимых природных условий и ресурсов, угроза потери делового имиджа, проблемы с партнерами, конфликтные ситуации с представителями криминальной среды и т.д.

Эти угрозы или факторы влияют на равновесие экономической деятельности организации и даже могут нарушить его. Это означает потерю экономической безопасности и наступление опасности, что на деле выражается в уходе с рынка, потере имущества и капитала, платёжеспособности, финансовой устойчивости и, в конечном счёте, в несостоятельности или банкротстве.

Рассмотрим структуру функциональных элементов экономической безопасности организации. Обычно она включает: политико-правовой; информационный; финансовый; кадровый; технико-технологический;

экологический; силовой элементы. Каждый из этих элементов экономической безопасности характеризуется содержанием, критериями оценки и способами обеспечения [3].

Важной задачей является достоверная оценка экономической безопасности, которая на основе анализа абсолютных и относительных показателей производственных, трудовых и финансовых ресурсов позволяет определить текущее состояние организации [2]. Также, она дает информацию о динамике уровня экономической безопасности, резервах, необходимых для дальнейшего развития организации и укрепления экономической безопасности в перспективе. В экономической науке довольно много методов оценки экономической безопасности. Однако, в целях комплексной оценки экономической безопасности целесообразно разрабатывать алгоритмы, позволяющие на основе системы обоснованных показателей и с помощью многомерного сравнительного анализа представить полную характеристику хозяйственной деятельности.

Таким образом, успешная деятельность и рост экономического развития в современных условиях во многом зависит от степени обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Необходимость соблюдения экономической безопасности определяется для каждого субъекта задачей обеспечения стабильности функционирования и достижения главных целей своей деятельности. Уровень экономической безопасности организации зависит от того, насколько оперативно и эффективно её руководство и специалисты будут способны избежать возможных угроз и ликвидировать последствия негативных составляющих внешней и внутренней среды.

Литература

1. Федеральный закон «О безопасности»: Федеральный закон от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 28.12.2010 г.). Режим доступа: <http://consultant.ru/>

2. Губина О.В., Потапова В.С. Этапы диагностики экономической безопасности и устойчивости развития организаций // Инновационно-информационные технологии в анализе, экономике и финансах: научное издание. Международная научно-практическая конференция (Орел – Барселона, май 2013 г.): сборник научных статей / под общ. ред. Н.В. Парушиной. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2013. 148 с.

3. Максаков Н.С. К вопросу о содержании экономической безопасности предпринимательской структуры // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12. С. 202-204.

4. Нуштаев И.В. О ключевых угрозах экономической безопасности современной России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11. С. 153-157.

5. Суглобов А.Е. Экономическая безопасность предприятия: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Е. Суглобов, С.А. Хмелев, Е.А. Орлова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 271 с.

Протоиерей Николай Доненко

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматривается роль христианских ценностей в современном обществе. Исследуются причины современного кризиса идентичности, раскрывается историко-культурный механизм исторической памяти, который соединяет русскую культуру с византийской, а через нее - с классическим греко-римским миром.

Ключевые слова: христианские ценности, византийская культура, идентичность, восточно-христианская цивилизация, Херсонес.

Archpriest Nicolay Donenko

CHRISTIAN VALUES IN MODERN WORLD

Abstract. The role of Christian values in modern society is analyzed in the article. The sources of modern crises of identity, also as historical and cultural mechanism of the historical memory, which uniting Russian and Byzantium cultures with classic Greek-Roman world are investigated.

Keywords: Christian values, Byzantium culture, identity, East-Christian civilization, Chersones.

Когда мы говорим о ценностях, в том числе, и христианских, мы должны понимать, что все ценное может быть легко заменено на равноценное, в том числе и глубоко антихристианское, чуждое национальной жизни. Только подлинное живое отношение ко Христу выстраивает истинные пропорции между земным и небесным, приходящим и вечным, человеком и Богом: «Иисус Христос неизменен: Он Тот же вчера, сегодня и вовеки» (Евр., 1, 7). Восточно-христианская цивилизация, в которой мы родились и сформировались и вне которой мы не можем быть самими собой, по сути своей христоцентрична. Всё подлинное в ней исходит от Христа и возвращается ко Христу, преображая национальную жизнь и историю.

Перед лицом торжествующей беспринципности, непрестанно расцерковляющимся бытием, чувством ошибочности этого мира православные христиане призваны к наиболее полному воплощению евангельских заповедей.

История человеческих заблуждений безмерно велика, и результат этих заблуждений очевиден. Но как бы ни были велики наши заблуждения, они несоизмеримы с Премудростью Божией, Его человеколюбивым Промыслом, который никогда не оставляет человека как на пике его восхождения, так и в бездне духовного падения.

Когда тьма становится почти непроницаемой, а действия человека бессмысленными и хаотичными, явные и тайные предрассудки и суеверия оплетают человеческое существо, – безальтернативно наступают великие потрясения, какими изобилует русский XX век. События, как правило, наступают внезапно, неся с собой непредсказуемость. Новые обстоятельства рожают новые смыслы: прежние победы, совершённые в других условиях, становятся историей. На место **«бунтующего» человека**, о котором говорил А.Камю, **человека «играющего»**, как его определял И.Хайзинга, и наконец, **человека разумного**, пришел **человек заблудившийся**, который, в отличие от блудного сына, не помнит ни отцовского дома, ни самого отца. Он уже не способен размышлять, бунтовать или играть, и, в то же время, удивительным образом сохраняет сердечную расположенность к непреодолимому заблуждению, поражающему ум и волю. Такой человек становится **теплохладным**, и главным мотивом его жизни становится комфорт, ради которого он без сожаления готов отказаться от Истины.

Подобный человек предаёт забвению национальные святыни, устои и традиции, более того, способен сознательно и активно их отрицать. В результате духовные связи разрываются, становится невозможной ориентация в историческом пространстве. Сосредоточенный на сумрачной пульсации своего существа, он не может определить своего истинного местонахождения и подлинного смысла жизни. Предоставленный самому себе, заблудившийся человек обречен на бессмысленные движения до тех пор, пока в его жизненную ситуацию не вмешается кто-то извне, обладающий духовными ориентирами и способный указать ему путь к Богу.

Очевидно, каждое поколение должно быть евангелизировано и воцерковлено. Это возможно сделать, только учитывая специфику времени, характер вызовов и соблазнов. Как правило, недоразумения прошлого мы видим отчетливо, без особых усилий. Но искушения своего времени различаем с трудом и не сразу.

Последние десятилетия мы переживаем огромное количество разнообразных кризисов – культурные, политические, экономические и прочие. Но самый страшный из всех возможных – это **кризис нашей идентичности...** Мы усомнились в своем первородстве, в своем историческом предназначении, в уместности своего нахождения в мире богатых и успешных. Языческий культ успеха, навязываемый нашим умам, неокрепшим сердцам, предлагает другую систему ценностей, не совместимую с христианским образом жизни. Великий русский философ В.Соловьев говорил о том, что важно не столько, то что думает человек о себе и историческом предназначении своего народа, сколько то, что задумал о нем Всемогущий Господь.

Современный человек нуждается в конкретном соприкосновении с православной Традицией, с живыми и убедительными примерами

христианской святости. Сакральной точкой славянского мира, несомненно, является Херсонес – место, где античность и византийская цивилизация встретились с Киевской Русью, где, по преданию, равноапостольный князь Владимир принял крещение и, крестив свой народ, оплодотворил его Вечностью. В течение тысячи лет русские святые молитвой и подвигом вплетали в национальную душу небесные нити истинной веры, тем самым помогая нам стать субъектами не только земной истории.

В течение долгих веков лучшие сыновья нашего народа, святые князья, преподобные, философы, писатели, верные чада Русской Православной Церкви, вплоть до великого сонма новомучеников XX века, преодолевая внешние сумерки, отстаивали русский мир. Всею своей жизнью и даже смертью люди разных этапов русской истории подтверждали духовный и цивилизационный выбор, сделанный однажды князем Владимиром. На каждом историческом повороте небесными и земными скрепами они удерживали русскую реальность как духовный выбор и историческую принадлежность. И это было не чем иным, как подтверждением своего первородства, особым служением Христу и Его Церкви на всех уровнях национального и культурного бытия.

Опыт нашего времени указывает на то, что мало победить в великой и кровопролитной войне. Надо еще осознать эту победу и главное – удержать ее результаты, сделать окончательно своей. Мы видим, как солнечную Победу 1945 года, дарованную Богом нашему народу, пытаются оболгать, унижить или вообще отменить как небывшую. Достаточно прислушаться к истеричным заявлениям, доносящимся из близкого зарубежья. Если лучшие из лучших сыновей нашего народа всею жизнью и даже смертью подтверждали духовный и цивилизационный выбор князя Владимира в течение тысячелетия, то майдановские горе-реформаторы решили изменить историческую парадигму в пользу новых европейских ценностей, тем самым предложив новый сценарий, отличный от нашего опыта восточно-христианской цивилизации.

Кем был князь Владимир и что есть его великое наследие, нам хорошо известно. Но выбор реформаторов с Майдана, их духовные и культурные предпочтения для нас принципиально неприемлемы. Надо отметить, что новые европейские ценности, такие как ювенальная юстиция, однополые браки, эвтаназия и прочие, находятся в непримиримом противоречии с ценностями старой христианской Европы и великой культурой, философией и наукой. И если бы киевские оппоненты великого князя искали бы диалога со старой христианской Европой и ее ныне здравствующими носителями, это было бы еще понятно, но в том-то и ужас – киевская элита, впадая в историко-культурный нигилизм, увлекает свой народ в духовную бездну. Разрыв с русским миром, восточно-христианской цивилизацией есть не что иное, как отказ от своего первородства и великого наследия, от своего призвания и миссии.

Ложь и подмена, манипуляция человеческим сознанием стали нормой, угрожающей национальной и духовной безопасности великой цивилизации. Трагический опыт ушедшего столетия, во многом уникального, показал, что главным богатством нашего Отечества являются не материальные ценности, деньги или товары, даже не огромные территории с армией и оружием, а люди. И в первую очередь, такие, кто был способен оставаться человеком даже в нечеловеческих условиях. Но если люди начинают деградировать, их души и сердца уклоняются от Бога, становясь холодными и неспособными к жертвенному подвигу и состраданию, то никакое общественное устройство с «правами человека» не сделает государство крепким, не сможет вернуть ему былого величия.

Мы знаем, что героем является не тот, кто, ощутив дух времени, может сделать убедительные заявления или продемонстрировать выразительные жесты, но тот, у кого внутри есть недвижимый центр, не подчиненный сиюминутным целесообразностям. И если этот центр, обратившись к небу, соприкасается с Божественной благодатью, которая освящает будущее души и тела, человек становится причастным к Вечности. В конечном счете внимания заслуживает не то, чем обладает человек, – имущество, интеллект или физические данные, но то, насколько он может, проигнорировав запреты и препятствия, всей своей жизнью соприкоснуться со Христом. В конечном итоге, важно не иметь много, а быть многим, что возможно только в лоне Православной Церкви.

Только действие не нуждается в алиби! И мы видим, как поступок святого князя Владимира отозвался в сердцах последующих поколений и продолжает жить в нашей истории. Некогда Петр Первый «прорубил окно» в Европу, что в значительной степени повлияло на исторический облик нашего Отечества, вызвало к жизни новый тип человека с европейскими идеями и предпочтениями – новые обстоятельства рожают новые смыслы.

Но мы помним о Херсонесе – другом окне, прорубленном на заре нашей истории, благодаря которому мы соприкоснулись с византийским миром и стали его наследниками. Мы должны прибегнуть к анамнезису – историко-культурному механизму припоминания своего прошлого, которое нас соединяет не только с европейской культурой, но, в первую очередь, с византийской, а через нее - с классическим греко-римским миром.

Другими словами, у нас есть связь с классическим греко-римским миром, и европейское посредничество, представляемое в течение долгого времени как единственно возможное, имеет свою законную альтернативу. Во всех случаях с опытом европейского изложения античности мы уже знакомы, но посмотреть глазами святоотеческой традиции на классический мир нам еще предстоит. Без сомнения, такой угол зрения расширит наше сознание, поможет нам обрести новые смыслы и ощутить иное качество бытия, без чего мы не сможем в полной мере пережить свою сопричастность высшим началам и восстановить историческую преемственность.

Всякий раз, когда мы пытаемся сформулировать и выявить в современном культурном пространстве традиционные христианские ценности, которые являются несущими конструкциями нашей цивилизации, мы соприкасаемся с тем исконно-бытийным, что их породило. Более того, мы становимся лицом к лицу с чрезвычайно важной задачей – утвердить основы национального бытия. Каждое поколение должно проходить своего рода инициацию и погружаться в священные пласты своей истории. Сейчас, как никогда, мы должны напрячь историческую память и совершить духовное усилие, которое поможет усвоить наше особое предназначение, отошедшее на периферию общественного сознания, и восстановить органическую связь с блистательным космосом восточно-христианской цивилизации.

Дудник М.Н.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается феномен политического лидерства, проводится анализ философско-антропологических подходов к проблеме лидерства. Роль и значимость политического лидера определяется его антропологическими особенностями. Социально-исторические условия оказывают влияние на формирование образа лидера, но не являются определяющими. Автор уделяет внимание теории черт, которая наиболее соответствует философско-антропологическому подходу. Представлен обзор типологий лидерства, особое внимание уделено концепциям Г. Лассуэлла, Э. Кречмера, М. Вебера. Политический лидер определяется как особый антропологический тип, которому соответствуют личностные характеристики. Под антропологическими особенностями автор понимает совокупность черт характера, личностных измерений, которые отличают политического лидера. Основные экзистенциалы, характеризующие бытие человека, должны найти отражение в образе политического лидера. Внимание уделяется аксиологическому подходу к проблеме политического лидерства, что дает возможность проанализировать систему ценностей, присущую лидеру. Освещается история вопроса политического лидерства, очерчиваются перспективы исследования.

Ключевые слова: политический лидер, политический актор, теории лидерства, качества лидера, антропологические характеристики.

Dudnik M.

POLITICAL LEADER: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The phenomenon of political leadership is examined in the article, the analysis of different philosophical-anthropological approaches is conducted to

the problem of leadership. An author comes to the conclusion, that a role and meaningfulness of political leader are determined by his anthropological features. Socially-historical terms have influence on forming of character leader, but are not qualificatory. At consideration of conception leadership an author pays attention on the theory of character traits, that most corresponds to philosophical-anthropological approach. The brief review of typology leadership is presented in the article, the special attention is spared to conceptions of H. Lasswell, E. Kretschmer, M. Weber. A political leader is determined as the special anthropological type one or another personality description correspond that. Under anthropological features an author understands totality of character, personality measuring that distinguish a political leader traits. It is shown in the article, that basic existential characterizing life of man must find a reflection in character a political leader. There axiological approach to the problem of political leadership, which allows you to consider based on the system of values inherent in a leader. History of question of political leadership is illuminated in the article, the possible prospects of research are outlined.

Keywords: political leader, political actor, theories of leadership, quality of leader, anthropological descriptions.

Термин лидерство имеет множество значений и используется при описании широкого круга явлений, которые относятся к механизмам власти, реализуемой в тех или иных социальных группах. Исследование политического лидерства является на данный момент приоритетным направлением, при этом, следует отметить, что феномен лидерства рассматривается, как правило, в русле психологии, политической науки либо социологии. Подобная узко-дисциплинарная направленность указывает на необходимость выхода на мета-уровень, создания междисциплинарного подхода в изучении данной проблемы. На наш взгляд, только философская антропология дает возможность рассмотреть человека исходя из всех его сущностных измерений, не ограничиваясь лишь биологическим, социальным, культурным или политическим уровнем бытия.

Одна из основных задач статьи – проанализировать, в какой степени роль и значимость политических лидеров определяется их антропологическими особенностями, а в какой – социально-историческими условиями. Под антропологическими особенностями мы будем понимать некую совокупность черт характера, личностных измерений, которые отличают политического лидера.

Отметим, что при рассмотрении вопроса лидерства и анализе поведения политических персоналий, большинство исследователей приходит к выводу, что, несмотря на схожесть качеств, которые склонны проявлять лидеры, стили их руководства все же отличаются, а это приводит к необходимости определения типа лидерства. В подобном случае мы сталкиваемся с методологической проблемой, ведь любая типологизация по своей сути противостоит индивидуальному подходу. Согласно высказыванию Т.

Адорно: «Едва ли какое-либо другое понятие американской психологии подвергалось такой решительной и сильной критике, как типология. Поскольку каждое учение о типах является наполовину ничем иным как точкой зрения на проблему индивидуальности, оно подвержено ожесточенным нападкам с двух сторон, так как все учения никогда не охватывают специфического и так как их обобщения статистически не действительны и даже не годятся как эвристический инструмент» [1, с. 265]. Если политический лидер является лишь представителем того или иного типа, то это свидетельствует прежде всего о том, что он легко может быть заменен, а подобное утверждение противоречит таким сущностным проявлениям человеческого бытия, как темпоральность, историчность, уникальность, неповторимость.

Интерес к проблеме политического лидерства можно проследить еще с древнейших времен. Образ политического лидера в древности, как правило, соответствовал образу правителя, осуществляющего государственную власть. Учение Конфуция о благородном муже включает в себе основные личностные характеристики, коим должен соответствовать, в том числе, и идеальный правитель. Можем вспомнить слова мудреца, содержащие наставления мудрому властителю: «Управляй им <народом> с достоинством, и он будет почитателен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру» [2].

Рассуждая о человеческой природе, Платон предлагает нам одну из первых антропологических типологий, проведенных по политическому основанию, указывая, что склад характера отвечает тому или иному виду государственного устройства. Так, человека, соответствующего аристократическому правлению, философ признает справедливым, а рассуждая об остальных типах, отмечает: «Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, а не отдельных лиц, потому что там они более четки, то и теперь возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии (не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его «тимократией» или «тимархией»), и соответственно, рассмотрим подобного же рода человека; затем — олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического; наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души» [3, с. 329].

Исследуя достоинства, которыми должен обладать правитель, Аристотель замечает: «Рассудительность — вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по-видимому, необходимым общим достоянием и подчиненных и правителей» [4, с. 452]. Интересной с точки зрения анализа деятельности государственных мужей, представляется и работа Аристотеля «Афинская полития», в которой показано становление афинской демократии. Следует отметить, что философ

уделяет гораздо больше внимания историческим фактам, нежели характеристике личности правителей. И хотя отдельные действия правителей могут служить нам указанием на их характер, тем не менее, составить целостный образ не удается.

Проблему политического лидерства в Средние века представляется целесообразным рассматривать сквозь призму взаимоотношений светской и религиозной власти. До конца XI в. религиозная власть не была столь сильна, доказательством чего служит тот факт, что даже право церковной инвеституры принадлежало монарху. Однако со временем имперская власть слабеет, а универсализм папства не только укрепляется, но и практически достигает абсолюта. Как отмечает Е. Гергей: «Начиная с середины средних веков папство, в своем развитии превратилось в единственную универсальную власть, и это позволило предпринять попытку добиться также политического универсализма. Политическая верховная власть, реализованная папой, была достигнута не с помощью государственно-властных средств (с помощью оружия), а в идеологической и политической сфере, но при одновременной опоре на крепнущее суверенное Папское государство» [5, с. 98]. Ссылаясь на то, что самим Богом на него возложено сохранение порядка на земле, Григорий VII в борьбе с Генрихом IV не чуждается таких методов, как отлучение от церкви, проклятие, освобождение подданных от присяги. Согласно мнению исследователя: «Если прежде империя властвовала над папством (цезарепапизм), то в Христианской республике ведущая роль переходит к церкви, к папам (церковная государственность)» [5, с. 103]. Времена падения своего авторитета папство переживает только в эпоху Просвещения.

Классиком, наиболее полно описавшим природу государственной власти, проанализировавшим основные механизмы ее осуществления, по праву считается Н. Макиавелли. Значительное внимание философ уделяет также личности государя. Н. Макиавелли подразделяет свойства, присущие государю, на вымышленные, которые ему приписывают и истинные, которыми он обладает по праву. Мыслитель отмечает, что в каждом человеке, а особенно в государе, стоящем выше остальных, есть качества, заслуживающие как похвалы, так или порицания. К положительным качествам относятся: щедрость, честность, смелость, степенность, набожность. Среди отрицательных качеств: скупость, вероломство, малодушие, легкомыслие, нечестивость. Как мы знаем, Н. Макиавелли был далек от идеалистического представления о человеческой природе, что и позволяет ему ответить на вопрос о личностных качествах правителя следующим образом: «Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более» [6, с. 33].

Как мы могли заметить, учения древности, хоть и уделяли внимание проблеме политического лидерства, и даже обращались к антропологической составляющей такового, однако рассматривали сам вопрос сквозь призму государственной власти, представляли, скорее, идеальный образ правителя, чем реальный и были сосредоточены на описании методов управления. Ситуация коренным образом меняется в XX веке, когда разработкой проблем лидерства занялись представители таких школ, как психоаналитическая, франкфуртская, йельская. Появляются новые подходы, которые навсегда изменили понимание природы лидерства и самой политической реальности.

Определение «политического», по мнению Г. Лассуэлла, затрудняется в связи с тем, что политика осуществляется не только в государственных институтах. Агентами политического влияния являются, к примеру, владельцы крупных корпораций, которые институционально не имеют отношения к сфере политического лидерства, однако могут оказывать влияние на осуществляемую государством политику. В работе «Психопатология и политика» Г. Лассуэлл отмечает: «Самое время, таким образом, отделить понятие государственной деятельности от ее исторической ассоциации с единственным институтом» [7, с. 64]. Дабы избежать путаницы в определениях, ученый предлагает различать «функциональное» и «институциональное» понимание политического как категории. Большинство политических лидеров, по мнению исследователя, так никогда и не совершают формального перехода к политике в институциональном смысле этого слова, при этом полностью соответствуя функциональному определению. Вводя подобное разграничение, ученый не исключает и традиционного варианта построения типологии, утверждая: «Отправная точка, конечно же, может быть или институциональной, или функциональной, можно исследовать тех, кто является "судьями", "законодателями" и "боссами" или же "государственными деятелями", "мировыми посредниками" и "администраторами» [7, с. 71]. Следует отметить, что такой подход существенно расширяет сферу применения термина политическое лидерство.

Политический человек – это особый антропологический тип, для которого характерно подавление внутренних импульсов, смещение их на общественную арену и, в конечном итоге, рационализация. Следуя позиции своего предшественника Э. Шпрангера, который выделил шесть культурных областей, соизмеряя их с природными склонностями и ценностными установками, при этом отводя для «человека политического» лишь одну ключевую ценность – стремление к власти, Г. Лассуэлл идет дальше в своих рассуждениях и замечает, что не все лидеры склонны к одинаковому стилю управления. Далее рассмотрение проблемы политического лидерства сводится к анализу следующих трех типов: агитаторы, которые оказывают влияние при помощи ораторского искусства; администраторы, достигающие успеха при помощи координации деятельности других людей; теоретики, разрабатывающие логические обоснования политики. Так, Т. Гоббс был

теоретиком и агитатором, Ж. Боден – теоретиком и администратором, а Ф. Лассаль – синтетическим лидером, который обладал организаторскими способностями, мог с легкостью излагать свои теоретические измышления и при этом добиться внимания аудитории.

В XX веке появляется теория, объясняющая лидерские качества особенностью телосложения. Автором ее стал Э. Кречмер, который считал, что среди представителей шизотимических темпераментов встречается больше вождей и героев, чем среди остальных. Как отмечает сам исследователь: «Их успехи обусловлены главным образом следующими чертами шизотимической характерологии: настойчивостью и систематической последовательностью, непритязательностью, спартанской строгостью, стоической выносливостью, холодностью в отношении к судьбам отдельных личностей, с одной стороны, и утонченным этическим чувством и неподкупной справедливостью — с другой, а особенно тонким чутьем к стонам слабых и раненых, гиперэстетическим состраданием, отвращением и пафосом по отношению к народным страданиям, дурному обращению с угнетенными классами и склонностью к идеализму вообще. Обратная сторона этих преимуществ — известная склонность к доктринерству, односторонне узкому и фанатичному, недостаток доброжелательности, приятного, естественного человеколюбия, понимания конкретной ситуации и особенностей отдельных личностей» [8]. Среди представителей этого типа встречаются идеалисты и моралисты, деспоты и фанатики, люди холодного расчета. Великие же правители, которые относятся к циклотимикам, подразделяются на следующие типы: храбрые борцы и народные герои, организаторы, политики-миротворцы. Среди политических лидеров, относившихся к шизотимикам, можем назвать М. Робеспьера, который сочетал такие черты, как эксцентричность, эмоциональная холодность, пафосность и фанатичность. Ярким представителем, наделенным циклотимическим темпераментом и пикнической конституцией, был О. де Мирабо, который отличался характером храброго борца, сочетавшимся с мягким темпераментом.

Типология, предложенная М. Вебером, по праву считается классической. Подразделение на типы произведено согласно критерию легитимности власти. Традиционная и рациональная легитимность, на наш взгляд, основаны на самой системе власти и не имеют прямого отношения к философско-антропологическому подходу. Для нас представляет интерес только харизматический тип лидерства, так как именно он в наибольшей степени соответствует теории черт. История знала достаточно харизматических лидеров: Цезарь, Наполеон, В.И. Ленин, Ф. Кастро, Дж. Неру. Все они обладали уникальными чертами личности и свойствами характера, что дало им возможность в определенный момент повести за собой народ.

Отметим, что среди многочисленных концепций лидерства наиболее соответствует духу философско-антропологического исследования — теория

черт. Среди личностных характеристик, присущих лидеру, обычно называют: ум, самообладание, уверенность в себе, стремление к результату, коммуникабельность, энергичность, экстравертированность, популярность, целеустремленность, харизматичность, ораторские способности и фотогеничность.

Необходимость изучения личности политических деятелей отрицается рядом исследователей. Возражения об отсутствии пользы от изучения личности политических акторов базируются на следующих аргументах, собранных и упорядоченных одним из современных исследователей — Ф. Гринстайном [9, с. 106-107]:

1) политические акторы растворяются в ролях, что фактически нивелирует саму их личность;

2) политическое действие определяется в большей степени политическим окружением акторов, чем их собственными характеристиками;

3) отождествление отдельных психологических личностных измерений с личностью как таковой, бессознательные силы и подавление его, не может иметь значимого политического воздействия;

4) социальные характеристики политических акторов важнее, чем их психологические характеристики;

5) личность обычно не в состоянии существенно воздействовать на политические результаты.

Сам же Ф. Гринстайн отвечает своим оппонентам, что «изучение личности и политики возможно и желательно, но систематический интеллектуальный прогресс возможен, только если есть уделять осознанное внимание доказательству, логическому выводу, и концептуализации» [9, с. 106].

Анализируя влияние личностных черт на политическое лидерство, Ж. Блондель отмечает: «Мы нуждаемся в понимании роли личности, чтобы увидеть, как она способна изменить ход событий. Мы должны суметь разложить черты личности на составляющие их элементы и показать, как они по-разному сочетаются в различных случаях» [10, с. 64].

Один из методов, который обычно применяется для оценки характеристик политического лидера – это анализ биографий, автобиографий, мемуаров. Такой подход, однако, имеет как свои достоинства, так и недостатки. Среди положительных моментов подобного подхода мы можем отметить, что он дает нам эмпирический материал. На недостатках акцентирует внимание один из исследователей, утверждая: «Традиционные биографии могут снабдить нас редким материалом, но они не помогут нам в создании “типов” личностей. У биографий есть еще один недостаток: в целом они концентрируют своё внимание на исключительных лидерах, а не на обычных лидерах среднего уровня. Они пишутся в основном только о тех лидерах, которые, как считается, наложили на политику особый отпечаток» [10, с. 67]. В целом же воля к власти, осмысленная и воплощенная в конкретной жизненной истории не дает нам полной картины и не позволяет

увидеть всех нюансов. Ж. Блондель выступает и против излишнего физиологизаторства и психологизаторства теории лидерства: «Психоаналитические исследования часто концентрировались на “неуравновешенных” лидерах, так что казалось, будто ненормальность – единственный элемент, заслуживающий изучения. Ясно, что невозможно, сконцентрировавшись на “ненормальных” случаях, надеяться на создание общей теории лидерства» [10, с. 68].

Тем не менее, связь между специфическими чертами личности, включая различные проявления девиации, и политическим лидерством еще остается прояснить. Мы уверены, что основные характеристики политического лидера должны выстраиваться в рамках концепции существования антропологических характеристик как таковых. Под антропологическими характеристиками или экзистенциалами мы будем понимать сущностные измерения человеческого бытия, без которых оно не представляется возможным. М. Босс, швейцарский психолог, представитель экзистенциализма, выделяет следующие сущностные проявления человека: пространственность (не только в физическом понимании), темпоральность, событийность (бытие-в-мире), телесность; историчность (историческая память), смертность (бытие-к-смерти).

В рамках философского анализа мы предлагаем также использовать аксиологический подход к проблеме политического лидерства, который даст возможность рассмотреть данный вопрос не только исходя из того факта, что лидер наделен рядом специфических антропологических характеристик, но и проанализировать систему ценностей, являющуюся для него определяющей.

В заключение хотелось бы охарактеризовать образ политического лидера современности, который претерпевает изменения в связи с активным использованием технологий и средств массовой информации, а также их влиянием на формирование представлений, которые возникают у аудитории. Личностные характеристики, приписываемые лидеру, все больше размываются и теряют очертания. Пожалуй, одно из лучших описаний подобного образа политического лидера мы можем встретить еще у Т. Адорно: «Он кажется похожим на пустую раму, которую они должны заполнить самыми противоречивыми представлениями, будь то благожелательный и гуманный священнослужитель, или отважный солдат, или чрезвычайно чувствительное человеческое существо, или лукавый практичный человек, или проницательный наблюдатель, знающий все сомнительные подоплеки конфиденциальных историй, или чистый дух, взывающий в пустыне» [1, с. 319]. Как это ни парадоксально, но именно такая вот непроницаемость личности лидера, зачастую в сочетании с неясностью его политических целей, может послужить средством интеграции народных масс.

Изучение проявлений человеческой природы в политической реальности позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Политический лидер – это представитель социальной группы или общества, обладающий личностным авторитетом, позволяющим оказывать перманентное и приоритетное влияние на политические процессы и ситуации. Кроме того, политический лидер предстает перед нами как совершенно особый антропологический тип, который определяется через специфические личностные характеристики.

2. В ходе проведения исследования мы сталкиваемся с рядом методологических сложностей. Так, не всегда очевидно, может ли в качестве эмпирического быть использован биографический и автобиографический материал, какие именно критерии должны быть положены в основу вычленения различных типов политического лидерства.

3. Современный мир зависит от характера политического деятеля. Будучи, в определенном смысле, порождением эпохи и культурно-исторических условий, политический лидер, тем не менее, наделен рядом уникальных и неповторимых характеристик.

4. Многие вопросы остаются неразрешенными и требуют дальнейшей разработки. Так, интересно было бы проследить воздействие сложившихся в культуре архетипов (правителя, вождя, героя) на представления о лидерстве как таковом, и на набор личностных характеристик, которые приписывают политическому лидеру. Интересным также представляется рассмотрение таких типов политического лидерства как правитель и народный герой.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.

2. Конфуций. Суждения и беседы. URL: http://www.royallib.com/read/konfutsiy/sugdeniya_i_besedi.html#409600 (дата обращения: 24.01.2016).

3. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79-420.

4. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376-644.

5. Гергей Е. История папства. М.: Республика, 1996. 463 с.

6. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 56 с.

7. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М.: Изд-во РАГС. 2005. 352 с.

8. Кречмер Э. Строение тела и характер. URL: http://www.koob.ru/kretschmer_ernst/stroenie_tela_i_harakter (дата обращения: 25.01.2016).

9. Greenstein F. I. Can Personality and Politics Be Studied Systematically? // Political Psychology. 1992. Vol. 13. № 1. P. 105-128.

10. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М.: Рос. академия управления, 1992. 135 с.

Ефимов С.А.

БИФУРКАЦИОННЫЕ КОНТЕКСТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ Э.С.КУЛЬПИНА

Аннотация. Описана биография основоположника социоестественной истории Э.Кульпина, приводятся сведения о его исследовательском проекте по изучению социальной адаптации крымских татар.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, социоестественная история, Эдуард Кульпин.

Efimov S.A.

BIFURCATION CONTEXTS ETHNIC HISTORY OF THE CRIMEAN TATARS: UNFINISHED PROJECT E.S.KULPIN

Abstract. The article deals with the biography of the founder of Social-Natural History E.Kulpin, provides information about his research project on the study of social adaptation of the Crimean Tatars.

Keywords: Crimea, the Crimean Tatars, Social-Natural History, Eduard Kulpin.

Безвременность – неотъемлемая примета ухода любого исследователя. Уход из жизни основателя научного направления безвременен вдвойне.

Данные заметки – лишь робкая попытка воздать должное памяти Эдуарда Сальмановича Кульпина-Губайдуллина – патриарха социоестественной истории, солнечного романтика, искреннего собеседника, внимательного наблюдателя, глубокого ценителя Крыма.

Э.С. Кульпин родился 21(по документам – 28) сентября 1939 года в Баку. Его прадед по материнской линии Александр Кульпин был крепостным крестьянином-мастеровым, а прадед по отцовской линии Салих Губайдуллин - богатым татарским купцом, меценатом, покровителем просвещения и науки. Дед Газиз Губайдуллин (1887-1937) - первый татарский профессор-историк - стал жертвой репрессий 30-х годов прошлого века. Его отец Сальман, прошедший всю Великую Отечественную войну, даже спустя годы после её завершения вынужден был регулярно менять места работы и постоянного жительства, деликатно уходя из-под опеки вездесущих «органов» уже не только как сын «врага народа», но и, будучи биологом, как один из оппонентов небезызвестного академика Т.Д.Лысенко.

Сменив десять школ в разных союзных республиках, Э.С.Кульпин после завершения учебы в столичном полиграфическом институте окончательно обосновался в Москве. Проработав непродолжительное время в системе Миннефтехимпрома СССР, в 1970 году поступил в аспирантуру Института

международного рабочего движения, окончательно связав свою жизнь с наукой: кандидат экономических наук (1975), доктор философских наук (1992), профессор по кафедре истории (2002), главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор научно-методической серии «Социоестественная история» (в 1993-2014 гг. вышло 38 выпусков), главный редактор журнала «История и современность» (с 2005), академик РАН (1998), автор более 300 научных публикаций.

Из 13 его книг широкую известность обрели «Человек и природа в Китае» (М.: Наука, 1990), «Путь России: генезис кризисов природы и общества» (М.: Московский лицей, 1995, М.: URSS, 2008), «Бифуркация Запад-Восток» (М.: Московский лицей, 1996), «Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства» (М.: Московский лицей, 1998; М.: URSS, 2006, 2007, 2009), «Эволюция российской ментальности» (М.: ИАЦ-Энергия, 2005; совместно с В. В. Клименко, В. И. Пантинным, Л. М. Смирновым), «Золотая Орда: судьбы поколений» (М.: ИНСАН, 2008, Киев: ПЦ «Фолиант», Симферополь: Полуостров, 2010, М.: URSS, 2011), «Русь между Западом и Востоком. Rus' między Zachodem i Wschodem» (билингва польско-русский. – М.: ЛКИ, 2012). К 75-летию ученого была выпущена его фундаментальная научно-методологическая работа «Социоестественная история. От метода – к теории, от теории – к практике» (Волгоград: Учитель, 2014).

Впервые приехав на наш полуостров в далёком 1961 году, Эдуард Сальманович на всю жизнь сохранил трепетную привязанность к Крыму, посвятив значительный сегмент своего дарования исследованию актуальных проблем его бытия.

В начале 90-х годов прошлого века Институтом востоковедения РАН под руководством Э.С.Кульпина и А.Р.Вяткина была предпринята крымская экспедиция по реализации проекта «Крымскотатарский этнос в новой природной среде и новой среде межэтнических отношений». Впоследствии по итогам её работы была издана книга «Крымские татары: проблемы репатриации» (М.: ИВ РАН, 1997).

С 1992 года Э.С.Кульпин являлся организатором ежегодной международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории», ставшей заметным явлением в жизни крымского исследовательского сообщества. Он активно участвовал в работе других научных форумов, проводившихся в Крыму. Часть материалов его выступлений на них вошла в вышедший к юбилею сборник «Крымские татары и вызовы XXI века» (Симферополь: ИТ «Ариал», 2014). Так уж получилось, что выступление на XXVIII Харакском форуме стало для Эдуарда Сальмановича последним: он умер 23 июня 2015 года вскоре после возвращения с него.

Остались незавершёнными многие замыслы. Считаю своим долгом ввести в научный оборот контуры исследовательского проекта, участвовать в котором был приглашен автор этих строк, и который Э.С.Кульпин почти довел до начала реализации.

Название проекта: «Крымские татары: история и современность».

Аннотация. Кто такие крымские татары? На этот вопрос не сможет дать четкий ответ подавляющее большинство россиян. Как представляют мир и себя в нём не отдельный татарин, но этнос в целом? На этот вопрос тяжело ответить специалисту. В связи с вхождением Крыма в Россию крымские татары стоят перед проблемой переоценки ценностей, связанной с пониманием и принятием российских реалий, а российская общественность перед проблемой понимания феномена (истории и основных качественных характеристик) нового этноса в общероссийской семье. Крымские татары - новый этнос в составе новой страны. Что он знает о себе, а мы о нём? Дефицит реальных представлений всегда и везде восполняется мифами. Мифы не способствуют адекватным реакциям как отдельных людей, так и народов, и провоцируют на необоснованные действия. Конструирование мифов поощряли украинские власти и через СМИ внедряли в сознание крымчан.

Уровень фундаментальности проблематики исследования и научная новизна его обусловлены историей народа, с депортацией и репатриацией, религией, конфессиональным влиянием извне, спецификой перехода из одной страны в другую. В переходном состоянии становятся равно значимы, как правила, так и исключения из них. Во время крутых перемен высока роль не только представлений, сложившихся к текущему моменту, но – случайностей момента. В момент бифуркации случайности имеют свойство переходить в закономерности, «застывать» и действовать до следующей бифуркации как императивы. Эти императивы утверждают, в частности, характер межэтнических отношений, отношений между этносом и государством, с акцентом либо на антагонистические, либо неантагонистические. Выявление тенденций, формирующихся сегодня, значимость этих тенденций для этноса, общества и государства – цель исследования,

Описание научной проблемы исследования. Жизнь народа, его осознанное и бессознательное восприятие действительности изменяется от поколения к поколению. При этом представления о мире и себе, сформировавшиеся у предыдущих поколений, являются стабилизирующимися, консервативными элементами сознания. Изменения инициируются внешними воздействиями. Чем существеннее внешние перемены, тем сильнее новации и слабее преемственность. Какие изменения в представлениях о мире и у крымских татар произошли, происходят и будут происходить в ближайшее время – научная проблема данного исследования.

Крымскотатарский этнос в XX в. претерпел четыре перемены условий жизни (бифуркации), связанные: с гибелью Российской империи и установлением советского строя; с обвинением народа в предательстве и депортацией в Центральную Азию; с репатриацией уже не в Советский Союз, а новую страну – Украину; с вхождением Крыма в Россию и необходимостью адаптации к условиям РФ. Соответственно, трижды народ

корректировал свои представления о мире и о себе, осуществлял переоценку ценностей и сейчас вынужден делать это в четвертый раз. Представителей поколений, живших в первой половине XX в., уже нет в живых. Ныне живут два поколения. Мировоззрение одного сформировалось в изгнании и трансформировалось после возвращения в Крым, второго – сформировалось на родине.

Представления о прошлом и настоящем доносятся до ныне живущих источниками, разделенными временем: коллективного прошлого – семейными традициями (преданиями); индивидуального прошлого – знаниями, полученными в ходе учебы в школе, в ходе дальнейшего жизненного пути; через современные СМИ. В силу крутости поворотов предыдущих перемен жизни три источника знаний у крымских татар не адекватны друг другу. При этом дефицит объективных представлений имеет свойство возмещаться умозрительными представлениями, не соответствующими действительности – мифами. В связи с вхождением Крыма в Россию крымские татары стоят перед проблемой переоценки ценностей, связанной с пониманием и принятием российских реалий, а российская общественность перед проблемой понимания феномена (истории и основных качественных характеристик) нового этноса в общероссийской семье.

Актуальность проблемы не заканчивается на ее социально-политической составляющей, но имеет самостоятельное научное значение. Дело в том, что в момент бифуркации – во время крутых перемен – высока роль не столько реальных и мифологических предшествующих представлений о мире и о себе, сложившихся к текущему моменту, но – случайностей. В быстротекущем процессе перемен случайности имеют свойство переходить в закономерности, «застывать» и действовать до следующей бифуркации как императивы. Эти императивы утверждают характер как межэтнических отношений, так и отношений между этносом и государством, с преобладанием либо антагонистических, либо неантагонистических тенденций. Актуальность проблемы связана с фиксацией и оценкой не только реалий (закономерностей), но случайностей (текущих явлений, процессов, событий), также мифов о прошлом, способствующих установлению тех или иных тенденций. При этом в нынешней переоценке ценностей важнейшую роль приобретают те из них, которые будут способствовать или, напротив, препятствовать установлению неантагонистических социальных и межэтнических контактов, комплиментарных отношений между этносом и государством. Выявление негативных и позитивных тенденций определяют в целом актуальность научной проблемы исследования.

Новизна и оригинальность заключается в вычленении отличий в представлениях о мире и о себе у разных возрастных демографических поколений. В данном случае у одного, мировоззрение которого сформировалось в Средней Азии, и другого – после возвращения в Крым. При осуществлении данного проекта будет также проведен сравнительный

анализ зафиксированных крымской экспедицией ИВ РАН в 1990-е гг. представлений о мире и о себе поколения, мировоззрение которого сформировалось в изгнании, и нынешние представления у того же поколения (20 лет спустя), а также сравнение с представлениями поколения, мировоззрение которого сформировалось в условиях жизни в Украине (современная возрастная категория крымскотатарского населения интервала 15-25 лет).

P.S. Беда не приходит одна: 25 августа 2015 года в результате трагического ДТП скончался соруководитель проекта - ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Диаспоры» Анатолий Рудольфович Вяткин.

Закунов Ю.А.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В НАСЛЕДОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Для утверждения цивилизационной идентичности важно понимание закономерностей наследования ценностей российской цивилизации на основе цельных и ярких историко-культурных образов социальной памяти. Духовная природа наследования образов социальной памяти раскрывается в логике взаимосвязей метафизических категорий «данности», «заданности» и «осуществления» на уровне «всеобщего», «особенного» и «единичного». Утверждается необходимость цельности и значимость образов историко-культурного наследия для функционирования социальной памяти; отмечается опасность дисфункций.

Ключевые слова: социальная память, историко-культурные образы, духовное, наследование ценностей российской цивилизации.

Zakunov Y.A.

SOCIAL MEMORY IN THE PROCESS OF INHERITANCE OF VALUES: METAPHYSICAL FEATURES

Abstract. For the strengthening of civilizational identity is important to understand the laws of inheritance Russian civilization values on the basis of solid and holistic historical and cultural images of social memory. The relationship between the metaphysical categories “determination”, “predetermination” and “fulfillment” at the level of “general”, “special” and “individual” reveals the spiritual nature of inheritance social memory images. The article stated the need for integrity and significance of images of historical and cultural heritage for the functioning of social memory.

Keywords: social memory, historical and cultural images, spiritual, inheritance of Russian civilization values.

Для утверждения цивилизационной идентичности важно понимание закономерностей наследования ценностей российской цивилизации на основе целостной аксиологической модели культуры. Феномен коллективной исторической памяти и образы историко-культурного наследия, образующие духовное единство времен, поколений и социальных общностей в синхронном и диахронном измерениях представляются ключевыми. Однако, неспособность рационального подхода отразить духовную природу бытия и ценностей приводит к дурным бесконечностям, являющимся следствием дуализма и двоичной логики, где использование категорий «антиномия», «амбивалентность», «оппозиция» не спасает от рассуждений в той же плоскости. Такое мышление создает мнимые синтезы и конструкты, оказываясь в тисках антитез: единства и многообразия, традиции и обновления, логического и исторического, образа и объекта. В результате имеет место смешение наиболее важных системообразующих элементов и неполноценность.

Известно, что основная функция человеческой памяти состоит в обеспечении целостности личности, социальной группы и человечества, что позволяет определить память как важнейший эволюционный механизм сохранения духовной культуры и ее борьбы с социальной энтропией. Принципиально не различая понятия «коллективная память», «социально-историческая память», «историческая память», «культурно-историческая память», предлагается объединить их под одним родовым понятием «социальная память». Возьмем за основу подход, согласно которому человеческая память предстает как трансцендентно-имманентный феномен социального бытия.

Стремление находить общезначимое всемирно-историческое в противопоставлении национальному или принижать последнее – значит рассуждать в двумерной логике абстракций. Альтернативой этому может служить троичная логика, где наряду с известными категориями «всеобщее», «особенное» и «единичное», предлагается использовать категории «данность», «заданность» и «осуществление». Неприемлемым искажением предмета является и претендующий на диалектичность взгляд, согласно которому национально-культурный аспект связан с диалектической категорией «особенного», что представляется также упрощением.

Социальная память в аспекте заданности предстает как исторический опыт прошлого, в котором выявляют себя промысел, судьба, абсолютное задание. Она часто предстает в виде образов-идеалов, заветов предков будущему поколению (религиозно-историческая память). Заданность постепенно обнаруживает себя в осмыслении прошлого с точки зрения Абсолютного, а не временного. Это урок и понимание конечного задания, цели развития, осмысление всего через призму предельного, не имеющего

предела (то есть трансцендентно-имманентного или религиозного). Здесь она выступает, во-первых, на уровне *всеобщего* – в виде всемирно-исторического наследия, имеющего общечеловеческое значение и выявляющего смысл человеческой истории, единство человеческого рода в конечной общей цели развития. На уровне *особенного* – это различные взаимодействия, связанные с исторической памятью той или иной социокультурной группы, социального института, организации или социального отношения (опыт рода, соц. класса, сословия, профессии, региона, права и т.п.) с точки зрения выявления в них конечного промысла и задания (в соответствии с аспектом заданности). На уровне *единичного* это уникальность отдельных характеристик и смыслов тех или иных событий и личностей с точки зрения общего замысла. Это национальные гении, пророки, герои и святые, в деяниях которых выражается тот или иной аспект национальной идеи. В духовном плане они несут особую миссию, через них образуется таинственная связь времен и поколений. Благодаря исторической памяти о великих событиях или героях люди объединяются вокруг конкретной идеи, закреплённой в образах, выявляя божественный промысел о своем народе. Все вместе (конкретное как единство *всеобщего*, *особенного* и *единичного*) – это этнокультурная память, в которой «прочитывается» национальное задание (например, *русская идея*). Важно, что именно, культурно-национальный способ существования и одновременно рассмотрения предстает как наиболее целостный и синтезирующий трансцендентно-имманентные аспекты бытия общества, социальной группы и личности. Для того, чтобы социальная память жила в этом смысле необходимы вера, духовные «вчувствование и созерцание». Измена своему предназначению, как известно чревата тяготами и горькими уроками, бремя осмысления и переживания которых возвращает к верному пути.

В аспекте данности социальная память выражает то, что не проходит, без чего нет её носителей. Это изначальные постоянные системообразующие константы, разрушение памяти о которых свидетельствует не просто об «историческом склерозе» или развитии в «духе времени», но об утрате своего самобытия (семья, государство, частная собственность, язык, территория, мораль, вера, традиции). Например, прошлые ошибки, искривления тех или иных необходимых социальных и духовных основ не должны приводить к отрицанию этих основ вообще. На уровне *всеобщего* – это общезначимая социальная память, которая в аспекте данности предстает как постижение культурно-исторического опыта всего человечества, его основных этапов, выявление всеобщих законов развития тех или иных сфер. На уровне *особенного* – это осмысление непреходящих взаимосвязей времен и поколений по многообразным линиям социокультурного бытия, (генеалогия рода, история родного края, науки, политическая, экономическая история, история тех или иных социальных групп и т.п.). На уровне *единичного* это память о выдающихся предках и знаменательных событиях. Все вместе (конкретное как единство *всеобщего*, *особенного* и *единичного*) – это сила и

власть конкретного исторического факта (даже Боги не могут сделать бывшее не бывшим). Здесь социальная память может жить лишь при условии бережного отношения власти и народа к своему историко-культурному наследию, добросовестности исторической науки, объективности исследований ученых. Вымарывание неудобных фактов истории, их искажение под предлогом «нового прочтения» или самоубийственное историческое невежество приводят к неполноценности самобытия и в конечном счете его утрате.

Наконец, в аспекте осуществления социальная память есть не только духовное переживание связи времен (память чувства) и знание (рациональное отражение), но прежде всего действие (воля) и память сердца (вера). Здесь непосредственность усмотрения Абсолютного и Всеобщего в конкретных образах исторического, нахождение верных способов деятельности, адекватных общенациональной (цивилизационной) идее, исходя из настоящих условий и ситуации (объективной данности). Это творение «здесь и сейчас» (в настоящем) будущего, исходя из осмысления прошлого. Это отношение к прошлым «святыням» не просто как к историческим остаткам (иначе они превратятся в «останки»), но как реальной силе, которая разворачивается тем больше, чем больше и глубже происходит единение людей, причем не просто по «человеческому усмотрению, но по Божественной благодати». Это не экзальтированное до истерии отношение к прошлому, и не формальное исполнение ритуала, и не карикатурные переодевания в одежды предков, и не мертвые хранилища пыльных библиотек, и не отношение к храмам или произведениям искусства лишь как к музейным экспонатам. А.А. Ильин подчеркивал, что жизненным стержнем подлинной государственной политики является созидание национального будущего через эксплуатацию национального прошлого, собранного в национальном настоящем [1, с. 491]. Представляется, что национальная культурная политика станет действенной, если будет опираться на цельные и яркие историко-культурных образы социальной памяти, наследование и творческое воплощение которых средствами современной культуры будет способствовать утверждению непреходящих ценностей российской цивилизации.

Литература

1. Ильин И.А. Основы государственного устройства // Собрание сочинений в 10 т. М., 1998. Т. VII.

Кемалова Л.И.

КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОЛОДЕЖНЫХ ПОСТСУБКУЛЬТУР

Аннотация. В статье рассматриваются особенности конфликта поколений в условиях общества переходного периода, когда нарушается духовная преемственность и происходит разрыв поколений. Подчеркивается, что конфликт поколений усугубляется появлением новых молодежных постсубкультур, которые, несмотря на отличия от классических субкультур эпохи модерна, продолжают оставаться одним из факторов социализации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, конфликт поколений, разрыв поколений, молодежная субкультура, постсубкультура.

Kemalova L.I.

CONFLICT OF GENERATIONS THROUGH YOUTH POST SUBCULTURE

Abstract. The article considers the peculiarities of the conflict of generations in the conditions of transitional societies as violating spiritual continuity, and there is a gap of generations. It is emphasized that the generation gap is compounded by the emergence of a new youth postculture, who despite their differences from the classic subcultures of modern time, continue to be one of the factors of socialization of young people.

Keywords: youth, conflict of generations, generation gap, youth subculture, postculture.

Спецификой современного общества являются трансформационные процессы, затрагивающие все сферы общественной жизни. Особое влияние эти процессы оказывают на молодое поколение, которое в условиях кризиса лишается возможности нормальной социализации, поскольку сами институты социализации переживают состояние аномии, способствующей потере жизненных ориентиров у молодежи, формированию асоциальных типов личности. Смена ценностных ориентиров молодых людей, распространяющаяся идеология потребительства, прагматизма, ноувиизма («здесь и сейчас») свидетельствуют о духовном кризисе, сопровождающемся утратой духовной преемственности поколений. В условиях нарушения преемственности поколений происходит обострение межгенерационного конфликта, вплоть до разрыва поколений, когда «отцы» и «дети» начинают воспринимать друг друга как представителей совершенно чужой культуры, интересов, взглядов, мировоззрений. В результате растет социально-психологическая напряженность, которая приводит к различным формам социального поведения молодежи – от проявления агрессии,

сопровождающейся правонарушениями, до «ухода в себя», отчуждения от всего, что происходит вокруг. Часть молодежи, пытаясь интегрироваться в общество, использует каналы интеграции в рамках молодежных субкультур.

В чем специфика этих субкультур, что такое «постсубкультура» молодежи, какую роль они играют в конфликте поколений – осмысление этих вопросов позволит выявить специфику конфликта поколений в условиях переходного общества и определить возможные варианты снижения остроты межгенерационного конфликта.

В процессе своего становления молодые люди, так или иначе, вступают в конфликт с обществом, который в условиях социальной неопределенности, характерной для современного переходного общества, может стать как источником развития молодежи, так и превратиться для нее в фактор социального исключения (дискриминации, отчуждения, маргинализации).

Конфликт молодежи с обществом, как сказано выше, находит свое выражение в конфликте поколений. Данный конфликт обостряется в связи с тем, что в условиях трансформации, охватившей все сферы общественной жизни, социальные ценности «отцов» утратили свою значимость для молодого поколения, и ему практически нечего перенять, унаследовать ни в материальном, ни в духовном плане. Это вызывает недовольство со стороны самой молодежи и ощущение беспомощности со стороны «отцов». Наблюдается не просто конфликт поколений, а разрыв между поколениями, нарушение преемственности, что приводит к духовной деградации молодежи, размыванию нравственных идеалов, утрате ценностных ориентиров.

Сложности интеграции молодежи в современное общество объясняются нестабильностью самого общества, когда в условиях тотального кризиса прежние ценности уже не «работают», а новые еще не утвердились, и молодежь лишена того нравственного стержня, который позволил бы ей найти свое место в социуме. Перед молодым человеком возникают несколько способов самоутверждения – от самореализации через труд и самоутверждение в рамках молодежных субкультур до асоциальных форм поведения, что проявляется в агрессивности, враждебности по отношению к окружающим. Ситуация осложняется тем, что в условиях рыночной экономики, роста безработицы, материальные ценности ставятся выше духовных, что способствует нравственной деградации, моральному релятивизму, скептицизму, нигилизму.

Одним из распространенных способов самореализации молодежи остается уход в молодежные субкультуры. При этом необходимо учесть, что субкультура, в зависимости от своей направленности, может формировать как конструктивные взгляды, так и способствовать деструктивному восприятию мира молодым человеком. Известны традиционные молодежные субкультуры, сложившиеся в эпоху общества модерна – панки, готы, эмо, скинхеды, растаманы и др. Однако, в условиях современного общества, именуемого постмодерном, молодой человек все чаще демонстрирует желание уйти от групповой солидарности, замыкаясь на собственном

внутреннем мире, на своей индивидуальности. Но при этом возникает парадоксальная ситуация: желание сохранить свое личное пространство сталкивается с тем, что, благодаря социальным сетям, сети Интернет в целом, человек оказывается на виду, информация о нем становится доступной каждому.

Нынешние субкультуры, в отличие от классических молодежных субкультур эпохи модерна, характеризуются размытостью границ и противоречивостью, носят смешанный, миксовый характер. Это объясняется спецификой самого переходного общества, носящего на себе все признаки постмодерна: фрагментарность, хаотичность, виртуализация и символизация реальности, плюрализм мировоззрения, релятивизация ценностей и норм. Это дает основание называть нынешние молодежные субкультуры постсубкультурами[1].

Важным признаком постсубкультуры является расширение ее границ за счет виртуального общения в Сети, в отличие от физического контакта участников традиционных субкультур.

Современные постсубкультуры динамичны, поскольку отражают те процессы, которые происходят в современном обществе. Их специфической характеристикой является также то, что они не обязательно носят оппозиционный характер. Сегодня огромное количество постсубкультур совершенно не похожи друг на друга по своим основаниям, стилистическим особенностям, что является показателем фрагментации самого общества постмодерна. Нынешние субкультуры носят гибридный характер, что «связано с тотальной информатизацией и избытком сведений о других культурах, далеко не всегда передающих аутентичные культурные смыслы» [1].

Современные постсубкультуры молодежи, как и классические субкультуры, свидетельствуют о наличии конфликта поколений: если «дети», уходят в субкультурные сообщества, чтобы через них самореализоваться и компенсировать недостаток общения, внимания со стороны взрослых, выразить своеобразный протест тому, что им навязывается со стороны взрослых, то «отцы» воспринимают эти субкультуры как вызов им и обществу в целом. Они критикуют молодежь за их образ жизни, безответственность, нежелание работать, а молодежь воспринимает взрослых как аутсайдеров, неудачников. Старшее поколение в большинстве своем не рассматривает молодежь в качестве субъекта социального взаимодействия. При этом под «одну гребенку» попадают все без исключения молодые люди, хотя они имеют различия в ценностных системах в зависимости от возраста, от места проживания, принадлежности к социальному слою, этнической общности, субкультуре. Критика молодежи со стороны старшего поколения, приписывание ей в основном негативных качеств (алкоголики, наркоманы, преступники, безответственные, грубые, невоспитанные) вызывает соответствующую реакцию со стороны молодых людей. Кроме того, семья перестает в должной мере выполнять функции социализации, что так же является одним из факторов, способствующих разрыву поколений.

Современные молодежные постсубкультуры отличаются тем, что они связаны преимущественно с информационными технологиями, и для них характерно замыкание молодого человека в своем внутреннем мире, отчуждение от реальности, уход в киберпространство. Они создают свои виртуальные сообщества, общение в которых с виртуальными единомышленниками заменяет им реальное общение. Это объясняется не только тем, что таким образом молодой человек самоутверждается и самореализуется, но и тем, что он получает новые ощущения, новую информацию, а также обособляется от мира взрослых, уходит от конфликта с ними, замыкаясь на себе и своих проблемах. Разрыв между поколениями не исчезает. Можно ли его минимизировать?

Думается, что это возможно через продуманную политику сотрудничества поколений, основанную на гуманном и толерантном отношении между поколениями. Чтобы это стало возможным, необходима эффективная воспитательная работа, в которой будут задействованы все институты социализации. Единство образования, просвещения и воспитания создает благоприятные условия для пропаганды общечеловеческих ценностей уважения, любви к старшему поколению. Преодолеть межпоколенный разрыв возможно лишь в процессе осуществления духовно-нравственного воспитания молодежи, обоюдного стремления к диалогу между поколениями, основанному на взаимоуважении.

Литература

1. Иванов С.В. Постсубкультуры в контексте глобализирующегося общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. I. С. 79-82.

Кислицын С.А., Репинская О.В.

КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. О проблеме становления концепции Евразийской российской цивилизации и ее значении в свете крымского кризиса.

Ключевые слова: российская евразийская цивилизация, геополитика, этнополитика, крымский кризис.

Kislitsyn S.A., Repinskaya O.V.

EURASIAN CONCEPT: SOME QUESTIONS OF HISTORY AND PRESENT

Abstract. the problem of formation of the Eurasian concept of Russian civilization and its significance in the light of the Crimean crisis.

Keywords: the Russian Eurasian civilization, geopolitics, ethnopolitics, the Crimean crisis.

В советское время, вопреки неблагоприятным условиям, практически подпольно были созданы знаменитые, долго игнорировавшиеся официальной наукой, труды Л.Н. Гумилёва, которые вышли за границы заявленной им оригинальной теории этногенеза, стали одним из фундаментов прикладной геополитики. Американский геополитик З. Бжезинский с видимым сожалением признал, что «евразийству был придан академический лоск много и часто цитируемым Львом Гумилевым, историком, географом и этнографом, который в своих трудах подвел мощную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса, следствием исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культурной и духовной самобытности».

1. На всех этапах истории СССР теория и практика «советской геополитики» объективно корреспондировалась с евразийскими идеями Н. Трубецкого, П. Савицкого, Л. Гумилева. Объективное положение «хартленда» обуславливало внешнюю политику СССР, который логично делал те шаги, которые обязано было делать континентальное государство – континент, государство, являвшейся фактически евразийской цивилизацией. Подобно тому, как фонвизинский Митрофанушка не знал, что пишет прозой, советское правительство в своем большинстве не знало, что оно последовательно реализует евразийскую геополитику. А.Г. Дугин считает, что вся политическая история СССР есть борьба тайных членов оккультных организаций ордена евразийцев и ордена атлантисов [2], но не приводит доказательств этой версии.

Л.И. Брежнев в беседе с А. Дубчеком сказал: «держим, что имеем». Контекст очевиден – и на большее не претендуем. В книге президента Болгарии Ж. Желева «В большой политике» описано, как Болгарская коммунистическая партия в 1963 г. и 1974 г. предлагала поэтапное вхождение своей страны в Советский Союз, но руководство КПСС отказалось ее принимать. Все правители СССР после Л.И. Брежнева не имели собственных геополитических идей, а просто стремились сохранить влияние СССР в мире. Наиболее продвинут в геополитическом, естественно, в прикладном отношении, был Ю.В. Андропов, но судьба не оставила ему времени для формирования собственной геополитической стратегии. Но зато свои геополитические «стратегии» предложили его заклятые противники – диссиденты.

Известный диссидент А. Амальрик в 1969 г. написал эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в котором сформулировал свое видение ближайшего будущего СССР. А. Амальрик рассматривал будущее советской государственности с двух позиций. Во-

первых, он рассматривает протестное движение, подрывающее основы власти, во-вторых, анализирует внешнеполитические факторы. «Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности». А. Амальрик не только дал оценку идеологической политике СССР, но даже сделал обоснованный геополитический прогноз. А.И. Солженицын в «Письме вождям Советского Союза» призвал власти отказаться от идеологии при проведении внешней и внутренней политики. «Не должны мы руководиться соображениями политического гигантизма, не должны замышлять о судьбах других полушарий, от этого надо отказаться навек, это наверняка все лопнет, другие полушария и теплые океаны будут развиваться все равно без нас, по-своему, и тем никто из Москвы не управит и того никто не предскажет даже в 1973 году, а тем более Маркс из 1848-го». Геополитические идеи о будущем России и кризисе идеологической геополитики КПСС присутствовали в творчестве академика А.Д. Сахарова, хотя надо сказать, что не все идеи академика были равнозначно позитивны. Особое значение имеет статья «Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир» (1983 г.), в которой сказано, что «партийная власть продолжает традиционную русскую геополитику, но уже во всем мире».

Одним из официальных теоретиков советской прикладной геополитики был Е.М. Примаков, который входил в группу партийных интеллектуалов (Н.И. Иноземцев, А.Н. Яковлев, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, Г.Х. Шахназаров, Ф.М. Бурлацкий, О.Г. Богомолов, А.С. Черняев) [3]. Россию Е.М. Примаков видел как евразийский полюс силы, объединяющий в сфере своего влияния всё постсоветское пространство, успешно извлекавший геополитические выгоды из противоречий между Востоком и Западом. Этот курс предполагал, что вся внешняя политика страны будет направлена на внутреннее экономическое восстановление страны до тех пор, пока Россия снова не будет готова к проведению ответственной геополитики на всем пространстве Евразии.

Пришедший к власти в 1985 г. М.С. Горбачев провозгласил доктрины «нового политического мышления», создания «общеевропейского дома», отказа от «доктрины Брежнева» и полного ухода из Восточной Европы на основе концепции «невмешательства». А.Г. Дугин вспоминает, как Г.Х. Шахназаров ему объяснял сущность просчета. «Вы знаете, дело в том, что наш анализ перестройки в 80-е годы опирался исключительно на идеологических принципах... Чего мы не учитывали, так это то, что существует более глубокое противостояние – геополитическое противостояние двух типов цивилизаций: талассократии и теллуократии, которое глубже, чем идеологическое противостояние капитализма и социализма [4]. «Горбачевцы», может быть, плохо усвоили экспансионистский тезис Г. Маккиндера (1901 г.): «кто владеет Восточной

Европой, тот владеет Евразией и всем миром», но при этом они забыли не менее глубокое предостережение В.И. Ленина о том, что агрессивный и циничный империализм не подлежит перевоспитанию.

Геоэтнополитическое направление получило практическое развитие в Украине, где обосновали концепцию особой роли географических условий для жизнедеятельности и политической активности этнонациональных общностей и групп, а также концепцию структурной уравниваемости геоэтнополитических процессов как определяющего фактора бесконфликтного развития. В исследованиях выявлены закономерности развития территориально-этнополитических процессов на глобальном и государственном уровнях. Украинскими авторами поставлена проблема моделирования основных соотношений и связей в территориально-этнополитической системе путем последовательного анализа этнонациональных параметров структуры территориального устройства государства. Однако исследователи не смогли сделать логичные выводы и сформулировать предложения формирования федерации регионов в соответствии с отличиями по этногеографическим критериям.

Отказ националистической элиты Украины использовать во внутренней и внешней политике спектр устойчивых и складывающихся геополитических и политико-географических факторов, формирующихся в пределах украинской государственной территории, создал условия для гражданских конфликтов и даже их прямо спровоцировал. Унитарная модель украинского государства и русофобия, игнорирование региональных различий страны политической элитой привели к возникновению внутривнутриполитических проблем, одной из которых традиционно является так называемая «крымская проблема». Руководство Украины постоянно игнорировало интересы крымчан, ограничивало права крымской автономии, нивелировал культурно-исторические отличия населения полуострова от остальной части территории Украины. Это вызвало движение сопротивления крымского гражданского общества.

Крым – это сформировавшийся в XIX–XX веках своеобразный форпост российской Евразийской цивилизации и в этом качестве он стал неприемлем для Украины, сломавшую свою имманентную цивилизационную идентичность. После прихода к власти на Украине крайне правых, откровенно русофобских сил были неизбежны разрыв договора о пребывании Черноморского флота России в Крыму, размещение в Крыму структур НАТО, массовый террор русского гражданского общества и вооруженный крупномасштабный гражданский конфликт. Абсолютное большинство жителей Крыма референдуме 16 марта 2014 г. выразило желание выйти из состава Украины и вернуться в Россию. Руководство России поддержало это воистину народное решение. Твердая геополитическая нравственная позиция Президента РФ В.В. Путина, состоящая в продвижении национальных интересов русского

суперэтноса способствует тому, что Российская Федерация возрождается как великая евразийская держава.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.
2. Дугин А.Г. Конспирология. Великая война континентов. URL: propagandahistory.ru/books/Aleksandr-Dugin_Konspirologiya/
3. Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти. М., 2011; Кислицын С.А. Ю. Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... М., 2014.
4. URL: http://poznavatelnoe.tv/dugin_geopolitika_razvala_ussr

Колобова Г.А.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ

Аннотация. Автором предпринята попытка проанализировать предметное поле экономической политологии и дать определение этой области политологических исследований.

Ключевые слова: политология, государство, экономика, бизнес, общество, политические механизмы.

Kolobova G.A.

POLITICAL ECONOMY AS AREA OF KNOWLEDGE

Abstract. The author has undertaken an attempt to analyze the subject field of economic political sciences and make the definition of the above-mentioned area of political sciences researches.

Keywords: political sciences, state, economy, business, society, political mechanisms.

Экономическая политология является относительно новым направлением общественной науки. Термин «экономическая политология» был заявлен в отечественной политологии несколько лет назад, научному сообществу представлен ряд диссертационных исследований в рамках этого направления, однако в литературе не сложилось концептуального подхода к этой сфере политических исследований.

Очевидно, что актуализация исследований в этой сфере обусловлена необходимостью эффективного взаимодействия политической и экономической систем общества. Усложнение экономических отношений (как в мировой системе, так и в национальных подсистемах) требует соответствующих политических средств реагирования на изменение рыночной конъюнктуры. Особенно актуальны эти исследования для

государств, в которых не сформированы зрелая рыночная экономика и демократические практики регулирования экономики, в том числе – для России.

Так что же изучает экономическая политология? А.Д. Богатуров считает, что экономическую политологию «можно определить как область политологии, которая напрямую связана с изучением вопросов обеспечения политической безопасности бизнеса, профилактики политических рисков, с которыми он сталкивается, а также с выработкой оптимальной стратегии поведения бизнеса в отношении общества и государства в политических ситуациях в любых странах, включая его собственную» [2, с. 9]. Этот подход воспринят и М.Г. Анохиным [1, с. 102]. Кроме того, А.Д. Богатуровым сформулировано более лаконичное понятие: «экономическая политология – это наука о политической и экономической привлекательности и инструментах ее формирования» [5, с. 12].

Объектом исследования экономической политологии, по мнению указанных авторов, является триада: бизнес, общество, власть. При этом под бизнесом понимается любой субъект, извлекающий экономическую прибыль из своей деятельности [4, с. 6].

Из вышеприведенных представлений следует, что экономическая политология изучает, прежде всего, властные отношения по поводу извлечения прибыли, основываясь на экономическом анализе политических явлений. Проблемное поле экономической политологии определяется как совокупность четырех блоков: теоретико-методологических основ взаимодействия бизнеса с обществом и государством (основной акцент делается на теорию рационального выбора), вопросов обеспечения политической безопасности бизнеса, отношений бизнес-общество, воздействия бизнеса на государство [2, с. 10-11]. Таким образом, ключевым индикатором сущности экономической политологии, по мнению указанных авторов, является термин «бизнес».

Вместе с тем, нельзя не согласиться с тем, что экономическая политология производна от термина «экономическая политика». И бизнес-общество является значимым, но не единственным актором, определяющим взаимодействие политической и экономической сфер в любом обществе. Кроме того, экономическая политика в широком понимании не направлена на извлечение прибыли отдельными субъектами, основная ее цель – обеспечение стабильного экономического развития государства, иногда – путем ограничения доходов отдельных субъектов. В силу этого изложенные ранее позиции, на наш взгляд, не в полной мере раскрывают сферу исследования экономической политологии и требуют уточнения.

Наш подход к этой проблематике заключается в том, что состояние экономической сферы государства, несмотря на наличие собственно экономических закономерностей развития, принципиально определяется

политическими факторами, поэтому успешность властного воздействия на экономику оценивается в следующей логической последовательности: «политическая система – политический режим – политическая стратегия в экономике – экономическая политика». Именно политические условия определяют формальные цели и неформальные практики воздействия основных акторов (государства, бизнес-структур, политических партий, иных объединений гражданского общества) на экономическую сферу.

Основным политическим институтом, а, следовательно, и ключевым субъектом разработки и реализации экономической политики, является государство. Остальные акторы участвуют в этом процессе в большей или меньшей степени, их влияние на экономику может сильно варьироваться в зависимости от страновой специфики.

Основываясь на вышеизложенном, мы представляем предметное поле экономической политологии как совокупность двух блоков.

Первый блок знаний (назовем его общей частью) охватывает теоретико-методологические аспекты исследования такого феномена, как экономическая политика. В этой части может быть рассмотрен широкий круг теоретических вопросов, касающихся взаимодействия политики и экономики, развивающих положения общей политологии и спроецированных на экономику как сферу политического регулирования (например, соотношение политического режима и поступательного развития экономики, формирование политической стратегии в экономике в разных политических условиях, специфика принятия политических решений в экономической сфере и многое другое). Данное направление политической науки обуславливает применение целого ряда общенаучных и специальных методов исследования, в том числе системного анализа, структурно-функционального, компаративного, неоинституционального и иных научных методов.

Второй блок знаний (особенную часть исследований по экономической политике) условно можно разделить на подблоки, которые посвящены анализу участия в экономической жизни государства наиболее активных политических акторов, то есть по субъектному критерию. Так, например, первый подблок может быть посвящен государству как участнику и регулятору экономической жизни. Здесь могут быть освещены политологические аспекты государственного регулирования экономики, в том числе те механизмы, которые могут быть использованы только государством – политико-правовые, политико-организационные, иной специальный инструментарий, то есть политико-государственные механизмы регулирования экономики [3]. Второй подблок может быть посвящен сюжетам, которые характеризуют участие бизнеса в экономике и политике, в том числе вопросам, обозначенным упомянутыми коллегами – лоббированию интересов, PR, GR и др. (политико-предпринимательским механизмам). Третий подблок может раскрывать деятельность политических партий, направленную на регулирование экономики:

формирование экономического блока предвыборных программ, анализ законотворческой деятельности и реальных практик партий и пр., в том числе и политико-партийные механизмы воздействия на экономическую сферу. Четвертый подблок может быть посвящен экономическим интересам профсоюзных организаций и особенностям их реализации в политической сфере и т.д. Перечень подблоков и набор политологических сюжетов для исследования являются открытыми, привлекательность их научной проработки зависит от состояния экономической сферы, расстановки политических сил в государстве, страновых особенностей и иных факторов.

Таким образом, мы понимаем под экономической политологией весьма обширную область знаний и предлагаем следующее определение: экономическая политология – это область политологии, направленная на изучение политических условий функционирования национальной экономики, анализ участия ведущих политических сил государства в принятии и реализации политических решений в экономической сфере и оценку механизмов их воздействия на экономику.

В полной мере разделяя интерес к формированию нового направления политологических исследований, полагаем, что научные разработки в этой сфере должны быть ориентированы не только на расширение познавательного поля политической науки, но и на обоснование направлений коррекции политико-властного воздействия на экономику.

Литература

1. Анохин М.Г. Концептуализация взаимовлияния политики и экономики в эпоху глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. Орел, 2013. № 3. С. 102-109.

2. Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Политические исследования. 2011. № 4. С. 8-19.

3. Колобова Г.А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2014. 50 с.

4. Основы экономической политологии. М.: МГИМО-Университет, 2015. 412 с.

5. Экономическая политология: Отношения бизнеса с государством и обществом / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2012. 240 с.

Конобеева О.Е., Конобеева Е.Е., Скворцова Н.А.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. После введения права частной собственности на недвижимое имущество и проведения приватизации, государство перестало быть единственным собственником подавляющего числа объектов недвижимости, что послужило началу формирования рынка недвижимости. Процессы, происходящие на рынке недвижимости, в первую очередь обусловлены политической стабильностью.

Ключевые слова: недвижимое имущество, государственная регистрация сделок, право собственности.

Konobeeva O.E., Konobeeva E.E., Skvortsova N.A.

STATE REGULATION OF PROPERTY RELATIONS AS A FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. After introduction of right of private ownership on the real estate and realizations of privatizing, the state left off to be the only owner of repressing number of objects of the real estate, that served to beginning of forming of property market. Processes what be going on at the property market are first of all conditioned by political stability.

Keywords: the real estate, state registration of transactions, right of ownership.

В настоящее время в России связи с проведением политических и социальных преобразований, направленных на становление рыночной экономики, значительно расширилась сфера имущественных отношений, и особенно в части перехода прав на недвижимое имущество.

Одним из способов защиты прав собственников (владельцев) недвижимости, а также лиц, имеющих намерение заключить какие-либо сделки с недвижимым имуществом, признается государственная регистрация, являющаяся элементом частноправового регулирования отношений, связанных с недвижимостью.

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество носит открытый характер (рисунок 1) [2].

Рисунок 1. Схема государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Государственная регистрация сделок с недвижимостью предусматривает платежи в пользу государства. Данные по видам платежей Управления Росреестра по Орловской области представлены в таблице 1 по данным Отчета «Об исполнении бюджета» [4].

Таблица 1. Анализ состава и структуры платежей по государственной регистрации сделок с недвижимостью Управления Росреестра по Орловской области на 01.01.2013 – 01.01.2014 гг.

Показатель	На 01.01.2013 г.		На 01.01.2014 г.		Отклонение		Темп роста, %
	сумма, тыс. руб.	удельный вес, %	сумма, тыс. руб.	удельный вес, %	по сумме тыс. руб.	по удельному весу, %	
Госпошлина за регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним	166541	91,13	134436,92	91,61	-32104,08	0,48	80,7
Госпошлина за регистрацию прав (прочие поступления)	636,35	0,35	-565,76	-0,39	-1202,11	0,74	-88,9
Госпошлина за лицензирование	10,51	0,01	11,00	0,01	0,49	0	104,7
Плата за предоставление информации, выдачу копий	15299,82	8,37	12565,56	8,56	-2734,26	0,19	82,1
Прочие доходы от компенсации затрат	-	-	225,18	0,15	225,18	0,15	-
Доходы от реализации имущества	-	-	71,53	0,05	71,53	0,05	-
Прочие поступления (штрафы)	107,62	0,06	-	-	-107,62	-0,06	-
Прочие неналоговые доходы	148,72	0,08	-3,40	0,00	152,12	-,008	-2,2
Всего доходов	182744,04	100	146741,04	100	-36003,0	0,0	80,3

Государственная регистрация прав проводится по установленной ФЗ от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) системе записей о правах на каждый объект недвижимого имущества в Едином государственном реестре прав на недвижимое

имущество и сделок с ним (далее также – Единый государственный реестр прав). Датой государственной регистрации прав является день внесения соответствующих записей о правах в Единый государственный реестр прав [1].

Участниками отношений, возникающих при государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним являются собственники недвижимого имущества и обладатели иных подлежащих государственной регистрации прав на него, в том числе граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, юридические лица, международные организации, иностранные государства.

Рисунок 2 отражает разницу между доходами и расходами по Управлению Росреестра по Орловской области на 8272,80 тыс. рублей за исследуемый период 01.01.2013 – 01.01.2014 гг. и колоссального увеличения расходов Управления Росреестра по Орловской области на 36003 тыс. Однако, результатом исполнения бюджета является профицит [4].

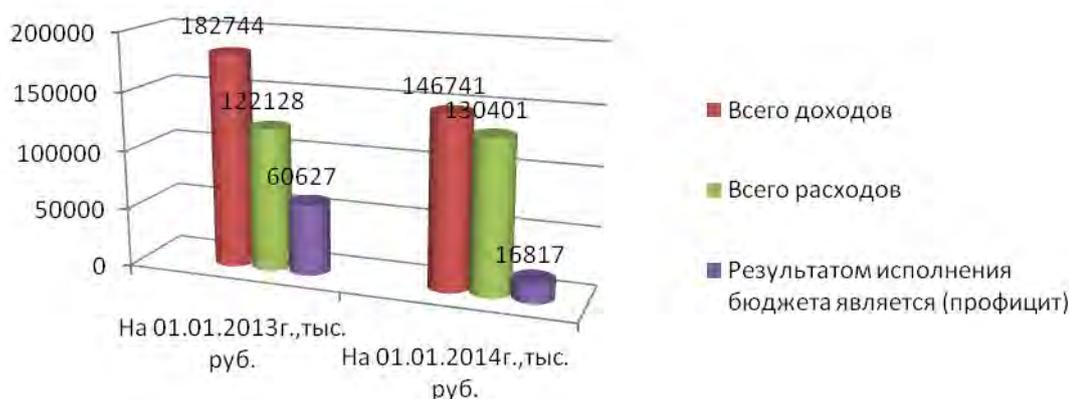

Рисунок 2. Динамика изменения доходов и расходов Управления Росреестра по Орловской области на 01.01.2013 – 01.01.2014 гг.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о снижении размера финансирования Управления Росреестра по Орловской области за последние годы.

Таблица 2.
Источники финансирования дефицита бюджета Управления
Росреестра по Орловской области на 01.01.2013 – 01.01.2014 гг.

Показатель	На 01.01.2013 г., тыс. руб.	На 01.01.2014 г., тыс. руб.	Отклонение, тыс. руб.
Изменение остатков по расчетам	-60627,52	-16817,33	43810,19
Изменение остатков по расчетам с органами, организующими исполнение бюджета	-60627,52	-16817,33	43810,19
Увеличение счетов расчетов	-182744,04	-146741,04	36003,00
Уменьшение счетов расчетов	122116,51	129923,70	7807,19
Всего	-60627,52	-16817,33	43810,19

Рынок недвижимости, как и любой иной, чутко реагирует на изменения, происходящие в стране [3]. В условиях смены социально - экономической формации и снижения производства, вложения денежных средств в офисные и жилые помещения являются одним из наиболее действенных способов защиты капитала от инфляции.

Литература

1. Кирсанов А.Р. Новая система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в Российской Федерации // Право. М., 2010. С. 18-19.
2. Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е. Особенности управления регистрационной службы недвижимости / Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований: сборник научных трудов / под общ. ред. И.Г. Паршутинной. Орёл: Изд-во ОрелГИЭТ, 2016. С. 208-213.
3. Макарова Т.Н. Инновационный потенциал потребительского рынка в региональном аспекте / Т.Н. Макарова, Е.А. Сотникова // Вестник ОрелГИЭТ. 2011. № 2 (16). С. 89-95.
4. Официальный сайт Управления ФСГР, кадастра и картографии по Орловской области. Режим доступа: <http://www.to57.rosreestr.ru/> (дата обращения: 12.02.2016).

Ковальска-Стус Х.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ О РОССИИ (В ОЦЕНКЕ РУССКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ)

Аннотация. Польские многотиражные газеты принадлежат заграничным концернам. На их содержание часто влияет политическое лоббирование. Образ России в них необъективен. Это идет навстречу нежеланию поляков к российскому государству. Анализ польских газет под этим углом русскими специалистами выявляет действительные тенденции.

Ключевые слова: Польско-русские отношения, СМИ.

Kowalska-Stus H.

POLITICAL CULTURE OF POLISH MAGAZINE ARTICLES ABOUT RUSSIA (RUSSIAN EXPERTS IN EVALUATION)

Abstract. Polish large circulation newspapers belong of strangers concerns. Their contents depend on the political lobbying. The image of Russia in Polish newspapers isn't objective. He is reflecting the historical dislike of Poles for the Russian state. Russian analysis of Polish newspapers is revealing real tendencies.

Keywords: Polish-Russian relationships, media.

В современном мире хозяином СМИ в любой стране являются иностранные или международные концерны («Аксель Шпрингер» в Польше), которые защищают политические интересы своих спонсоров (реклама, политическое лоббирование). Все эти условия нужно принять во внимание также относительно влияния СМИ на процесс планирования международных отношений. В связи с этой проблемой нас интересует степень влияния средств массовой информации на имидж определенной страны, ее политики и культуры.

Сложное историческое прошлое Польши и России порождает и сегодня множество проблем и конфликтных ситуаций. Обе страны эмоционально воспринимают поведение друг друга. Вопреки обиходному мнению, менталитеты обоих народов – имперские, разница в том, что поляки одобряют свое присутствие в современной европейской империи, считая ее высшим проявлением развития цивилизации. Русские, в свою очередь, олицетворяют идеал византийской империи, в котором историческое время уходит на второй план, а на первом появляется пространство как место спасения, как эсхатон. Поляки постоянно подчеркивают, что настоящее и будущее строится на фундаменте прошлого, а русские устремлены в будущее. Польские журнальные статьи

о России не касаются столь глубоких слоев обеих культур, часто содержание и смысл польских публикаций совпадают с американскими. И здесь и там вылавливается мнение, что Россия имеет привычку собирать воедино маленькие соседние государства для создания буферной зоны на своем западном фланге. Следовательно, возникает ощущение потенциальной опасности РФ как для соседних государств, так и для мирового сообщества в целом. В России, по мнению журналистов, царит хаос, беззаконие и коррупция. Рисуется образ России как страны жесткой, бескомпромиссной и даже тоталитарной в политической сфере. Политические лидеры не учитывают интересы жителей России. Русский народ считается пассивным и безынициативным в плане отстаивания своих прав, но, тем не менее, оказался способен выйти на Болотную площадь, чтобы выразить свою точку зрения.

В России появились научные диссертации посвященные анализу образа России в польских СМИ. Г.С. Спицын в своей кандидатской диссертации провел анализ публикаций польской прессы. «Особый интерес в случае польских СМИ представляет анализ характера их влияния на принятие политических решений и общественное мнение по чувствительному для польской общественности российскому направлению» - замечает Спицын [1]. Исследователь различает национальные особенности дискурса польской прессы, обусловленные неоднозначной историей страны и агрессивную националистическую риторику, которая свойственна отдельным польским изданиям и журналистам.

Оценка польских СМИ ведется не только на научном уровне. Более широкий резонанс имеют высказывания на эту тему в российских СМИ. Характерен для польской журналистики уровень знаний о современной России представлен в интервью данному главным редактором журнала «Новая Восточная Европа» Анджеем Бжезецким [2]. **Бжезецкий, довольно молодой человек (р. 1978) убеждает, что он эксперт по России и его представление о ней соответствует действительности. В Иркутске он увидел три памятника: Ленину, царю и Колчаку – в чем заключается, по его мнению, суть современной России. Весь дальнейший разговор касается проблемы демократии в России.**

«Gazeta Wyborcza» лидирует в роли ментора России в области демократии, что справедливо заметили русские аналитики польских СМИ. Критику заслужил корреспондент этой газеты в Москве Вацлав Радзивиневич, который написал статью «Это страшное слово «свобода». Автор доказывает в ней, что свобода и Россия – понятия несовместимые. Статьи Вацлава Радзивиневича считаются в России скандальными. В Польше же они принимаются как свидетельство очевидца.

После Смоленской катастрофы польская журналистика не стала более внимательно исследовать Россию. На страницах правительственной газеты «Rzeczpospolita» появляются критические статьи Марцина Качмарского – эксперта Центра восточных исследований. Россия охарактеризована как

страна, которая утратила свой военный и экономический потенциал. Качмарский противопоставляет успешного политика Медведева Путину [3].

В статье «**Россия проиграла войну Грузии**» Качмарский пишет, что российское вооружение плохо себя зарекомендовало [4]. Он выдвигает тезис о том, что **энергетическая политика России терпит провал, а также, что Россия не справляется с экономическими вызовами**. В этой статье много недосказанного, ложны выводы и прослеживается отсутствие данных. Экономическая ситуация России не указана на фоне мировых тенденций.

Газета «Rzeczpospolita» является предметом частого анализа портала «Иносми». «Иносми» подчеркивает, что польско-русские отношения в газете отображены как ведущие к политическим, а возможно, и к военным столкновениям, соперничая за влияние в Украине и в Белоруссии [5]. Различные геополитические интересы не оставляют места для взаимного доверия.

«Иносми» обращает внимание на статью в еженедельнике «W sieci» затрагивающие проблему присутствия агентов влияния России в культурном и информационном пространстве Польши (Витольд Гадовски: 06.03.2013). Автор убежден, что российская разведка манипулирует мнением поляков по ключевым для польского государства вопросам. Гадовски выражает надежду на разоблачение «продажных агентов Москвы» после ухода В.В. Путина с политической сцены.

О необходимости привлечения РФ в пространство широко понимаемого Запада в контексте формирования трансконтинентальной системы глобального сотрудничества говорил в интервью газете «Polska The Times» (29.03.2013) Збигнев Бжезинский. Можно полагать, что его долгосрочный план по отношению к СССР, Российской Федерации и постсоветского пространства имеет стратегическое значение для США и одобряется Польшей как союзником США в НАТО. Бжезинский подчеркивает свое польское происхождение. Политолог выразил сомнение в успехе кремлевского проекта по созданию Евразийского Союза и возложил основные надежды на российский средний класс, который идентифицируется с западными ценностями и поэтому обладает потенциалом для изменения политической системы в России.

Необходимо подчеркнуть, что в Польше издается несколько нишевых журналов и электронных сайтов, где Россия и польско-русские отношения освещаются в реальной перспективе а исторические события имеют объективную оценку. К ним принадлежат журналы: „Czas Najwyższy” и „Myśl Polska” и сайты: www.konserwatywzm.pl и www.neon24.pl

Стоит также обратить внимание на отклик русских СМИ на состоявшийся во Вроцлаве 23-25 июня 2011 г. Первый Польско-русский конгресс СМИ. Дискуссия была направлена на преодоление глубоких исторических стереотипов [6; 7].

Литература

1. Спицын Г.С. Качественные печатные СМИ Республики Польша в формировании общественного мнения о современной России. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
2. Радиопрограммы / Час прессы. Польские СМИ: новое открытие России. Опубликовано 30.09.2011. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24344041.html> (дата обращения: 27.02.2016).
3. Rzeczpospolita 06.07.2006.
4. Rzeczpospolita, 11.10.2011.
5. Иносми. 02.03.2012.
6. Солдатов А. Репортаж: Польша и Россия: любовь-ненависть. www.credo.ru (дата обращения: 10.02.2016).
7. Солдатов А. Религиозный фактор на Первом Польско-российском конгрессе СМИ во Вроцлаве, Вроцлав (Польша). www.credo.ru (дата обращения: 10.02.2016).

Кошарная П.В.

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ

Аннотация. В статье анализируется информационное воздействие СМИ на эскалацию этнополитических конфликтов. Внимание уделяется механизмам этого воздействия в современном мире и связь между глобализацией коммуникаций и всплеском национализма в последние десятилетия. Главной идеей статьи является угроза общественной безопасности вследствие освещения этнополитических конфликтов современными медиа. Предлагается несколько путей преодоления этого негативного свойства СМИ. Подчеркивается необходимость переосмысления роли средств массовой информации в нагнетании межэтнической вражды и политических противостояний.

Ключевые слова: этнополитический процесс, этнополитический конфликт, СМИ, средства массовой информации, информационное воздействие, глобализация, политическая конфронтация, разжигание межнациональной розни, социальная ответственность журналиста, общественная безопасность, государственный контроль СМИ.

Kosharnaya P.V.

THE ROLE OF THE MEDIA IN THE ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

Abstract. The article deals with informational influence of mass media on escalation of ethno-political conflicts. Much attention is paid to mechanisms of

this impact in the modern world and correlation between globalization of communications and surge of nationalism, which has been taking place for last decades. The main idea of the article is the threat to public safety by ethno-political conflicts coverage by means of media in contemporary world. Some ways to overcome this negative attribute of mass communication media are suggested. The need is stressed to redefine the role of the media in incitement to ethnic hatred and political confrontation.

Keywords: ethnopolitical process, ethnopolitical conflict, mass media, informational influence, globalization, political confrontation, incitement to ethnic hatred, social responsibility of the journalist, public safety, state control of the media.

На сегодняшний день по всему миру мы видим обострение социально-политических противоречий. Конфликт идей, стереотипов, ценностей – это предпосылки общественных конфликтов, факторы их продуцирования и эскалации.

Одними из самых опасных общественных кризисов считаются этнонациональные и политические конфликты. Они, как правило, являются следствием национализма. История показывает, что любые типы государств склонны к межнациональным конфликтам: капиталистические и социалистические, традиционные и модернизированные. С точки зрения Эрнеста Геллнера, английского философа и социального антрополога, предметом межнациональных конфликтов являются национально-культурные ценности (язык, религия, традиции, символы, история и т.д.), стремление народов к сохранению и развитию своей идентичности по отношению к другим народам [1].

Распад СССР и создание СНГ поставили правящие элиты стран постсоветского пространства перед необходимостью развития конфликтологии национальных отношений и разработки технологий информационного влияния на общественность для погашения общественных конфликтов. Сегодня исследователи в этой сфере настаивают на том, что главными причинами разногласий в современном обществе являются не культурные различия сами по себе, а именно социально-политические и экономические интересы элит, интересы, которые в свою очередь скрываются за этническими или религиозными признаками [4]. Такой подход, возможно, излишне прагматичен и не учитывает всего многообразия факторов, влияющих на этнополитические процессы, но именно он позволяет рассматривать проблемы, возникающие в межэтническом пространстве, более рационально, как поддающиеся всестороннему анализу и урегулированию.

До сих пор исследователи проблем национализма часто исходят из представления, что глобализация средств массовой коммуникации и информации, социальная мобильность и усиление экономических связей сглаживают культурные различия между разными группами населения и

тем самым способствуют развитию более однородной культуры [3]. Однако все больше возникает свидетельств того, что усиление связей ведет к прямо противоположному результату, особенно в тех регионах, где сосуществуют несколько близких по уровню развития культур. Это происходит потому, что развитие средств информации, связи и транспорта обостряет у национальных меньшинств чувство своего отличия от остальных. Поэтому закономерно, что этническая напряженность и сепаратизм растут повсеместно во всем мире. Ведь в этнически многообразном обществе СМИ часто еще больше подчеркивают различия и раздувают разногласия между этническими группами, что еще больше разрушает однородность населения. Ключевой задачей при этом становится выяснить при каких условиях отношения между группами попадают в «деструктивную ловушку» (термин, введенный Энтони Гидденсом в 1997 г.), т.е. в ловушку взаимного нагнетания вражды, когда они, в конце концов, срываются в насилие. Вторая задача состоит в том, чтобы определить при каких условиях медиа, напротив, могут активно способствовать взаимопониманию разных групп населения, миру и политической стабильности [5].

Необходимо отметить, что во время общественно-политических конфликтов средства массовой информации как способ влияния на массы обычно принимают ту или иную противоборствующую сторону, вместо того, чтобы пытаться преодолеть разногласия и избежать открытого противостояния. Они подают себя как выразителя общественных мнений, не учитывая и, возможно, даже сознательно скрывая свою роль именно в их формировании. Сообщения СМИ, активно обсуждающих эти события, делят общество на сторонников и противников социальных противоречий, связываемых коммуникаторами с этничностью. А специфическое освещение и трактовка этих процессов в прессе зачастую негативно влияет на массовое сознание, затрагивая этнические чувства и интересы населения [4]. Часто средства массовой информации способствуют искусственной активизации национального самосознания больших масс людей, но при этом у них формируются не только позитивные представления в области межэтнического взаимодействия, а и негативные.

С технологической точки зрения этнополитические конфликты являются острой конфронтацией в поле связей с общественностью, поскольку здесь в наличии весь существующий комплекс мер по информационному влиянию на массовое сознание в условиях информационной открытости для изменения поведения людей и навязывания им стремлений, не входящих в сферу их интересов [3].

Таким образом, средства массовой информации и коммуникации являются сегодня очень важными источниками влияния для регулирования или, наоборот, разжигания межнациональной вражды, социально-политических конфликтов. Также необходимо понимать, что человеческий фактор в худшем его значении присутствует как в журналистике, так и в

аналитических работах экспертов, которые имеют свое субъективное мнение и свои личные интересы независимо от уровня информированности в той или иной проблеме [6].

Задача примирения конфликтующих сторон с помощью современных СМИ является сложной. Ведь большинство их представителей участвует в информационных войнах по разные стороны баррикад, и часто их целью является не уничтожение этих баррикад, не единение народа, а привлечение конкретной целевой аудитории и отталкивание аудитории, которая не поддерживает их позицию, а это расширяет пропасть и умножает разногласия.

В данный момент эта проблема является актуальной не только в нашей стране, но и во всем мире. Тенденции расширения и эскалации этнических конфликтов, шовинизма, сепаратизма, религиозных войн становятся более угрожающими. Всплеск национализма упростил представления, которые получили распространение в начале XX века пролетарскими интернационалистами и европейскими космополитами про исчезновения чувства национальной идентичности. Можно сделать вывод, что причиной этих процессов является повсеместное влияние целенаправленной пропаганды – работы политтехнологов и специалистов по связям с общественностью в международном информационном пространстве. Ее мотивом является древняя формула: «разделяй и властвуй», а фактором – обострение международной конкуренции.

В этой ситуации важным является осознание властью в государстве необходимости оперирования тем же инструментарием, что и подрыватели мирного межнационального сосуществования в стране, но – для конструктивных целей. Однако социальный пиар – это еще не достаточное средство для стабилизации внутренних межнациональных и политических отношений. Тут следует вести речь о комплексе мер, включающих государственный контроль, ограниченный правом на свободу слова, следовательно, вмешивающийся в деятельность СМИ только в случае реальной угрозы общественной безопасности и других предусмотренных законодательством случаях; гражданский контроль, как некие общественные организации, в том числе и исследовательские социологические институты, изучающие воздействие медиа на массы и публикующие результаты своих исследований, что также может быть неким рычагом в развитии сознательности журналистов; и, наконец, формирование в самой медиаструктуре неких независимых и от государства, и от редакции органов содействующих социальной ответственности средств массовой информации.

Литература

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
2. Еремина Е.М. Глобализация культурных процессов и российские СМИ // Вестник Костромск. гос. ун-та им А.Н. Некрасова. 2007. № 1.

3. Олехнович К.С. PR-технологии в региональных политических процессах: на примере Южного федерального округа, Ростов н/Д, 2007.

4. Прикладная конфликтология для журналистов. М.: Права человека, 2006. 158 с.

5. Релжич Д. Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. М.: Наука, 2007.

6. Соколов С.В. Социальная конфликтология. М.: Юнити-Дана, 2001.

Кузина С.И.

ИНТЕЛЛИГЕНТ VS ИНТЕЛЛЕКТУАЛ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль и генезис понятий «интеллигенция» и «интеллектуал», роль российской интеллигенции в управленческих процессах в России, перспективы интеллектуальной страты в общественно-политических процессах современности.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуал, интеллектуальная собственность, социальное управление.

Kuzina S.I.

INTELLIGENT AND INTELLECTUAL: SOCIAL AND POLITICAL PERSPECTIVES

Abstract. the article examines the role and Genesis of the terms “intelligentsia” and “intellectual”, the role of the Russian intelligentsia in the administrative processes in Russia, the prospects for intellectual strata in political and social processes of modernity.

Keywords: intelligence, intellectual, the intellectual property, social management.

В общественном дискурсе периодически возникает тема влияния интеллектуального сообщества (к примеру, в виде экспертных докладов авторитетных исследовательских институтов) на принятие властью политических решений, порой на стратегическом уровне. Но на периферии общественного осмысления по-прежнему остается дрящущая второе столетие дискуссия о роли интеллигенции в судьбе России, о взаимоотношениях интеллигенции и власти, интеллигенции и народа, об онтологическом различии между интеллектуалом и интеллигентом.

Существуют разные точки зрения на происхождение слова «интеллигенция», прочно вошедшее в российский общественный дискурс. Ученые отмечают первые его употребления в масонской литературе XIII

века, в XIX веке оно встречается у К. Маркса, В. Жуковского, в словарях и энциклопедиях. Нижегородский журналист П. Боборыкин приписывал себе авторство слова «интеллигент», означающего представителя особой социальной группы, оформившейся во второй половине XIX века. К настоящему времени можно резюмировать, что сложилось определенное, причем существенное различие между западноевропейским понятием «интеллектуал» и российским «интеллигенция», о котором пишет М. Гаспаров: «Было два определения интеллигенции — европейское на слово *intelligentsia*, “слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий оставшийся со своим образованием не у дел”, — и советское, “прослойка общества, обслуживающая господствующий класс”. Первое, западное, перекликается как раз с русским ощущением, что интеллигенция прежде всего оппозиционна: когда тебе не дают места, на которое ты рассчитывал, ты, естественно, начинаешь дуться. Второе, наоборот, перекликается с европейским ощущением, что интеллигенция (интеллектуалы) — это, прежде всего, носительница духовных ценностей: так как власть для управления нуждается не только в полицейском, но и в духовном насилии над массами (проповедь, школа, печать), то она с готовностью пользуется пригодными для этого духовными ценностями из арсенала интеллигенции. «Ценность – не абсолютная величина, это всегда ценность “для кого-то”, в том числе и для власти. Разумеется, не всякая ценность, а с выбором» [1, с. 92].

Необходимо отметить, что, несмотря на разночтения в определении места и роли интеллигенции в обществе, данная «прослойка», как ее называли и большевики, разрослась и стала играть важную, порой стратегическую роль в социальном управлении. В любой сфере общества – политике, бизнесе, государственном управлении, в силовых структурах рядом с ключевыми фигурами, занимающими высшие посты в иерархии власти, есть люди, которые обеспечивают реальное управление, – те, кого называют представителями технической, военной, научной и прочей интеллигенции. Те, кого П.А. Сорокин именовал «головастиками», исследуя социальную мобильность и причины революций, приводя исторические примеры, когда «в периоды застоя в дореволюционные эпохи вырожденцы правящего класса прибегают к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду «головастиков» из низов и для монополизации всех высоких общественных позиций» [5, с. 291]. Собственно, это не новость о нашей власти: Н.С. Хрущев читал тексты, написанные академиком Е.С. Варгой. Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов советовались с научными консультантами и советниками, М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин для проведения реформ привели к власти целую команду «головастиков» [6].

Динамичное разрастание интеллигентной страты, повышение роли интеллекта в современном обществе, в эпоху знаний и высоких технологий, привели к тому, что прежнее различие между интеллектуалом в западном толковании и русским интеллигентом начало стираться. Различие же заключалось в том, что на западе интеллектуал – это специалист, профессионал, занимающийся умственным трудом. В России интеллигент, кроме того, что он образованный человек, был обогащен нравственной составляющей, обладал этическими, моральными, нравственными принципами. Страта российских интеллигентов все больше приобретает черты западных интеллектуалов.

Об этом писал А.И. Солженицын, называя новую российскую интеллигенцию «образованщиной». Исследовав сие явление в русской и советской истории, он сделал вывод: «Так, никогда не получив чёткого определения интеллигенции, мы как будто и перестали нуждаться в нём. Под этим словом понимается в нашей стране теперь весь образованный слой, все, кто получил образование выше семи классов школы. По словарю Даля, *образовать* в отличие от *просвещать* означает: придать лишь наружный лоск. Хотя и этот лоск у нас довольно третьего качества, в духе русского языка и верно по смыслу будет: сей образованный слой, всё то, что самозванно или опрометчиво зовётся сейчас «интеллигенцией», называть *образованщиной*» [4, с. 45].

В политическом отношении российский интеллектуальный класс в новом веке стал делиться на лояльную ее часть и небольшую группу оппозиционеров власти. Говоря об элите лояльных интеллектуалов (кто себя так называет), то к ним относятся многочисленные политтехнологические институты, политические клубы и площадки, средства массовой информации. Основная их озабоченность – уловить дискурсивный заказ власти, «мессидж», толковать его, вносить «предложения»: «...сегодняшнее место этой интеллектуальной группы в *Системе – маркетинг, продажа дискурса, произведенного «наверху»*» [3]. Оппозиция слаба и не может гордиться своим этическим или моральным преимуществом перед лояльной стратой интеллектуалов.

Однако существует возможная перспектива для интеллектуалов перейти из «обслуживающего» сегмента во властный класс, определяющий, пользуясь терминологией классиков марксизма, приход новой формации. Как когда-то буржуазия, создав новую систему ценностей – собственность на средства производства, обеспечила себе экономическую победу, а затем и политическое господство, так и бывшая «прослойка», обладая колоссальной активностью, работоспособностью и знаниями (информацией), имеет потенциал для создания своей, новой системы ценностей. К примеру, поддержка «головастиком» из народа позволила советской власти безграмотную аграрную страну превратить в индустриальную державу. Послевоенная разбомбленная Япония, взяв

усиленный курс на воспитание собственной интеллигенции, стала передовой технологической страной.

Перспектива появления нового правящего класса интеллектуалов имеет под собой основания: мы живем в информационную эпоху, когда победителем является тот, кто обладает передовыми технологиями в информационно-коммуникативном пространстве, – о чем говорит масштаб ведущихся мировых информационных войн, по сути, – интеллектуальных. Их значение настолько велико, что мы являемся свидетелями формирования новой карты мира: рушатся границы старых государств, появляются новые образования. И эти процессы легитимизируются с помощью информационной (пропагандистской) канонады.

Еще один аргумент: все большее значение в мировых производственных процессах начинает иметь интеллектуальная собственность, которая принадлежит интеллектуалам, только они умеют ею пользоваться, т.к. имеют для этого знания. Институт частной собственности переживает кризис, о чем говорят «непредсказуемые эволюции основных мерил частной собственности – курса доллара и стоимости нефти – дополнительное подтверждение интуитивного ощущения зыбкости старой системы экономических ценностей» [2].

Таким образом, можно сказать, что определенные процессы все-таки проходят в российском обществе: открытость миру дает свои плоды. Меняются господско-подданические отношения между властью и обществом на отношения равных. Мы свидетели, как прежнее классическое видение интеллигентности как необходимого присутствия совести уступает место новым критериям – просвещенности и уважительного отношения к ближнему как к равному.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Примечание историческое // Гаспаров М.Л. Записки и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 91-95.

2. Головинский А. Исчезнувшая интеллигенция?.. URL: <http://www.senator.senat.org/intelligence.html>

3. Зверева Г. Построить Матрицу: дискурс российской власти в условиях сетевой культуры. URL: <http://www.polit.ru/8021/article/2007/04/11/zvereva/>

4. Солженицын А.И. Образованщина. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/obrazovanshina.pdf

5. Сорокин П.А. Социология революций // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

6. Фирсов Б.М. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/8/firsov.html>

Rajeev Kumar

COLLECTIVE MEMORY AND CHALLENGES FOR CIVIL IDENTITY: A CASE STUDY OF TRIBAL GONDWANA MOVEMENT IN INDIA

Abstract. In this article the challenges for civil identity and collective memory attitudes in India are established on the materials of Tribal Gondwana Movement.

Keywords: collective memory, civil identity, tribal, Gondwana, Naxalite, Salwa, Judum, Indo-Aryan.

Раджив Кумар

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ РОДОПЛЕМЕННОГО ДВИЖЕНИЯ ГОНДВАНЫ В ИНДИИ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения гражданской идентичности и коллективной памяти в Индии на материалах Движения Трибал Гондвана.

Ключевые слова: коллективная память, гражданская идентичность, племя, Гондвана, Наксалиты, Сальва, Джудум, Индо-арийцы.

India's tribal population is 8.6% of the total 1.25 crore, means 10.43 crore. The inclusion of a community as a Scheduled Tribe is an ongoing process. The list of Scheduled Tribes is State specific and a community declared as a Scheduled Tribe in a State need not be so in another State. There is no uniformity even in same State in recognizing many segments of tribal society as tribes. This chaos has created dissent among tribal communities. Therefore, actual figure is higher. The decadal population growth of the tribals from Census 2001 to 2011 has been 23.66% against the 17.69% of the entire population.

The tribal communities live in plains, forests to hills and in accessible areas. About 90% of their population lives in rural areas including forests. Land is the most important source of livelihood for the tribal people. River, trees, their fruits or flowers etc. are happened to be major resources to these people for livelihood. Absence of land ownership has locked tribal people into deep poverty. They are forced to live and work on others property, earning very little in terms of a tiny agricultural wage. They are also working as landless laborers. Even among them who own lands, a majority own marginal plots that provide them little or no food security. The continuation of Forest Act 1927 even after independence up to 2006 when it was replaced, the forest dwellers tribals had no legal right to their homes, lands or livelihoods.

Due to low social status, tribals are prevented from exercising votes or exercise votes on dictating terms, used to cause injury or insult, humiliation in

public view and sexually assaulted. They are not so benefitted from Government's reservation policy due to incomplete process of recognizing tribes as tribes. The poor governance in implementation of welfare schemes launched for tribes further alienated them. Such deprivation gradually created frustration and that led the emergence of two movements in Central India, one, a violent movement Naxalite Movement in 80s and the Gondwana Movement in 90s led by the Gond tribe by non-violent means. This Paper follows the Gondwana Movement which organizing the tribes and poor people on the basis of their collective memory i.e. native belonging, demographic strength, eco-friendly rich values, royal background, linguistic heritage and thus, posing challenges to their civil identity.

The process of evolution of modernity and modern sector has not been uniform. In spite of good performance in some macro-economic areas of the Indian economy, disparities are great within India. A large section of its population is deprived of sufficient two time food, primary education, and housing, and basic health amenities. The tribes are the most affected segment of the society.

The analysis of data related to religious demography census 2011 reveals that in India, there are most backward twenty districts out of 640 districts of India, where more than 50% families have no assets. They live in huts and deprived of safe drinking water. There is no infrastructure of roads and electricity. Significantly, these all districts belong to tribals.

The tribal people are becoming conscious to their rights, privileges, and opportunities. To remind, Indian Constitution provides equality before law and equal protection of law and equal opportunities to all. The tribals are exerting pressure on the system. They are nowadays organizing protests and demonstrations in their own peculiar style, wearing yellow clothes and bearing bow and arrow under the Gondwana movement which has become dominant powerful forum of tribal people. Many social and religious organization and activities are taking place under its umbrella.

In the plain areas where the tribals had adopted common Hindu Culture and tradition even they are also becoming keen to adopt their old traditions, performing rituals and marriage customs according to old Gondi or community tradition. Almost in every district where sizable tribal population exists, their temples have been established.

The Gondwana movement provided a viable non-violent alternative to tribals and thus may be regarded responsible for declining the Naxalite movement which had spread in almost 40% of India's land area. But today, the *Naxals*, mostly the tribals wearing black uniform, providing mild arms training to boys and girls, getting 3000 to 5000 rupees per month salary, following guerrilla tactics for attack on forces or involved in taking bribe from transport trucks and vehicles or businessmen involved in economic activities in their region. But now the public support to the movement is decline because, people want education and health facilities which they believe has been affected by

them. The State and the Centre government of the *Naxal* areas, belong to same Party at present, are working together to finish them and propagating social welfare schemes. A sense among tribals also emerged that ultimate victim are tribals. However, the political leaders are mastermind. They do not go to the field. They only manipulate and invest money. The victim of this game is poor man. In Naxalite movement, mostly tribals or Gond tribals have been involved but later the failure of '*Salwa Judum*' experiment also left deep effect on the psychic of tribal people.

'*Salwa Judum*' began in 2005 as a govt. backed 'people resistance movement' against the *naxalites*. In this planning, the authorities armed the tribal villagers so that they could fight against the *Naxals*. But, on July 5, 2011, Supreme Court of India banned '*Salwa Judum*' policy. The court said that tribals cannot be used for controlling, countering, mitigating or otherwise eliminating Naxalite activities in the State. The court ordered immediate disbanding of the '*Salwa Judum*' and provide adequate security to the 'Commandos' because they were likely to face Naxalite retribution. The court observed that "a society is not a forest where one could combat an accidental forest fire by starting a counter forest fire that is allegedly controlled". The court also observed that the State failed to realize "that lawless violence, in response to violence by the Maoist insurgency, has not, and will not, solve the problems, and that instead it will only perpetuate the cycles of more violent, both intensive and extensive, insurgency and counter-insurgency". Later, all firearms were recalled from '*Salwa Judum*' members.

The innocent '*Salwa Judum*' tribal youth later paid the price in *naxalite* retribution; many members were killed in retaliation. On May 25, 2013, heavily armed *naxalites* ambushed a convoy of Congress Party leaders at Sukma in Bastar district of Chattisgarh and killed 28 people including '*Salwa Judum*' founder Mahendra Karma, who happened to be in the govt. at the time of formulation of *Salwa Judum*, ex-Madhya Pradesh Chief Minister V.C. Shukla and others.

Thus, realizations among the tribal people prevailed that they should prefer non-violent movement and propagate their cultural, religious and intellectual strength before the world and further prove that all remedies of problems of the today's world lies in tribal culture.

They claim that so called civilized world call us uncivilized but in our community women are safe, there is no discrimination among male or female. We protect nature and environment because we preach nature. Our religion is nature. A tribal first is used to salute the tree and ask its permission and then take from the tree according to his requirement. The tribal community prefers to eat before night. In today's world, we are busy in individual development not in community development. There is cut-throatiest. It is not the nature of tribals. The country belongs to all. All should be developed equally. Those who are left behind must be assisted. The tribals are the most backward; therefore, we prefer them. If a mother has four children and all four are ill but she will hospitalized

the one who is most ill. The tribe community is mostly ill. The Gondi movement however claims that we want to rule the country first so that beautiful, healthy, prosperous nation can be built. Later in second stage we will built the world. The fundamental ideals of tribal culture exactly correspond in the Preamble of Indian Constitution which guarantees social, economic political justice; faith and worship; equality of status and opportunity; and to promote fraternity, assuring the dignity of the individual.

To recall, Gond dynasties ruled in four Kingdom, *Garha*, *Mandla*, *Deogarh*, *Chanda* and *Kherla* in Central India, between the 16th and mid-18th Century. Historically, known for their heroics in the battle against the British, these proud tribe people gained control over *Malwa* after the decline of the Mughals, followed by the Marathas in the year 1690. Today, they are once again fighting for their status.

The movement has reach out 40 crore people on the basis of poverty and tribal linkages. The movement leaders of Gond community also believe that their 750 sub-castes absorb global tribes. The theory of continental drift of Gondwanaland constitutes their perception global. Gondwana was half of the Pangaea supercontinent known as *Laurasia*. In 1915, Alfred Wegener, the German geologist and meteorologist first proposed the theory of continental drift. He hypothesized that there was a gigantic supercontinent 200 million years ago, which he named Pangaea, meaning “all earth”, Pangaea started to break up into two smaller supercontinents called *Laurasia* and Gondwanaland, during the Jurassic period. The Gondwana named after a district in India where the fossil plant *Glossopteris* was found. The plant is found throughout India, South America, Southern Africa, Australia and Antarctica. The Gondwana, therefore, has global connotations.

Thus, the Gondi activists are redefining age old epics, stories, religious philosophies, trying to prove that they are indigenous people. The majority faith in India, present day Hindus were Aryans who came from outside. They still believe in earlier widely believed theory of Indo-Aryan invasion when the Indo-Aryans were supposed to have migrated to India, proposed in mid-19th century by German linguist and Sanskrit scholar Max Muller. He had suggested that the 3500 years ago, a migration of Indo-European speakers from Central Asia played a key role in shaping contemporary South Asian populations and this was responsible for introduction of the Indo-European language family and the caste system in India. In spite of the collapse of the Aryan invasion/immigration theory on the basis of scientific investigators, the Gondi activists are indulged in organizing tribals that they are different from common Indian society, thus, challenging their civil identity.

Лагутин О.В.

ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НЕСТАБИЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. в статье установлены особенности мобилизационной модели экономического развития в условиях перехода к нестабильной системе государственного управления в постсоциалистической России.

Ключевые слова: экономическое развитие, мобилизационная модель, государственное управление, современная Россия, нестабильная система, переход.

Lagutin O.V.

FEATURES OF THE MOBILIZATION MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE TRANSITION TO THE INSTABIL SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. The article installed features of mobilization model of economic development in the transition to an unstable system of governance in post-socialist Russia.

Keywords: economic development, mobilization model of governance, contemporary Russia, the unstable system transition.

Современная Россия вступила в период открытого цивилизационного противостояния с Западом. Информационные войны не прекращались никогда, несмотря на распад социалистической системы. Экономическая война, а санкции являются наиболее дешевой альтернативой военным действиям, была открыто объявлена России после известных украинских событий 2014 г. «Внешний фактор» традиционно сработал в качестве катализатора мобилизационных процессов как в экономике, так и в политике современной России. Борьба с развитием незападных цивилизаций со стороны элит стран «золотого миллиарда» представляет ее ключевую цель. Понятие «государственный суверенитет» идеологически дискредитируется, а разрушение национальных государств стало трендом международной политики управляемого хаоса.

Страны «золотого миллиарда» стали таковыми, поскольку ими в свое время была выбрана стратегия «эмуляции», которая представляет собой политику догоняющего инновационного развития относительно лидеров технологического прогресса, а затем и их опережения. Главным институциональным драйвером данного процесса стала «обрабатывающая промышленность», сочетающая технологический прогресс, возрастающую отдачу и несовершенную конкуренцию, то есть когда производитель

может существенно влиять на цену своего товара. Таким образом, все развитые страны разбогатели, используя данную стратегию, навязав другим странам стратегию сравнительного преимущества [3, с. 50].

С развалом советской системы отечественная экономика, полностью открыла экономические границы, была включена в мировую экономическую систему со свободным перемещением капитала. Экономические издержки оказались весьма внушительными по объективным причинам, что делает производство как таковое в стране нерентабельным в принципе. Стратегия сравнительного преимущества доминировала в России в постсоветский период идеологически и структурно, и в значительной степени имеет сильные позиции в политико-экономической практике в настоящий момент. Для купирования этих недостатков необходимы временные меры протекционистского характера – государственной поддержки отечественного производителя, и защиты его от внешней конкуренции. Эти меры может обеспечить эффективно только мобилизационная экономическая модель с мобилизационно-перераспределительной системой политического управления.

В определенные исторические периоды времени, когда технологическое, экономическое отставание России от Запада становилось критическим, что угрожало государственному суверенитету, власть навязывала обществу нестабильное состояние системы управления, переводя его в аварийный режим, приметами которого являются – ужесточение санкций за нарушение предписаний, высокая ротация кадров, непредсказуемость характера работы, высокая степень неуверенности каждого индивида во всех вопросах [2, с. 101]. В данные исторические периоды система управления обеспечивало высокую степень мобилизации ресурсов, нежели системы управления других стран, а затем перераспределялись на особые стратегические направления развития. То есть происходила мобилизация ресурсов со второстепенных с точки зрения власти, сфер деятельности, а далее шло перераспределение этих ресурсов в наиболее перспективные сферы.

Аварийная система управления создает мобилизационный тип экономики, который характеризуется: определением приоритетных экономических единиц (от отраслей экономики до предприятий), имеющих стратегическое значение; централизованным управлением, долгосрочным планированием; концентрацией инвестиционного капитала в производственный сектор; широким государственным участием в экономической сфере.

Ярким историческим прецедентом эффективной мобилизационной экономики является сталинская экономическая модель, благодаря которой Советский Союз одержал экономическую победу над Германией уже в конце 1942 г. Выбранные приоритеты советской экономики сталинского периода являются актуальными и сегодня: военно-промышленный

комплекс; топливно-энергетический комплекс; агропромышленный комплекс; транспортная система; система образования.

Благодаря развитию этих приоритетных социально-экономических сфер советского периода Российская Федерация имеет огромную и уникальную научно-технологическую, производственную и кадровую базы. В СССР после второй мировой войны реализовывалась инновационная модель развития государства, которая делает ставку на производство нового знания.

Советские производственные мощности остаются, на сегодняшний день основной базой высокотехнологичных отраслей современной российской экономики, в частности отдельные отрасли ОПК, такие как судостроение, авиация и космонавтика; атомная энергетика. Единственной высокотехнологической отраслью, которая появилась в постсоветский период – разработка программного обеспечения (ПО).

Согласно методологии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) высокие технологии используются по международной стандартной классификации в девяти продуктовых группах: авиационно-космическая; компьютерная и оргтехника; электроника и телекоммуникации; фармацевтика; оборудование для научных исследований; электрооборудование; химикаты; неэлектрическое оборудование; вооружение [4].

Из приведенного выше перечня по оценке директора программы «Окружающая среда, энергетика и экономическое развитие» RAND Corporation Кита Крейна, конкурентоспособной на международном рынке можно считать высокотехнологичную российскую продукцию в сферах: ПО для компьютеров и офисного оборудования; производства специальных материалов, в том числе произведенных с применением нанотехнологий; ядерных технологий в производстве машинного оборудования, кроме производящего электричество; авиационно-космической техники; вооружений [1, с. 144]. Из этих пяти видов высокотехнологичной продукции четыре особо выделены государством в качестве приоритетов модернизационных прорывов, что выражено в создании целевых государственных корпораций или формирования холдинговых компаний под патронажем правительства.

Для возможности навязывать обществу нестабильное состояние системы управления и преодоления сопротивления бюрократии, властью внедряются параллельные управленческие структуры, которые являются институциональными механизмами перехода системы управления в аварийный режим функционирования и опосредуют мобилизационно-перераспределительные отношения в обществе. Государственные корпорации и стали как раз этими параллельными структурами, которые могут создаваться в любых значимых сферах жизнедеятельности государства, где широко представлен государственный интерес. Наличие данных структур представляет сегодня альтернативную политико-

экономическую среду, практически неподконтрольную не только внешним силам, но и официальным российским законодательным и судебным институтам. Стоит также отметить, что с января 2016 г. начал действовать новый правительственный мобилизационный план экономического развития, направленный на модернизацию производственных мощностей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и кратного увеличения военной продукции. ОПК в данном случае выступают драйвером всей экономики, поскольку средства, вложенные в эту сферу, обращаются внутри всей экономики 3-4 раза, что дает возможность финансирования экономической стимуляции всех отраслей и производств.

Стоит отметить успехи России в агропромышленном секторе экономики – практически решена проблема продовольственной безопасности страны, а в ближайшей перспективе Россия станет крупнейшим экспортером продукции агро-промышленного комплекса. Воссоздание единой энергосистемы и транспортной инфраструктуры по освоению Западной Сибири и Северного морского пути делает Россию реальным геоэкономическим и геополитическим тяжеловесом.

Процесс перехода к мобилизационному типу экономики уже начался и не безуспешно. Экономические успехи в этом направлении позволят России более уверенно отстаивать свой суверенный исторический выбор.

Литература

1. Гуриев С., Качинс Э., Ослунд А. Россия после кризиса. М., 2011.
2. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал эксперт», 2002.
3. Райнерт Э.С Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.
4. Hatzichronoglou T. Revision of the High-Technology Sector and Product Classification/OECD Science, Technology and Industry Working Paper. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1997. URL: www.puck.sourceoecd.org

Лебедева М.М.

ВОЗМОЖНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ В РАЗВИТИИ ЕАЭС²

Аннотация: В статье проводится сравнение моделей экономической интеграции ЕС и ЕАЭС. Показывается, что ряд условий формирования интеграционных образований ЕС и ЕАЭС оказались различными. В связи с этим утверждается, что, не отказываясь от выбранного пути

² Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-37-11128.

экономической интеграции в рамках ЕАЭС, необходимо особое внимание обратить на возможности публичной дипломатии, реализуемой как официальными структурами, так и структурами гражданского общества. Из структур гражданского общества анализируется роль НПО, высшего образования, СМИ. Отмечается необходимость усиления социально-гуманитарного компонента для развития экономической интеграции в ЕАЭС.

Ключевые слова: публичная дипломатия, интеграция, ЕАЭС, ЕС, НПО, высшее образование, СМИ.

Lebedeva M.M.

POSSIBILITIES OF PUBLIC DIPLOMACY OF RUSSIA IN DEVELOPMENT OF EAEC

Abstract: The article compares two models of economic integration: the EU and the EAEU models. It shows that a number of conditions of formation of the European Union and the EAEU were different. In this regard, it is argued that, without abandoning the chosen path of economic integration within the Eurasian Economic Union, special attention has to be paid to the possibilities of public diplomacy implemented by official bodies as well as civil society structures. Among the civil society structures the role of NGOs, higher education and the media is analyzed. It notes the need to strengthen the social and humanitarian component for the development of economic integration in the EAEU.

Keywords: public diplomacy, integration, EAEU, EU, NGO, higher education, media.

В последнее время вопросы сравнительного исследований интеграции получают всё большее развитие [1]. Интеграционные процессы в рамках Евразийского союза строятся по классической схеме, где центральным звеном является экономическая интеграция. В этом смысле ЕАЭС во многом повторяет европейскую модель интеграции. Насколько оправдан такой путь с учётом того, что условия формирования ЕС и ЕАЭС отличаются?

Во-первых, в отличие от ЕС интеграция в ЕАЭС проходит на пространстве, которое ранее было хорошо интегрировано. После распада СССР экономические связи и, особенно социальные и гуманитарные (семейные, образовательные, культурные) в целом продолжали восприниматься позитивно. Другое дело, что недостаток финансирования привел к резкому сворачиванию социально-гуманитарных связей и отношений на постсоветском пространстве.

Во-вторых, мир значительно изменился с середины XX в. Глобализация, понимаемая как процесс транснационализации, которая

только начиналась в середине XX в., полностью набрала обороты в XXI в. Одним из важнейших факторов данного процесса стало внедрение информационных и коммуникационных технологий, позволивших довольно легко и просто обмениваться информацией в глобальном масштабе. В результате интеграционные процессы, предполагающие межгосударственные соглашения и межгосударственное сотрудничество, оказались под воздействием глобализации, которая: а) не предполагает таких соглашений (хотя они и не исключаются в тех или иных сферах) и б) не ограничивается рамками региона.

Оба процесса: интеграции и глобализации влияют друг на друга. Глобализация, делая межгосударственные границы прозрачными, стимулирует процессы интеграции, но в то же время порождает и противоположный процесс, поскольку негативные моменты, сопровождающие открытость границ, заставляют граждан выступать не только против глобализации, но и против интеграции. В этом смысле интеграционные процессы и процессы глобализации являются взаимосвязанными.

Во многом благодаря глобализации интеграционные образования без наличия общих сухопутных границ становятся возможными в современном мире. Примером может служить присоединение к ЕАЭС Армении в 2015 г.

В-третьих, сегодня мы являемся свидетелями резкого изменения ресурсного потенциала: наряду с военно-политическим и политико-экономическим всё большее развитие получает социально-гуманитарный ресурс влияния [3].

Таким образом, условия, в которых проходила интеграция в Европе в середине XX века и условия интеграции ЕАЭС в начале XXI века различны. Из этого, правда, не следует, что интеграция ЕАЭС не может идти по тому же пути, что и ЕС. Однако новые условия позволяют значительно легче интегрировать страны, не имеющие общих сухопутных границ, совмещать интеграцию с глобализацией, намного большее значение придавать социально-гуманитарным аспектам. Одновременно они создают условия для более сложных интеграционных образований, когда государства начинают активно взаимодействовать со странами за пределами создаваемого интеграционного объединения. Кроме того, особое значение приобретает социально-гуманитарный потенциал влияния. При этом, как отмечал Дж. Най, в связи с развитием гражданского общества в реализации «мягкой силы» всю большую роль играет публичная дипломатия [8].

Из сказанного следует, что на евразийском пространстве Россия обладает огромным потенциалом для использования публичной дипломатии в целях усиления интеграционных процессов. Под публичной дипломатией понимается воздействие государства на общество других стран [10]. Это воздействие может осуществляться, как непосредственно

структурами государства, так и опосредовано через структуры гражданского общества. Из структур гражданского общества особая роль в публичной дипломатии принадлежит различным НПО (фондам), университетам, СМИ. По этому пути идёт Россия, открывая на территории ЕАЭС различные фонды и занимаясь сотрудничеством в сфере высшего образования.

Среди российских НПО выделяются два типа организаций. Во-первых, это те, штаб-квартиры которых находятся в России. Зачастую они тесно взаимодействуют с профильными государственными ведомствами, такими как Россотрудничество. Во-вторых, это организации соотечественников или, так называемые, НПО с русской компонентой, зарегистрированные на местах [4].

Высшее образование – область, открывающая большие возможности для реализации «мягкой силы» государства вообще [9], и России в частности [5; 7]. Если обратиться к европейскому опыту интеграционного развития последнего десятилетия, а именно, к интеграции Латвии, Литвы и Эстонии в Болонский процесс в начале 2000-х годов, то очевидно, что более тесные связи в сфере высшего образования способствовали укреплению интеграционных процессов и в других сферах. Более того, эти государства рассматривали Болонский процесс как путь интеграции в ЕС [6].

В целом, по оценкам ряда специалистов, в настоящее время Россия несмотря на имеющиеся давние традиции в предоставлении образовательных услуг выходцам из различных республик бывшего СССР, сегодня все же уступает в этой области США и Европе [4].

Что касается российских СМИ, то они активно работают в странах ЕАЭС. Вместе с тем, во-первых, сужается область использования русского языка на постсоветском пространстве, что, безусловно, негативно сказывается на эффективности воздействия посредством российских СМИ. Во-вторых, российской стороной недостаточное внимание уделяется местным СМИ в странах ЕАЭС [4].

В целом для успешного использования публичной дипломатии России в ЕАЭС и усиления за его счёт экономической интеграции в реализации проектов необходима скоординированность по линии официальных ведомств (посольства и консульства РФ, деятельность Россотрудничества в странах ЕАЭС) и НПО (кабинеты и центры «Русского мира» и др.), а также их освещение в средствах массовой информации.

Особое внимание необходимо обратить на взаимодействие в сфере высшего образования и науки, усилив присутствие российских студентов и преподавателей в странах ЕАЭС.

В целом же для развития публичной дипломатии в России необходимо разработать и принять национальную стратегию, создать координирующий орган (или придать существующему Россотрудничеству эти функции в более

полном объеме), а также разработать критерии оценки эффективности деятельности в этой области [2].

Литература

1. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012.
2. Долинский А. Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов // Российский Совет по международным делам. 26 сентября 2013 г. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2399#top-content/
3. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99-108.
4. Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: социально-гуманитарное измерение. М., 2016.
5. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 200-205.
6. Никифоров Н.Е. Политические аспекты Болонского процесса в Латвии, Литве, Эстонии. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
7. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85-93.
8. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616 (1). P. 94-109.
9. Nye J. Soft Power and Higher Education. 2004. EDUCAUSE. Mode of access: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>
10. The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. Definitions of Public Diplomacy. Режим доступа: <http://fletcher.tufts.edu/murrow/pd/definitions.html>

Лебедева О.А., Конобеева О.Е., Скворцова Н.А.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Активное влияние информационных технологий на различные сферы жизни приводит к формированию информационного общества. Информационные ресурсы во многом способствуют улучшению качества жизни граждан, но в то же время изменяют модели поведения людей в современном мире. Соблюдение этических норм и стандартов в процессе работы с информацией позволят сформировать информационную культуру в стране, рационально использовать имеющиеся ресурсы.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, Интернет, информационное общество.

INFLUENCE OF INFORMATION RESOURCES ON SOCIETY LIFE

Abstract. Active impact of information technology on various areas of life leads to the formation of information society. Information resources have contributed significantly to improving the quality of life of citizens, but at the same time change the behaviors of people in the modern world. Compliance with ethical norms and standards in the process of working with information will help create an information culture in the country, efficient use of available resources.

Keywords: information, information technology, Internet, information society.

Развитие современного общества немыслимо без применения информационных технологий, что дает возможность говорить о новой ступени общественного развития, так называемого «информационного общества». Информационно-коммуникационные технологии оказывают существенное влияние на основные социальные институты и сферы жизни: экономику и деловую сферу, государственное управление, образование, социальное обслуживание и медицину, культуру и искусство.

Информационные технологии позволяют решать проблемы и дают возможность сделать мир современнее, лучше, удобнее и комфортнее. В современном обществе практически нет такой сферы хозяйствования, в которой бы не применялись информационные технологии. С помощью информационных технологий осуществляется успешная деятельность множества компаний, которые занимаются производством различных видов продукции. Информационные технологии и компьютеризация позволяют усовершенствовать и облегчить производственный процесс, а полная или частичная его автоматизация дает возможность облегчить труд, связанный с выполнением опасных для жизни действий [3].

Технологической основой информационного общества является совокупность различных средств коммуникации - телевидения, радио, Интернета, средств массовой информации. Информация широко применяется в различных сферах нашей жизни.

Например, в сфере экономики информация используется в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости. Информация приобрела статус товара и сравнялась по значимости для общества с другими материальными ресурсами. В последнее время активно развивается электронный бизнес. При оформлении документов используется электронная цифровая подпись. Изучение каталога электронного магазина позволяет сократить время на выбор товара. Все чаще используется заказ электронного железнодорожного билета вместо обычного билета в кассе вокзала.

В политической сфере свобода информации приводит к развитию электронной демократии. На сайтах в сети Интернет обсуждаются различные вопросы – от прически актера или телеведущего до отношения к различным законопроектам или к политическому устройству государства. Чтобы получить государственную услугу можно дистанционно заполнить форму запроса, и через определенное время получить необходимый документ на свой электронный адрес.

Информация выступает важным инструментом изменения качества жизни. Особую актуальность на фоне этого приобретает развитие телемедицины. Для получения консультации врача-специалиста пациенту можно не посещать конкретный медицинский центр, а просто оставить свои документы на портале медицинского учреждения и в назначенное время выйти на связь с профильным врачом. Также чтобы получить помощь в чрезвычайной ситуации, можно воспользоваться единым номером экстренных служб.

Информационные ресурсы все чаще применяются в культурной сфере. Например, чтобы подобрать литературу по определенной тематике, можно воспользоваться электронным каталогом любой библиотеки на всей территории страны. Изучение экспозиции любого музея, в том числе и зарубежного, возможно с помощью соответствующего сайта. Получение образования в любом университете мира также стало возможным в результате развития дистанционного обучения. Изучение иностранных языков также возможно осуществить электронным образом – с помощью соответствующих сайтов и видеороликов.

Информационные технологии настолько глубоко проникли в нашу повседневную жизнь, что это порой приводит к изменению модели поведения человека в современном мире. Люди перестают общаться «вживую», писать письма друг другу, заменяя это на электронное общение, обмен SMS. В результате утрачиваются многие нравственные позиции в обществе, нарушается процесс передачи жизненного опыта от поколения к поколению.

Но в то же время нельзя не отметить, что с внедрением информационных технологий наша жизнь становится более комфортной. Благодаря сети Интернет можно легко и просто получить различную информацию, по скайпу пообщаться с родственниками, проживающими в других городах и странах, и т.д. Но ключевой проблемой является то, что иногда люди не знают границ, им сложно остановиться, когда они поглощены чем-либо. Информационные технологии порой подталкивают людей к деградации, к сокращению их умственной деятельности: чтение книг заменяется просмотром фильма дома по компьютеру, посещение выставки – разглядыванием слайдов.

Поэтому особое внимание должно уделяться информационной культуре, предполагающей умение целенаправленно работать с информацией и использовать для ее получения, обработки и передачи компьютерные

информационные технологии, современные технические средства и методы.

Соблюдение этических стандартов в процессе работы с информацией привело к необходимости разработки и принятия различных кодексов. Первый кодекс компьютерной этики был разработан и принят в Институте инженеров электроники и электротехники (ИЭЭЕ) в 1979 г. Принятие данного документа было вызвано пониманием того, что инженеры, учёные и технологи в результате своей деятельности оказывают непосредственное влияние на качество и условия жизни всех людей в информационном обществе. Позднее были разработаны и приняты кодексы этики Ассоциацией разработчиков компьютерных технологий (АСМ), Ассоциацией менеджеров информационных технологий (ДРМА), Ассоциацией пользователей информационных технологий в США (ИТАА), Ассоциацией сертифицированных компьютерных профессионалов (ИССР). Также в 1987 г. был разработан и принят кодекс компьютерной этики для преподавателей высшей и средней школ.

Во всех кодексах содержатся нормы, основанные на соблюдении четырёх главных моральных принципов: «privacy» (тайна частной жизни), «accuracy» (точность), «property» (частная собственность) и «accessibility» (доступность). Модель компьютерной этики, основанная на этих принципах, получила название «РАРА» как аббревиатура первых букв слов, составляющих сущность модели.

Данные этические принципы нашли отражение в «Национальном кодексе деятельности в области информатики и телекоммуникаций», разработанном Торгово-промышленной палатой Российской Федерации. Кодекс распространяется на все виды деятельности – производство, продажу, пользование средств информатики и телекоммуникаций. Кодекс определяет, что эта деятельность должна быть честной, законной и правдивой [2].

Таким образом, можно констатировать, что вопросы становления и развития информационного пространства и общества весьма актуальны. Но развитие этих процессов в России сопряжено с рядом трудностей. Пока еще в России имеет место такое явление как информационное неравенство. Отдельные местности и социальные группы людей пока еще не имеют широкого доступа к информационным технологиям, что приводит к «информационной безграмотности» граждан. Для решения этой проблемы необходимо развивать телекоммуникационную инфраструктуру, оказывать помощь малообеспеченным слоям населения в приобретении вычислительной техники, создавать пункты общественного доступа (Интернет-кафе) [1].

Освоение информационных технологий и их дальнейшее использование предполагает овладение пользователями определенным набором операций. Умение применять в своей деятельности современные информационные технологии становится одним из главных компонентов профессиональной подготовки любого специалиста. Работа с информационными технологиями способствует формированию положительных качеств личности: усилению

интеллекта пользователя за счет вовлечения его в решение сложных задач, развитию логического и оперативного мышления, повышению самооценки, его уверенности в способности решать сложные профессиональные задачи, которые переносятся и в другие области жизнедеятельности [4].

Таким образом, можно утверждать, что современное общество находится на таком этапе своего развития, когда практически все сферы общественной жизни и государственной деятельности зависят от связанных с ними информационных технологий и ресурсов. Информационные технологии позволяют рационально использовать информационные ресурсы общества, которые сегодня являются наиболее важным стратегическим фактором его развития.

Литература

1. Информационное общество и информационные технологии. Режим доступа: <http://u3a.socialprojectspb.ru/tema1.html>

2. Информационные технологии (ИТ) и их роль в обществе. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/rgpuktnoscience/Home/lec/lec1>

3. Применение информационных технологий. Режим доступа: <http://zsj.ru/primenenie-informatsionnyih-tehnologiy.html>

4. Шпицберг А.И. Влияние информационных технологий на деятельность современного общества // Молодой ученый. 2014. № 6.2. С. 81-83. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/65/10857/>

Липкин А.И.

РОССИЯ МЕЖДУ НАЦИЕЙ И СУБЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Аннотация. В статье аргументируется авторская гипотеза о закономерностях цивилизационного развития России. Интерпретировано соотношение цивилизационного и национально-государственного факторов в истории России.

Ключевые слова: Россия, субцивилизация, нация, формирование, этапы исторического развития.

Lipkin A.I.

RUSSIA BETWEEN NATION AND SUBCIVILIZATION

Abstract. This article is governed by the laws of the author's hypothesis about the development of Russian civilization. Interpreted ratio civilization and nation-state factors in the history of Russia.

Keywords: Russia, subcivilization, nation, formation, stages of historical development.

При рассмотрении современных реалий надо различать цивилизационные, субцивилизационные, национальные, этнические общности [4; 5]. В центре внимания данной статьи будут вторая и третья.

1. Формирование державной общности

А) Российская империя

Московская Русь формировалась под знаменем православия. Под этим знаменем происходило восстановление Руси и после Смуты начала XVII в. Т.е. *первая форма патриотизма и идентичности имела религиозную основу*. Отметим, что начальные фазы формирования российской общности очень похожи на фазы формирования французской национальной общности [6]. Как и в свое время во Франции, в Московской Руси корона (царская) объединяла территорию, ее население и религию.

При Романовых происходит процесс формирования светской «державной» общности и отвечающего ей «культурного ядра». Так в политическом слое при Петре I первенство переходит *от религиозного идеала к светскому идеалу государственной пользы*, сливающейся с «общим благом». «Самодержец из наместника Бога превращался в первослужителя государства и главного радетеля о его благе... В обращении Петра к войскам перед Полтавской битвой говорится: вы не за Петра сражаетесь, *«но за государство, Петру врученное»* [1, с. 253, 254, 241, 281]. При Петре появляются понятия «отечество», «отчизна», «общее дело», «народ» (Малороссии, Московии), индивидуальный патриотизм [2, с. 189].

Очень важными событиями для процесса формирования надсословной державной общности были Полтавская битва и войны XVIII в., но особенно Отечественная война 1812 г., вызвавшая прилив чувств патриотического энтузиазма и всеобщего единения. В слое культуры она стимулировала развитие светской высокой (связанной с образованием) культуры, основу которой составляли светская литература и история, где были заданы специфичные для России типы поведения индивида и идея народа, уже имевшаяся у декабристов. Особое место занимают творчество А.С. Пушкина, ознаменовавшее зрелость русского литературного языка и литературы, и «История Государства Российского» Н.М. Карамзина (создана в 1816–1829 гг.)³.

³ «Первые восемь томов «Истории государства Российского» увидели свет в начале февраля 1818 года... В 25 дней продано 3000 экземпляров. Тираж и скорость продажи для России тех лет небывалые! «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили», – вспоминал позже Пушкин... Федор Толстой по прозвищу Американец, картежник, бретёр, отчаянный храбрец и забияка, одним из первых приобрел книги, заперся в кабинете, «прочел одним духом восемь томов Карамзина и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово Отечество» - писал П.А. Вяземский [3].

Этот сдвиг от религиозной идентичности к светской через российскую культуру (выросшую на основе импортированной ранее европейской культуры) и российскую историю происходил (как и во Франции и Англии) в рожденном Петром I и Екатериной II новом слое образованного дворянства. На этой основе развивался европейский вариант независимой личности, закрепляемый системой европейского типа светского высокого *образования*. Развитие и культивирование этого «культурного ядра», как и на Западе, было тесно связано с *университетами и образованным слоем*. Т.е., «*державность*», которую некоторые выдвигают как особую специфику России, есть весьма распространенная форма общности, *более ранняя*, чем национальная. Именно ей отвечает «сообщество по государству» В.А. Тишкова ([7, с. 9]. Правда, В.А. Тишков связывает это сообщество с понятием «нация»).

Б) СССР

В *советский период* была воспроизведена та же схема. Сначала «королевская» («царская») общность вокруг новой всемирной религии – коммунизма – и тесно связанного с ней вождя (сначала Ленина, потом Сталина), затем локализация этой всемирной религии в рамках данного государства («социализм в отдельно взятой стране»). После победы в Великой Отечественной войне, где воевали под лозунгом «за Родину, за Сталина», начинается *деперсонализация и десакрализация понятия «родины»*. Первое происходит после разоблачения культа личности на XX съезде КПСС, второе – в ходе хрущевской «оттепели», когда советская художественная культура отделяется от идеологии и обращается к образам живых людей и к традициям великой русской литературы. Деидеологизации подвергается и советская история, где «белые» начинают приобретать положительные черты (начиная с фильма Григория Чухрая «41-й» (1956)). Параллельно усилению деидеологизации (эквивалент десакрализации) художественной культуры шло ослабление влияния коммунистической идеологии в брежневский «застой». При этом советской «державной» общности отвечало понятие «советский народ», которое не было фикцией.

Специфика России

Из сравнения историй России и Франции вытекает необходимость уточнения понятий «державы» и «державности». В случае Франции, следует говорить о состоянии «*державы-нации*», имея в виду ее внутреннюю относительную однородность, вследствие чего там происходит непосредственный переход страны как единого субъекта от состояния державы и народа к состоянию нации и граждан. В случае России в силу ее неоднородности такой переход чреват распадом на несколько субъектов-наций, поэтому для подобных потенциально распадающихся субъектов стоит ввести понятие «*державы-империя*» (классическим примером здесь является Австро-Венгерская империя). Распаду «державы-империи» на нации отвечает, во-первых, распад державной истории на ряд разных плохо совместимых друг с другом национальных историй. Во-вторых, создание

разных национальных литератур, в рамках которых создаются разные типы личностей, которые в чем-то противопоставляются друг другу (типа того, что имеет место, скажем, в французской, английской и немецкой литературах)⁴.

Действительно, важной чертой Российской империи конца XIX в. было вызревание национальных культурных ядер в различных ее областях [3] (будущих республиках Прибалтики и Закавказья, а также Украине, Белоруссии, Казахстане, Татарстане, Польше и Финляндии). Подобно тому, что имело место во многих частях Европы, здесь шел процесс формирования национальных общностей второго типа [3]⁵.

Это порождало рассматриваемую Р. Уортманом [9] *альтернативность проектов державы-империи и национальных государств*. Державная общность объединяла всех, превращение державного русского культурного ядра в национальное русское по французскому варианту вело к распаду этой державы на национальные государства, как это произошло с Австро-Венгрией.

Поэтому именно державность была в центре программы «официальной народности», сформулированной графом С.С. Уваровым в 30-х годах XIX в. (как и противостоящая ей программа декабристов). Тот же державный характер носили и *две другие формы «народничества»: славянофильская*, делавшая акцент на православии и соборности, и *революционная*, к которой относятся большевики, меньшевики и эсеры, ставившие на первое место «народность» («простой народ»). В общем-то державной была и, создававшаяся образованным слоем и для образованного слоя *не народническая* по своей сути основная линия *великой русской литературы*, где разрабатываются образы индивидов европейского типа. Эта либеральная традиция внесла огромный вклад в развитие литературы (от А.С. Пушкина до М.А. Булгакова), искусства, науки, философии, а также экономики. Основу этой линии составлял *идеал эмансипированной, сознательной и самосовершенствующейся (развивающейся) личности, служащей общему делу* (общественным идеалам). Все эти черты «державы-империи» были воспроизведены в СССР.

Субцивилизационная альтернатива.

Постсоветская Россия находится в том же «державно-имперском» состоянии, что и ее предшественники. Распад СССР повысил ее

⁴ В рамках ЕС ведется специальная работа по уменьшению конфликтности изложения национальной истории в школьных учебниках истории.

⁵ В 1920–40-е гг. эти национальные культуры и истории были уничтожены как «буржуазные» (а вместо них под видом «титულных наций» культивировались «этнические» общности и отвечающая им «фольклорная» («народная») культура). Возвращение к процессу формирования национальных общностей происходит в 1970-х гг. (его стимулирование было незапланированным следствием празднования 50-летия СССР). Часть из них в ходе распада СССР выделилась в отдельные государства, а часть (например, Татарстан) остались в составе РФ. При этом во многих из них в позднесоветское время опять были пройдены фазы А и Б.

однородность и несколько упростил систему, но, с другой стороны, возникли новые сложности: произошла *деградация державного "культурного ядра"*: опустилась культура, распавшаяся на фрагменты (досоветский, советский и постсоветский) история перестала объединять людей.

В этих условиях одной из актуальнейших задач стала задача создания или восстановления объединительного «культурного ядра». Для ее решения сегодня предлагается несколько совершенно разных проектов.

Один из них пытается опереться на православную религию, воспроизводя «царский» тип единства, характерный для России XVII в. При наличии исламоориентированных регионов, это, скорее всего, приведет к дальнейшему распаду России.

Опасностью того же всплеска фанатизма и распадом чреват и проект русского национализма, к чему это ведет, мы сейчас можем наблюдать на примере Украины.

Еще обсуждается проект либеральной «многонациональной нации» [8], который предполагает светское индивидуализированное «культурное ядро».

Однако, уподобляя культуры языкам, можно предположить, что если национальные литературы уже сложились, как это имеет место сегодня в Европе (и отчасти в России), то объединенная культура может возникнуть лишь на следующем – субцивилизационном – уровне, содержащем субцивилизационную смысловую компоненту. Исходя из этого, я выскажу предположение, что место проекта «многонациональной нации» должен занимать проект державы – субцивилизации. Субцивилизационная альтернатива обусловлена наличием в прошлом соответствующей мощной высокой культуры, с одной стороны, и новыми внешними условиями связанными с современной фазой глобализации.

В заключение – еще один важный вопрос – о переходе от «приказного» принципа («вертикали власти»), где у одной стороны – права, а у другой – обязанности, к «договорному», где права есть у обеих сторон [5]. Для многих стран «приказная» система и державное состояние являются естественными и устойчивыми состояниями. Однако все развитые страны являются правовыми гражданскими государствами, принадлежащими к «договорному» типу. Современная инновационная экономика с ее быстро меняющимися трендами требует определенной среды, в первую очередь правовой, способствующей свободе действия индивидов. Т.е., переход от «приказной» системы к «договорной» дает шансы стать развитым государством.

Литература

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или начало? М., 2005.
2. Зубов Д. Граф истории Карамзин // Электронное издание «Человек без границ». Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/persons/fatherlands_sons/graf_karamzin/

3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 1997.
4. Липкин А.И. К вопросу о понятиях национальной общности и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации. 2012. № 4-5. С. 155-176.
5. Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. 2012. № 4. С. 40-62.
6. Липкин А.И. Россия между нацией и субцивилизацией. 1. Сравнение с Францией // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 133-153.
7. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
8. Тишков В.А. Российский народ. М., 2010.
9. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М., 2005.

Лиханова А.Б.

БОРЬБА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Аннотация. Политическая борьба в мировом и национальном масштабе все активнее включает в себя исторический компонент (события на Украине ярко иллюстрируют эту тенденцию). Радикально-либеральная политика мало меняется. В чем-то (например, активизация русофобии), даже усиливает наступление. В то же время, заметно активизируется в интерпретации истории государственно-патриотическое направление.

Ключевые слова: политическая борьба, коллективная память, история, отношение к прошлому, политическое пространство.

Likhanova A.B.

THE STRUGGLE ON THE HISTORICAL FRONT IS CONTINUING

Abstract. Political struggle in world and national scale increasingly more includes historical component (Ukraine illustrate this trend). The war in historical front between liberals and patriots continues in Russia.

Keywords: political struggle, collective memory, history, attitude toward the past, the political space.

Тридцать лет одной из главных жертв либеральных реформ остается история, прежде всего история советского общества. Более того,

искаженная историческая информация является важнейшим средством политической борьбы, в том числе возобновляющейся холодной войны. Для значительной части либеральной общественности советское общество продолжает оставаться исчадием ада.

По-прежнему во многих средствах массовой информации и культуры преобладает инструментальный (негативно-пристрастный) подход к прошлому, акцентирующий негативные стороны российского и советского прошлого. Те, кто видит будущее исключительно в либеральной перспективе, XX век в истории России представляется исторической неудачей, «потерянным столетием». Призывы к более взвешенной оценке российской истории, как правило не находят отклика в либеральной среде.

По-прежнему современные средства массовой информации обеспечивают поступление населению огромный масштаб негативной информации о прошлом, носящей, как правило, крайне радикальный характер отрицания.

В целом оценка российской истории радикальными либералами производится не только по западным схемам и подсказкам, но и по мерке Запада, без понимания российской исторической и культурной специфики. Российские либералы рассматривают либеральную демократию Запада в качестве «окончательной формы правления в человеческом обществе».

Многими либералами была принята новая методология интерпретации истории – разработанный на Западе исторический постмодернизм, но воспринятый в его вульгаризованном варианте. В основе не исследование и реконструкция прошлого, а произвольное конструирование образов прошлого, отражающего политические цели авторов.

Кое-что в интерпретации прошлого начинает меняться. Конечно, таких историков и журналистов как это было в прежние годы, когда в прошлом видели только плохое, теперь стало меньше на телевидении, на радио и в печати. Очевиден некоторый сдвиг в сторону более объективного взгляда на прошлое (меньше на телевидении). Заявления руководителей государства по поводу освещения истории произвели известное впечатление.

С другой стороны явно оживилась инициированная на Западе (пытающаяся опереться на историю) кампания русофобии и оправдания нацизма и неонацизма (в авангард выдвинули украинских бандеровцев и нацистов). Ее тут же подхватили и доморощенные радикал-либералы (скорее, нацисты): оживились нацистские и русофобские высказывания и в России. Препятствием на пути успешной борьбы на историческом фронте является чрезмерный политический и эмоциональный накал борьбы и

отсутствие концепции (теории) советского общества, что открывает дорогу к произволу толкования прошлого.

Парахина В.Ю.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КРЫМА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация. В статье анализируются трансформационные изменения в крымской политической элите в условиях интеграции в российское социально-политическое пространство.

Ключевые слова: Крым, политические элиты, воссоединение Крыма с Россией, интеграция Крыма, крымский референдум.

Parakhina V.Y.

CRIMEAN POLITICAL ELITES IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION TO RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL SPACE

Abstract. The transformational changing's in Crimean political elite in the conditions of integrations to Russian social and political space is analyzed in the article.

Keywords: Crimea, political elites, reunion of Crimea with Russia, Crimean integration, Crimean referendum.

Возвращение Крыма на историческую родину является важным историческим событием для жителей полуострова и граждан Российской Федерации в целом. Субъектом истории являются сами люди, поэтому особую актуальность приобретает системное изучение происходящих сегодня на полуострове политических процессов, включая и трансформационные изменения в местной политической элите.

Для того чтобы выяснить роль политических элит в интеграции Крыма в российское социально-политическое пространство, следует проанализировать особенности сознания граждан полуострова и соответствующие им установки и цели политических элит.

После событий, произошедших в 2014 году, в Крыму наблюдается увеличение влияния региональной власти полуострова. Главной попыткой свободного волеизъявления граждан Крыма послужил референдум 2014 года. Хочется заметить, что подобный прецедент уже совершался в виде всекрымского референдума 20 января 1991 года, когда на народное

обсуждение был вынесен вопрос «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?»

В референдуме 1991 года приняли участие 81,3% жителей полуострова. Положительный ответ дали 93, 26% проголосовавших. Соответственно проведение референдума 16 марта 2014 года свидетельствует о сохранившемся в исторической памяти крымчан особого отношения к России. Сергей Цеков, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от законодательной власти республики Крым высказал мнение, что референдум 1991 года дал инструментарий жителям полуострова, который позволил в 2014 году воссоединиться с Россией [1]. О том, что историческая память, связанная с Россией, сохранилась у крымчан, свидетельствуют результаты референдума 2014 года, где при явке 83, 1% за воссоединение Крыма с Россией проголосовало 96, 77% населения, что является даже большим показателем по сравнению с 1991 годом.

Какова же роль политических элит в воссоединении Крыма с Россией? В 2014 году крымские политические элиты сумели преодолеть некоторую пассивность и пробудить у населения гражданское самосознание, подняв волну патриотизма. Благодаря жителям полуострова, которые непосредственно вынашивают политические идеи, задуманное свершилось, и 18 марта 2014 года В.Путиным был подписан указ о вхождении Крыма и города Севастополя в состав России.

Наряду с этим, следует отметить, что в связи с вхождением Крыма в состав РФ на основании волеизъявления большинства населения, подтверждённого результатами референдума 16 марта 2014 года, внутри крымского сообщества произошло разделение на сторонников и противников нового вектора политического развития Крыма [2, с. 185].

Трансформация политических элит Крыма имела хоть и форсированный, но все же поэтапный характер. Несогласные с новой властью члены политического истеблишмента постепенно отсеивались, но в целом наблюдалась консолидация правящей элиты, что и позволило осуществить процесс политической трансформации. А для успешного результата нужно было установить доверие в отношениях политических элит и масс, а также максимально обеспечить равновесие всех сфер жизни общества.

Само понятие интеграции имеет сложную структуру и представляет из себя четкую последовательность действий. На полуострове процесс интеграции позволил населению адаптироваться к организации социально-культурной, экономической и политико-правовой системы Российской Федерации. Однако сложность заключается в том, что население

Крымского Федерального Округа более 20 лет находилось в условиях другой политической и правовой системы. Наблюдаются также отличия в экономическом развитии и социально-культурной сфере, а также в политической культуре. Ускоренное формирование новых контуров политического пространства объясняет особенности процесса интеграции Крыма к российским стандартам в экономике, политике, праве, социальной сфере и культуре [3, с. 175].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что трансформация политической элиты Крыма ещё не завершилась, поэтому в процессе интеграции еще понадобится приложить усилия для модернизации общественной системы и перехода к российским стандартам. Важно также заметить, что процесс трансформации крымской элиты проходит под четким согласованием и контролем со стороны федерального центра, что уменьшает риски, связанные с проявлением сепаратизма. На данном этапе одной из главных задач является не только усиление вертикали власти, но и формирование горизонтальных связей для большей стабильности политической системы.

Литература

1. КРЫМИНФОРМ. Информационный источник. [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: <http://www.c-inform.info/news/id/34296>
2. Сенюшкина Т.А. Информационная поддержка принятия управленческих решений в условиях этнополитической конфликтности в Крыму // Политическая Экспертиза: ПОЛИТЭКС. Научный журнал. Т. 10. № 2. Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2014. С. 185-198.
3. Баранов А.В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией // Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС. Научный журнал. Т. 10. № 2. Спб.: Изд-во С.-Петербур ун-та, 2014. С.174-184.

Пашковский П.И.

О ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИИ В ЯЛТИНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт позиционирования России в Ялтинской системе международных отношений с точки зрения мир-системного анализа.

Ключевые слова: Россия, СССР, Ялтинская международная система, исторический опыт, позиционирование, мир-система.

Paszkowski P.I.

RUSSIA'S POSITIONING IN THE YALTA INTERNATIONAL SYSTEM

Abstract. The article deals with the historical experience of Russia's position in the Yalta international system from the standpoint of world-systems analysis.

Keywords: Russia, Soviet Union, Yalta international system, historical experience, positioning, world-system.

Современное увеличение международной напряжённости, обострение конфликта России с Западом и последствия антироссийских санкций, происходящие на фоне усиления российского влияния в мире, стимулируют изучение перспектив и возможностей её развития, ресурсного потенциала и факторов, воздействующих на этот процесс [10]. В этом контексте актуальным представляется исследование опыта позиционирования нашего государства в условиях различных систем международных отношений – в частности, Ялтинской международной системы, просуществовавшей до последнего десятилетия XX века [13, с. 39-40] – сквозь призму мир-системного анализа. Дезинтеграция СССР и крушение биполярного мира знаменовали масштабную трансформацию данной международной системы, породив бурные и затяжные дискуссии относительно вопросов функционирования современной мир-системы, исследование которых связано с клубком противоречий, затрагивающих комплекс современных геополитических, социально-экономических и культурно-психологических проблем [3; 6; 12; 15-18].

Итак, исторический опыт показывает, что Россия, будучи интегрированной в мир-систему (капиталистическую мир-экономику), всегда позиционировалась как полупериферия, находясь в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представлявших «Западный мир» [1]. Подобное наблюдалось в периоды функционирования Вестфальской и Венской систем [8, с. 83-84]. Отмечая дискуссионность проблемы позиционирования СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений [2], следует признать справедливость понимания «советского эксперимента» как автаркической модели [5, с. 571-572], начавшей формироваться в условиях форсированной индустриализации конца 20 – начала 30 гг. XX века [4, т. 2, с. 551-564].

На конференциях глав держав антигитлеровской коалиции в Ялте и Потсдаме в 1945 г. были заложены основы послевоенной системы международных отношений (Ялтинской или Ялтинско-Потсдамской),

характеризовавшейся биполярностью в виде глобальной конфронтации на чёткой идеологической основе двух блоков, возглавляемых США и СССР [14, с. 3]. Послевоенный четвёртый пятилетний план (1946–1950) предусматривал стремительный рост всех отраслей советской экономики [11]. В полном объёме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [16, р. 16-17].

Однако уже на заре 1970-х гг. экономическая и общественно-политическая система СССР опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. «...Глобальная капиталистическая экономика, - подчёркивал английский эксперт Д. Ливен, - вновь обманула ожидания победившей России, перейдя к 1970-м годам в постиндустриальную эпоху, что грозило Советскому Союзу отсталостью, унижением и незащищённостью, если он не сумеет догнать Запад. В этом кроется самая элементарная причина перестройки» [7, с. 40].

Специфику внутренних проблем советской системы охарактеризовал российский политолог Б. Кагарлицкий: «По мере того, как утрачивался революционный импульс, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной ... Крушение этой системы было закономерно, но неизбежным оно стало с того момента, когда бюрократическая элита использовала поворот к миросистеме в качестве защитной реакции против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри самого советского общества. Торговля сырьём в 1970-е годы готовила политическую самоликвидацию советской империи в 1990-е годы» [5, с. 571-572]. В результате дезинтеграции Советского Союза и трансформации Ялтинской системы международных отношений Российской Федерации достаётся положение полупериферии, а большинству постсоветских государств – периферии мировой капиталистической системы [6, с. 104].

Таким образом, Ялтинская международная система продемонстрировала пример выхода СССР из мир-системы путём создания альтернативной политико-идеологической и экономической системы, в рамках которой он являлся безусловным центром. В указанный период существовало биполярное мироустройство, наблюдалась масштабная конфронтация двух блоков – Соединённых Штатов и Советского Союза, а также их союзников – на базе конкретных идеологических расхождений. Каждый из полюсов представлял собой самостоятельную систему, обладавшую специфическими характеристиками. Капиталистический мир, где лидерские позиции занимали США в ранге первой сверхдержавы, носил черты современной мир-системы (капиталистической мир-экономики). СССР, будучи второй сверхдержавой, возглавлял государства, избравшие социалистическую модель развития. Данный расклад сил существовал на протяжении почти пяти десятилетий.

Определённые изменения в нём стали очевидными в начале 1970-х гг., когда Советской Союз оказался перед необходимостью модернизации для преодоления периферийных процессов, чтобы соответствовать уровню мир-системы, вступившей в постиндустриальную эру. Опасаясь «реформистской угрозы», советская бюрократическая элита «поворачивается» в сторону капиталистической мир-экономики, что выразилось в торговле сырьём в 1970-е гг., а затем – в форсированном реформировании времён «перестройки» второй половины 1980-х и противоречивых преобразованиях постсоветской России 1990-х гг.

Это оборачивается нарастанием кризисных проявлений в советском обществе при падении цен на сырьё (в частности, на нефть), усилившихся в результате последствий «перестроечных» процессов, что, учитывая влияние ряда других внутренних и внешних факторов, в конечном счёте, приводит к дезинтеграции СССР. Вследствие этого Российская Федерация оказывается в положении полупериферии мировой капиталистической системы, а большинство новых независимых государств становятся её периферией.

Литература

1. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30-42.
2. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm.
3. Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011. 294 с.
4. История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. 862 с.
5. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. 576 с.
6. Кононов И.Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету імені Т. Шевченка. – Серія: Соціологічні науки. 2010. Т. 2. Ч. I. № 12 (199). С. 84-108.
7. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36-46.
8. Пашковский П.И. Исторический опыт позиционирования России в международных системах // IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: Материалы науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 82-87.
9. Пашковский П. И. Особенности циклов модернизации России в контексте мир-системного анализа // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. 2014. № 3 (107). Березень. С. 81-87.

10. Пашковский П.И. Ресурсный потенциал и факторы развития России в исследованиях А.И. Уткина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2015. № 2-1. С. 4-7.

11. Политическая история России / отв. ред. В.В. Журавлёв. М.: Юристъ, 1998. 696 с.

12. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.

13. Юрченко С.В. К 66-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года: Размышления об уроках истории и внешней политике великих держав // Интеллектуал. 2011. № 12. С. 39-42.

14. Юрченко С.В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940-1960-е годы). Севастополь: Флот України, 2000. 104 с.

15. Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. N.Y.: Columbia University Press, 2009. 308 p.

16. Goldman Minton F. Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe. Sixth edition. Guilford: Dushkin/McGraw-Hill, 1996. 308 p.

17. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. Washington: The CSIS Press, 2007. 71 p.

18. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. N.Y., 2009. Vol. 88. № 4. July/August. P. 78-93.

Попова О.В.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛОЯЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. в статье установлены формы влияния экономического фактора на уровень политической лояльности российской молодежи после 2011 г. Выводы сделаны на основе анализа результатов всероссийских анкетных опросов.

Ключевые слова: политическая лояльность, российская молодежь, экономический фактор, влияние.

Ророва О.В.

INFLUENCE OF ECONOMIC FACTOR FOR POLITICAL LOYALTY OF THE RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article established forms of influence of economic factor on the level of Russian youth political loyalty after 2011. The conclusions are made on the basis of the analysis of the results of all-Russian questionnaires.

Keywords: political loyalty, the Russian youth, economic factor, influence.

Прошедшие в декабре 2011 г. – феврале 2012 г. массовые акции протеста в крупных городах с участием преимущественно образованных, экономически независимых молодых людей ставят перед исследователями и властью вопросы о риске повторения подобных событий в начале нового электорального цикла. Перед политической элитой стоит задача сохранения своей власти в гораздо более сложных условиях, чем 5 лет назад, когда негативный эффект волны экономического кризиса 2008–2009 гг. был заметно слабее. Частичное отвлечение внимания населения от экономических проблем с помощью информации в СМИ, акцентирующей успехи внешней политики России, не может полностью нейтрализовать эффекты реального падения показателей уровня жизни российских граждан и сложностей с выполнением социальных обязательств, с которыми столкнулось руководство российского государства. Мощная волна экономического кризиса, рост инфляции, волатильность курса валюты, падение цен на нефть, составляющую существенную долю в экспорте российских товаров и обеспечивающую значительный процент поступлений в бюджет страны — все это не могло не отразиться на массовых настроениях.

В этих условиях обеспечение политической лояльности значительных групп населения, особенно молодежи, является важнейшей стратегической задачей органов власти. Политическая лояльность — приверженность индивида или группы целям, нормам, ценностям, идеологиям, провозглашаемым политическими акторами (политическими лидерами или политическими институтами). Она может быть как подлинной, когда приверженность власти и ее идеалам выражается в соответственном образе мысли и действия людей, так и формальной, внешней, когда преданность выражается только вербально, на словах и не подкрепляется действиями.

В представленном материале отражены некоторые результаты Всероссийского опроса российской молодежи, проведенного 17-24 ноября 2015 г.⁶ Результаты исследования показали, что около 28% российской молодежи живут в крайне стесненных в материальном плане условиях, менее 20% могут быть отнесены к категории материально благополучных граждан. При этом оценки достаточности своего дохода свидетельствуют о

⁶ Исследование «Мониторинг развития молодежных объединений в Российской Федерации». Государственное задание Санкт-Петербургского государственного университета на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 годов; пп. 17.4. Руководитель проекта: докт. социол. наук, проф., декан факультета социологии СПбГУ Н.Г. Скворцов. Члены исследовательской группы: докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ А.А. Козлов, докт. полит. наук, канд. социол. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований СПбГУ О.В. Попова, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии СПбГУ Н.В. Соколов, канд. социол. наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ Л.И. Ятина. Выборка — граждане Российской Федерации в возрасте от 18 до 30 лет. Объем выборки – 1627 респондентов, 49 субъектов РФ, 116 населенных пунктов. Выборка стратифицированная, квотная. Контролируемые параметры: пол, возраст, образование, тип населенного пункта, субъект Федерации. Метод сбора информации — личное стандартизованное интервью по месту жительства респондентов.

несколько завышенных представлениях молодежи о собственном благополучии в малообеспеченных и заниженных — в высокообеспеченных группах. Аналогичные смещения наблюдаются и при ответе молодых людей на вопрос об их статусной самооценке, когда две трети опрошенных отнесли себя к среднему классу, что явно не соответствует показателям их материального достатка. При ответе на вопрос об изменении качества их жизни за последний год молодые люди продемонстрировали раскол, когда доля указавших на позитивный и негативный тренды примерно совпала и составила по 38% в каждой подгруппе. Но около 36% российской молодежи склонны ожидать улучшения своей экономической ситуации в течение ближайшего года.

При ответе на вопрос «Как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение в Вашем регионе?» респонденты продемонстрировали раскол в оценках; баланс оценок смещен в сторону отрицательных. Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, дела в России в целом движутся в правильном направлении», больше половины опрошенных — около 56% молодых людей — твердо дали положительные оценки (см. таблицу).

Таблица. Общая оценка изменения ситуации в России (в проц.)

Варианты ответа	Декабрь 2014 г.	Ноябрь 2015 г.
безусловно, в правильном	11,0	12,8
скорее в правильном	40,1	43,0
скорее в неправильном	21,4	17,6
безусловно, в неправильном	10,0	8,4
трудно сказать	17,5	18,2
Всего	100,0	100,0

Смоделированная переменная — группа людей, считающих, что их интересы лучше всего выражает «партия власти» и Президент РФ В.В. Путин — составила 38,4%. Но это — классический пример лояльности на вербальном уровне. Среди этой категории молодежи несколько меньше людей с начальным и неполным средним образованием, которые испытывают существенные материальные трудности, но больше людей, относящих себя к высшему слою и считающих, что им вполне хватает доходов для достойной жизни, чем в целом по выборке. Максимально лояльные власти группы молодежи убеждены, что дела в стране в целом идут в правильном или скорее правильном направлении, а также склонны оценивать экономическую ситуацию в своем регионе положительно; при этом они склонны считать, что за последние год-два их жизнь улучшилась и в ближайшие годы также еще несколько улучшится.

Максимально лояльные власти склонны считать идеальным для жизни государство, которое ориентировано на то, чтобы контролировать только исполнение законов и минимально вмешиваться в жизнь граждан, т.е. они ориентированы на вариант «государство – ночной сторож». Однако отношение к таким идеологическим ценностям, как права человека, реформы, порядок, справедливость, интересы государства, интересы отдельного человека точно такое же, как у групп с другим уровнем лояльности власти.

Лояльные власти готовы участвовать в выборах и реально делают это, они склонны игнорировать участие в санкционированных и несанкционированных акциях протеста, не спешат обращаться для решения своих проблем в органы власти или общественные организации. При этом они действительно фактически меньше представителей других групп имеют опыт использования личных связей и вознаграждений для решения личных проблем.

Доля молодежи, считающей, что их интересы выражают представители несистемной оппозиции, очень невелика – 2,3%. Эти молодые люди склонны считать, что дела в стране идет в абсолютно неправильном или скорее неправильном направлении, но при этом о состоянии экономики в своем регионе они думают, как все молодые люди в целом. Не отличаются от показателей по выборке в целом их ретроспективные и перспективные оценки материальных перемен в жизни. При этом среди этой группы молодых людей несколько больше, чем в целом по выборке, доля тех, кто предпочитает жить в государстве, которое боятся соседи, а жизнь в нем строится на основе превосходства одной этнической группы над другими, или в государстве, где нет частной собственности и резкого имущественного расслоения граждан. Из ценностей они наиболее чутко положительно реагируют на требование социальной справедливости, интересы отдельного человека. И при этом они в большей мере, чем другие молодые люди, склонны считать свои взгляды националистическими или либеральными. Фактически эта очень маленькая группа людей, не лояльных власти, но ориентирующаяся на различных политических оппозиционных несистемных лидеров, распадается еще на 3 потока — либералов, националистов и индифферентных к политике людей.

Они готовы участвовать как в санкционированных, так и несанкционированных акциях протеста, а также в работе политической партий и общественных организаций, однако это готовность – только на словах.

Обладателей отрицательной модели персонифицированного и партийного уровней политической самоидентификации достаточно много – 9,5% молодежи. Они склонны считать, что Россия идет в неправильном направлении, а экономическое положение своего региона плохим, как и

ретроспективные и перспективные тенденции материального обеспечения своей собственной жизни.

Этих молодых людей либо вообще проблема принципов устройства жизни в государстве не беспокоит, либо их не устраивает ни одна из моделей организации жизни государства на принципах какой-либо идеологии. Особое неудовольствие у этой группы вызывает даже гипотетическая возможность жить в государстве, основанном на почитании традиций, в котором очень четко прослеживается материальное расслоение населения. Но ведь именно такую модель, судя по официальному политическому дискурсу, в качестве образца ныне действующая власть и навязывает российскому обществу – ценности православия, особой российской цивилизации, когда даже не допускается мысль о необходимости изменения в стране показателей разрыва уровня доходов между богатыми и бедными.

Их отношение к идеологическим ценностям людей с негативной моделью политической идентичности почти не отличается от средних значений по выборке, но при этом они абсолютно не склонны считать ценностью сохранение традиций и открыты для реформ. На вербальном уровне эти люди демонстрируют более высокую готовность к участию в несанкционированных акциях протеста, чем остальные, но на практике это не соответствует действительности. На практике они активнее других обращаются в органы власти. На словах не склонны участвовать в выборах или работать в партийных или общественных организациях, но на практике участвуют так же, как вся молодежь в целом.

Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что молодежь с негативной моделью политической идентичности не только заявляют о своей склонности использовать неформальные связи и вознаграждения для решения своих проблем, но и на практике делают это.

В ходе исследования была выделена также группа респондентов, склонных к участию в несанкционированных акциях протеста – 14,4% опрошенных. В большей степени, чем другие группы, проявляют склонность к участию в несанкционированных акциях протеста мужчины с низким уровнем образования, низкооплачиваемые рабочие, считающие, что жить на их доходы крайне трудно, проживающие в малых городах с населением от 20 тыс. до 100 тыс. жителей.

В своих оценках ситуации в стране, регионе и их собственной жизни эта группа предельно схожа с предыдущей. Эти люди склонны оценивать свои взгляды как либеральные, националистические или смешанные, т.е. есть, как минимум, среди них есть три группы недовольных властью по разным причинам. Они не склонны считать «Единую Россию» «своей партией», однако в большей степени, чем другие группы, склоняются к поддержке ЛДПР. В большей степени, чем для других групп, для них важна справедливость.

Они считают, что в случае ущемления их прав будут обращаться в

органы власти, участвовать в забастовках, митингах, шествиях, демонстрациях, в том числе несанкционированных, в выборах, однако при оценке реальных действий обнаруживается, что их активность от средних значений по выборке не отличается. Однако эта группа не только склонна говорить о приемлемости для себя использования коррупционных действий и связей для решения своих проблем, но и имеет реальный опыт этих действий.

Итак, в сознании российской молодежи доминируют положительные оценки происходящих в стране событий при достаточно пессимистических оценках экономического положения собственного региона. Налицо высокая степень инерционности оценок молодежью происходящих в России процессов. Политическое сознание молодежи в целом может быть охарактеризовано как фрагментированное и мозаичное. Достаточно слабо дифференцируют показатели лояльности/нелояльности молодежи в отношении власти факторы, традиционно считающиеся экономистами, социологами и политологами существенно влияющими на установки политического сознания в отношении политических институтов и акторов, а именно: уровень личной материальной обеспеченности, уровень образования, тип населенного пункта проживания.

Хотя доля максимально лояльной в отношении государственной власти молодежи высока и составляет около 40% всей этой группы, но и протестный потенциал молодежи относительно высок. Около 37% российской молодежи в совокупности проявляют недовольство сложившейся ситуацией в различных формах. При этом показатели реализованности участия этой группы в протестных действиях остаются предельно низкими (не более 7% группы, потенциально готовой к участию в протестных акциях, имеют такой опыт).

Пронякина Е.Д.

РОЛЬ ЦЕННОСТНОГО ФАКТОРА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: АНАЛИЗ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В эпоху глобализации пространства и стирания границ между национальными государствами у многих людей возникает потребность в четко определенной системе ценностей, разделяя и поддерживая которую они смогут идентифицировать себя как члены той или иной группы. Но появление таких систем неизбежно приводит к их столкновению и, как следствие, к возникновению межкультурных конфликтов. Для некоторых государств межкультурные конфликты становятся эффективным оружием в борьбе за геополитическое доминирование. Анализ межкультурных конфликтов необходим, прежде

всего, для поиска эффективных политических стратегий противостояния такого рода оружию.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, межкультурный конфликт, глобализация, личная идентичность, система ценностей.

Pronyakina Y.D.

THE ROLE OF VALUE FACTOR IN WORLD POLITICS: THE ANALYSIS OF CROSS-CULTURAL CONFLICTS IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Abstract. In the era of globalization and blurred boundaries between national states many people feel the need for a clearly defined value system, which can help them identify themselves as members of one group or another. However when such systems appear they are ultimately bound to run against each other, which leads to cross-cultural conflicts. Nevertheless nowadays for some countries cross-cultural conflicts represent not only a major problem but also an effective weapon in fighting for geopolitical dominance. The author thinks that the analysis of cross-cultural conflicts is necessary above all for searching for effective political strategies of standing up against such weapon.

Keywords: clash of civilizations, cross-cultural conflict, globalization, personal identity, system of values.

Глобализация рынков, социального, экономического и информационного пространства ведет к постепенному размыванию территориальных границ между национальными государствами, что вынуждает их граждан возводить ментальные границы внутри обществ, отгораживаясь от представителей других национальностей, культур и религий. Эти границы невидимы, однако преодолеть их, в отличие от границ государственных, невозможно ни силой оружия, ни силой убеждения. Не случайно аналитики сегодня все чаще говорят о возрождении идеологии и геополитики, политической радикализации и «столкновении цивилизаций».

Межкультурные конфликты – это, прежде всего, конфликты ценностей и идентичностей, поэтому они могут возникнуть в любом регионе мира, где проживают или просто имеют возможность встретиться люди с разными мировоззрениями и образом жизни, то есть, учитывая тенденции глобализации, в любой точке земного шара. Конфликтный потенциал такого рода межкультурных «встреч» изначально очень высок. Ведь, как отмечает С. Хантингтон, «люди определяют свою идентичность при помощи того, чем они не являются» [1, с. 91]. Отвержение Другого, таким образом, становится важным шагом на пути утверждения собственного Я; две системы ценностей не могут мирно сосуществовать в одном социальном и политическом пространстве.

В качестве наиболее яркого примера «столкновения цивилизаций» и противоборства двух ценностных систем можно привести Европейский Союз, вынужденный сегодня принимать потоки беженцев из Сирии и с территорий, контролируемых ИГИЛ. Чтобы противостоять исламской культуре, европейские политики сегодня активно продвигают концепцию «общеевропейских» ценностей. В своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявил: «Мы должны построить более прочные общества и идентичности у себя дома. Если честно, то нам нужно гораздо меньше пассивной толерантности последних лет и гораздо больше активного, мужественного (muscular) либерализма. Пассивно толерантное общество внушает своим гражданам, что, покуда они соблюдают закон, оно не будет их трогать. Оно остается нейтральным по отношению к различным ценностям. Но я убежден, что истинно либеральное государство делает намного больше: оно верит в определенные ценности и активно продвигает их. Свобода слова, свобода совести, демократия, верховенство закона, равенство прав, вне зависимости от расы, пола или сексуальной ориентации. Оно говорит своим гражданам: вот то, что определяет нас как общество: принадлежать к нему значит разделять эти ценности» [2].

Впрочем, межкультурные конфликты не являются чисто европейским феноменом: масштаб проблемы давно уже вышел за границы отдельного региона. Многонациональной и поликультурной России в этом смысле едва ли приходится легче, чем единой Европе. Так в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации межкультурные конфликты и цивилизационное противостояние рассматриваются как наиболее существенные угрозы национальной и международной безопасности. «Глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики. Все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира» [3]. Изменилась и общественная риторика в отношении культурных различий: если раньше любые заявления о русском менталитете или русских ценностях считались в лучшем случае чем-то квазинаучным, то сегодня культурная самобытность России отстаивается на уровне официальной политики. В обновленной Стратегии национальной безопасности упоминаются «традиционные российские духовно-нравственные ценности», а их укрепление в последнее время рассматривается как укрепление системы национальной безопасности. «Возрождаются традиционные российские духовно-нравственные ценности. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный

мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм» [4, п. 11]. Здесь, как и в случае с европейскими ценностями, в ответ на угрозу извне конструируется некий набор социально поддерживаемых характеристик и одобряемых качеств, присущих только гражданам России.

Анализировать межкультурные конфликты важно по нескольким причинам и сложно в силу этих же причин. Во-первых, чаще всего – это гибридные, то есть сочетающие в себе несколько составляющих, конфликты. Порой их просто невозможно идентифицировать и отнести к какому-то конкретному типу конфликта: социальному, межконфессиональному или этническому. Например, неприязнь к беженцам-мусульманам в Европе обусловлена еще и тем, что они в большинстве своем являются представителями социально неблагополучных слоев общества и, претендуя на равные с европейцами блага, нарушают и без того хрупкую систему социального равновесия в обществе. С точки зрения многих европейцев, они являются «благополучателями», иждивенцами и маргиналами, не желающими вносить свой вклад в экономическое развитие Союза.

Во-вторых, ценностные ориентации и культурные различия часто используются как высокоэффективное оружие в политической борьбе, причем как во внутренней, так и во внешней политике. «В мире, где культура важна, взводы – это племена и этнические группы, полки – это народы, а армии – это цивилизации. Все увеличивающаяся степень разделения людей по культурному признаку означает, что все большую важность приобретают конфликты между культурными группами» [1, с. 191].

Практика показывает, что межкультурные конфликты относительно легко спровоцировать, однако управление ими требует серьезной подготовки и больших финансовых затрат. Кроме того, их невозможно быстро остановить по желанию одной из сторон, а процесс урегулирования может длиться годами и не привести к желаемому результату. Ведь корни этих конфликтов, активно подпитываемые СМИ и политической идеологией, находятся все же не в политической реальности, а в сознании людей. Сама по себе пропаганда не может заставить одного человека ненавидеть другого: она может лишь умело актуализировать механизмы личной и групповой идентичности, психологические защиты и заострить внимание общественности на существующих противоречиях, создавая подходящий информационный повод. Безусловно, «наличие более широких социальных, экономических и политических проблем или раскола в обществе создает для человеконенавистнической риторики благодатную почву. Глубинные причины ненависти часто лежат за рамками чисто этнических или религиозных различий» [5, с. 9]. Такое оружие, еще до конца не изученное, в перспективе может оказаться

опаснее ядерного. Анализ межкультурных конфликтов позволит правительствам выработать стратегии если не предотвращения конфликтов подобного рода, то хотя бы эффективного противодействия попыткам других государств использовать их ценностный потенциал в своих целях.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011. 571 с.
2. Cameron D. PM's Speech at Munich Security Conference – Speeches. GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference> (дата обращения 24.01.2016).
3. МИД России. 18.02.2013. Концепция внешней политики Российской Федерации:
http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160_051BF7F
(дата обращения 12.01.2016).
4. Указ Президента РФ от 21.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191669;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.8351446851110159#1> (дата обращения 25.01.2016).
5. Доклад Специального докладчика по вопросам меньшинств Риты Ижак // Совет по правам человека (28-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН), 5 января 2015 г.

Рамазанов С.П.

ВРЕМЯ РОССИИ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В докладе доказывается дискретность и неравномерность исторического времени России, ее место во всемирно-историческом времени.

Ключевые слова: историческое время, всемирно-историческое время, Россия, Европа, Америка.

Ramazanov S.P.

TIME OF RUSSIA AND WORLD-HISTORICAL TIME

Abstract. The report indicates discontinuity and irregularity of the historical time of Russia and its place in the world-historical time.

Keywords: historical time, world-historical time, Russia, Europe, USA.

Социальное движение России демонстрирует коренные характеристики исторического времени, обуславливающие расхождение его со временем календарно-хронологическим – его разнонаправленность, дискретность и даже попятная направленность.

Россия прерывала поступательный ход своего исторического времени и даже двигалась в обратном направлении в Смутное время, в годы Гражданской войны начала XX века. Разные стороны социального движения России характеризовались неравномерной темпоральностью.

Вместе с тем, отдельные стороны социального развития России вырывались вперед и даже опережали историческое время других стран. В XVIII веке – в военной сфере, в XIX – начале XX вв. более быстрыми темпами развивались литература, искусство России. Советский Союз после Второй мировой войны оказался впереди стран в военно-космической области. Но совпало ли в эти периоды историческое время России с всемирно-историческим Временем?

Понятие всемирно-исторического времени не связано с быстрым наступательным движением той или иной страны, тем более отдельных сторон ее развития, если эта страна самоизолируется. Такое понятие определяется внешним воздействием одной или группы стран на главенствующие тенденции мирового процесса.

При всех изъянах в ее развитии, Италия в XV веке определяла всемирно-историческое время, а Франция в XVIII веке. Воздействие этих стран на мировую историю фиксировано в определениях – эпохи Гуманизма и эпохи Просвещения. Начавшуюся в XIX веке эпоху индустриального общества, несомненно, определило всемирно-историческое время за Англией. В XX веке всемирно-историческое время обуславливала борьба США и России (СССР), называемая эпохой «холодной войны».

После окончания «холодной войны» некоторым либеральным мыслителям показалось, что время остановилось, либо всемирно-историческое время закрепились за Америкой. Однако США удалось вести всемирно-историческое время примерно двадцать лет. После единоличного руководства временем Америка утрачивает свою ведущую роль и возникают неопределенности. Дальнейшее время будет определять борьба США, исламского мира, России, Китая и будет зависеть от напряжения сил и усилий в этой борьбе субъектов мировой истории.

Рвачева О.В.

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАЗАЧЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования коллективной исторической памяти казачества. Дается постановка

проблемы о влиянии трагических событий в истории казаков на формирование памяти казачьего сообщества.

Ключевые слова: история, казачество, трагические события, коллективная память.

Rvacheva O.V.

TRAGIC EVENTS OF THE 20TH CENTURY AND COSSACK COLLECTIVE MEMORY: SETTING A PROBLEM

Abstract. The article deals with problems of the formation of collective and historic memory of the Cossacks and formulates the issue of how tragic events in the Cossack history affect collective memory of the Cossacks.

Keywords: history, Cossacks, tragic events, collective memory.

В конце 1980-х гг. в обществе активизировалось обращение к истории и исторической памяти. Попытки найти «настоящую» историю нередко приводили к выявлению, прежде всего трагических событий в историческом бытии страны и ее народов. События революций, гражданской войны установления советской власти в исторической памяти народов России нередко играли роль «спускового крючка», запускающего механизм воспоминаний и формирующие специфическую картину прошлого. Для определенных этнических и социальных групп обращение к истории и памяти позволяло не только восстановить историческую правду, но и получить определенные политические и социальные преференции и работа памяти здесь давала парадоксальные результаты.

По выражению П. Брюкнера, «память каждого народа кровоточит, побуждая его оспаривать у других лавры наибольшей уязвленности» [1, с. 60]. Казачье возрождение в нашей стране началось с принятия Закона о реабилитации репрессированных народов, куда казаки были внесены как культурно-этническая общность. Таким образом, казаки обретали свое бытие как народ через признание того, что трагические события страны отразились на судьбе казачества особым образом, «раненная память» казаков становилась мощным фактором сплочения и формирования идентичности этой этнокультурной группы.

На наш взгляд, среди определенной части современных казаков память о событиях советской истории первой половины XX века нередко проявляется как память-травма, что связано с известными трагическими событиями этого периода, такими как, гражданская война, репрессивная политика против казаков со стороны большевистской власти, коллективизация. Особенно сильно проявление «раненой памяти» казачьего сообщества было в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в начале процесса возрождения казачества, когда воспоминания о трагических

событиях в казачьей истории стали своеобразным фактором развития казачьего возрождения, а также восстановления казачьей идентичности.

Коллективная память общества является хранилищем опыта, позволяющего выработать чувство идентичности, оценить направление своего развития. Для казачества открытое проявление работы коллективной памяти, фокусировавшейся на трагических событиях, имело особое значение. В результате трагических событий XX века казачество как социальный и культурный феномен практически перестало существовать. Однако, коллективная память сообщества восполнила этот разрыв через практику воспоминаний и культурного конструирования. Гражданская война, репрессивная политика большевиков, открытое и скрытое рассказывание в период коллективизации – все эти события отражались на казаках как на едином сообществе, что, в конечном счете, дало потомкам казаков основание говорить о геноциде казачества и способствовало формированию «общей истории» и чувства групповой идентичности.

На наш взгляд, в настоящее время официальная коммеморативная практика и коллективная и индивидуальная мнемонические практики казачьего сообщества имеют определенные, порой серьезные различия. Так если в официальной коммеморативной практике тема гражданской войны и репрессий звучит очень редко (так, на Юге России есть всего несколько памятников, отражающих трагические события гражданской войны. Один из них – памятник «Примирения и согласия» был открыт в Новочеркасске в 2005 г.), то в казачьем сообществе эти темы после начала возрожденческого процесса становятся центральными.

В 1990 г. на первом Совете атаманов Союза казаков его участники постановили «считать гражданскую войну для казачества оконченной, деление казаков на «красных» и «белых» - преступным» [5, с. 25]. В документах всех казачьих обществ тема репрессий и связанная с ней тема восстановления справедливости играет ключевую роль. В «Декларации казачеств России» принятой Союзом казаков в 1990 г. по этому поводу говорится следующее: «Трагически сложилась судьба казаков в послереволюционные годы. ... Станичники сотнями и тысячами вырезались, рассказывались, выселялись за Урал, вынуждены были покидать Отечество ... Мы требуем отмены всех преступных актов, направленных против казачества» [4, с. 274-275, 276].

На первом съезде донского казачества в 1990 г. принимается резолюция «О гражданской и политической реабилитации казачества», которая начиналась словами: «Немного найдется на земле народов и народностей, в отношении которых была применена тактика поголовного уничтожения. Но именно такова участь патриотического авангарда русского народа – донского казачества» [2, с. 70-71]. Заканчивалась резолюция требованием гражданской и политической реабилитации казачества: «К этому призывает память безвинно убиенных, призывает и

справедливость, долг перед прошлым и грядущим поколением казаков» [2, с. 71].

С констатации факта репрессивной политики в отношении казачества, с перечисления всех потерь начинается документ, освещающий направления деятельности Кубанской казачьей Рады, принятый на Всекубанском казачьем съезде в 1990 г.: «Расказачивание, раскулачивание, волонтаристский передел исторических казачьих территорий, отмена демократического казачьего самоуправления, массовые переселения...лишили кубанских казаков этнической самобытности, связи с землей, историей, богатейшей культурой предков, экономически закрепостило их,...поставило казачество на грань исчезновения...» [3].

В решении Большого Круга Союза казаков Области Войска Донского отдельным положением было выделено обращение казаков к власти «с просьбой и настоятельным требованием публичного осуждения секретной директивы ЦК РКП (б) от 24.01.1919 г. и всех других документов об истреблении казачества, его депортации, и назвать поименно главных авторов расказачивания...» [6, с. 391-392].

Дата 24 января для казаков становится днем траура и поминовения жертв репрессий. С начала 1990 г. и до сегодняшнего дня в казачьих средствах массовой информации, на казачьих сайтах накануне этой даты регулярно появляются призывы помнить произошедшую трагедию, в этот день проводятся поминальные службы по всем невинно убиенным казакам.

Не менее важной для памяти казаков становится и тема эмиграции и «потерянной Родины», и в связи с этим сохранение своей истории и своих корней. О том, насколько важна эта тема, свидетельствует регулярно проводимый раз в три года Всемирный конгресс казаков в Новочеркасске, на который съезжаются не только российские казаки, но и представители казачьих сообществ из десятков стран всего мира.

Существует еще один уровень мнемонической практики в казачьем сообществе – уровень семьи и передачи культурно-исторической памяти от поколения к поколению в рамках семьи. Именно на этом уровне происходит первичное формирование сюжетов и аспектов культурной памяти сообщества. В настоящий момент этот уровень памяти изучению недостаточно. Вместе с тем можно предположить, что эмоциональный рассказ об исторических событиях на уровне семьи, часто имеет специфические подробности и по-иному расставленные акценты, он может сформировать совершенно иное представление об истории, чем официальные трактовки.

В настоящее время при изучении проблемы памяти казачьего сообщества наиболее важными представляются такие аспекты, как место трагических событий в памяти народа, а также изучение символического пространства памяти и объектов коммеморации.

Развитие процесса возрождения казачества дает основание предполагать, что трагические события XX в. формируя особое видение «общей истории» казачьего сообщества способствовали как консолидации казаков в начале возрожденческого процесса, так и конструированию их социальной и этнической идентичности.

Литература

1. Брюкнер П. Тирания покаяния: эссе о самобичевании Запада // Отечественные записки. 2008. № 44 (5).
2. Водолацкий В.П., Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение: первый круг казаков Дона. Ростов н/Д: Дончак, 2006.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 1843. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.
4. Декларация казачеств России // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2002. С. 274-276.
5. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области Войска Донского. Войсковой атаман М.М. Шолохов (История современного донского казачества). Исследования и документы. Ростов н/Д: ООО «Ростиздат», 2002. 424 с.
6. Решение Большого Круга Союза казаков Области Войска Донского «О необходимости этнического, духовного и территориально-экономического самоопределения казачества и других казачеств России и республик СССР // Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Союз казаков Области войска Донского. С. 391-396.

Репинская О.В.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье проводится анализ геополитических факторов определяющих российскую антитеррористическую политику в Евразийском пространстве. Указываются отдельные направления противодействия России и ее стран-партнеров с использованием потенциала Евразийского союза.

Ключевые слова: терроризм, безопасность, антитеррористическое сотрудничество, Россия, Евразийский союз, СНГ, США, Закавказье.

Repinskaya O.V.

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS FOR ANTITERRORIST COOPERATION OF THE STATES IN THE EURASIAN SPACE

Abstract. The article analyzes the geopolitical factors determining Russia's antiterrorist policy in the Eurasian space. Include separate directions counter to Russia and its partner countries, using the potential of the Eurasian Union.

Keywords: terrorism, security, anti-terrorism cooperation, Russia, the Eurasian Union, the CIS, the USA, South Caucasus.

Специфичность географического местоположения Руси и особенности ее исторического взаимодействия предполагали сосуществование народов между Европой и Азией, что определило складывание особого цивилизационного типа – евразийского, соответственно проблематика антитеррористического противодействия коррелирует с совокупностью детерминирующих факторов на Евразийском пространстве [3, с. 220-223]. К сожалению, культ насилия, широко раскрытый средствами массовой информации, с легкостью прижился на почве перманентной конфликтности и нестабильности в социально-экономическом и политическом смысле. Демонстрация разрешения проблемных ситуаций силовым (крайним) способом, как в масштабах государств, так и в межличностных отношениях формирует модели социально одобряемого поведения. Так, при массивной информационной поддержке в СМИ, в Турции факт нанесения удара по российскому самолету практически одобряется значительной частью населения. Не осуждался данный инцидент и НАТО. Право на самооборону государств искажается в угоду политическим интересам. Беспрецедентно вольная трактовка возможности применения силы, практическое отсутствие политической воли у большинства стран признать факт неравноценного использования силы, вялое рассмотрение представляемых сторонами доказательств, свидетельствует о следующих обстоятельствах:

1. Международное право как инструментарий регулирования межгосударственных отношений применяется «блоковым» способом. Это означает, что «правее» не та сторона, которая осуществляет действия в строгом соответствии с принципами, нормами международного права, достигнутыми договоренностями, представляет тому неопровержимые доказательства, а та, чьи действия отвечают интересам отдельных акторов, как правило, входящим в определенные блоки (группы интересов).

2. В мире наличествуют группы разнонаправленных интересов, однако, при формальных согласительных процедурах решения в силу вышеназванных обстоятельств не смогут удовлетворить, по крайней мере, одну из сторон, вследствие чего конфликтогенность будет наращиваться, и

в основном выливаться в использование не конвенциональных форм протеста, (в том числе как один из инструментариев терроризм).

В указанных обстоятельствах, осуществление внутренней антитеррористической политики государства становится максимально зависимо от процессов внешнеполитического взаимодействия, от нахождения правильного баланса интересов с акторами политических процессов в региональном контексте. С другой стороны обозначенные корреляты могут быть использованы для перенаправления во внутривнутриполитические процессы в целях их регулирования с задействованием по соответствующим направлениям.

Значимым представляется определение:

- наиболее влиятельных акторов (в том числе бенефициаров политических процессов);
- реальных интересов (групп интересов) указанных субъектов;
- границ реальной допустимости уступок во взаимоотношениях с партнерами;
- потенциальный арсенал сил, средств (возможностей) достижимости акторами своих целей;
- возможных моделей перегруппировки интересов в целях моделирования заданных процессов;
- относительной соотносимости затрат на достижение заданного результата и выгод от его достижимости.

Необходимо отметить, что украинский и турецкий конфликты имеют под собой прочную экономическую основу, задачами акторов и бенефициаров является предотвратить возможность экономического подъема России и утверждение как ключевого политического игрока на мировой сцене. Наиболее действенным инструментарием для влияния на указанные процессы является «внезапно» активизирующаяся террористическая деятельность. Достижимость договоренностей в указанной сфере на условиях полного отказа от любых проектов в Европе и политического участия в мировых процессах не приемлем для России. Но даже в случае уступок это привело бы ни к стабилизации обстановки в том числе за счет снижения террористической активности, а скорее, к стремительной экспансии и разворывании страны.

Еще одним направлением пересечения интересов в Евразийском пространстве являются процессы, происходящие в Закавказье. Страны региона: Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия и Южная Осетия (независимость признана одной из первых Россией) непризнанная Нагорно-Карабахская Республика. Границы государств помимо России, в том числе имеют разграничительные линии с Турцией и Ираном. Фактически, исходя из соседства, можно сделать вывод о столкновении в регионе интересов диаметрально противоположных групп. Благодаря множественности внешних акторов, Закавказье не единый синхронный организм. Страны и группы интересов внутри государств разноплановы,

что является самостоятельным источником террористической активности. Возращаемые антисоветские, а затем и антироссийские настроения на фоне радикальных националистических идей об освобождении от влияния России нашли широкую поддержку у населения, тем более при явной финансовой подпитке из-за рубежа. Технологии, применяемые для суверенных республик были крайне схожими по сценарию с применяемыми на российском Кавказе (в Чечне, Дагестане и др.) [1, с. 90-99]. В территориях с выраженным исламским компонентом, активную деятельность развернула Турция, продавливая проект Османской империи (легальное направление – финансирование проектов, культурный обмен и другие, нелегальное – подготовка и финансирование боевиков). В том числе продвигают свои интересы в регионе США, Италия, Россия, Германия, Израиль Япония, Великобритания, Норвегия, и Саудовская Аравия, участвующие в проектах по добыче нефти, и других полезных ископаемых.

Закавказский регион традиционно был связующим звеном между странами Востока и Запада, по нему проходили торговые пути. Поэтому и уровень конфликтности в регионе крайне высок. Фактическое нахождение в составе России кавказских республик определяет, во-первых высокий конфликтогенный потенциал, во-вторых неразделимость пространства. Это означает, что даже с учетом прохождения разделительной линии границ, Кавказ есть органическое целое, причем именно более плотное «прилегание» его частей к России (в том числе в форме интеграционных проектов) сможет обеспечить выживаемость народов Кавказа. Попытки финансового поглощения государств (корпоративный подход) или открытая аннексия территорий – сценарии которые не раз в новейшей истории демонстрировали в данном регионе отдельные страны. Потенциальные амбициозные турецкие проекты в форме радикальной исламизации абсолютно не приемлемы для тех же христианской Армении или Грузии. Однако, собственных усилий стран для отпора воздействиям из вне зачастую не хватает. Нагнетание отношений между Россией и Грузией инициированное США отторгает от совместных проектов Армению, из-за закрытых границ с Турцией и Азербайджаном. А Грузия остается наиболее значимым партнером для Азербайджана в плане возможности экспорта и импорта. Конфликты 1992–1993 гг. между Азербайджаном, Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией стали логичным продолжением разрушения системы связей в регионе после развала СССР. Дележка власти и территорий проходила стихийно. Детищем того времени можно назвать Карабахский конфликт, который является постоянным источником для попыток дестабилизации обстановки в регионе и сегодня. Вынужденное сотрудничество Армении с Ираном и Грузией, вхождение в Евразийский экономический союз предполагают и дополнительные риски как-то: экспорт (транзит) терроризма, в том числе

на территорию России. При этом поворот на США Грузии при М. Саакашвили, даже с учетом того что в настоящее время экс-президент лишен грузинского гражданства и объявлен в розыск, не восстановило межгосударственные отношения в полном объеме. Учитывая то, что на стороне ИГИЛ воюют выходцы из Грузии, в том числе один из лидеров группировки Тархана Батирашвили, или Умар аш-Шишани, обоснована необходимость в самой Грузии, а соответственно и через нее на территории Евразийского экономического союза разработки дополнительных инструментариев антитеррористического взаимодействия.

Внутренние усилия российских властей по обеспечению антитеррористической безопасности необходимы, однако не могут быть достаточными без соответствующих шагов на международной арене. Региональный подход будет эффективен только при комплексной оценке рисков и угроз для Кавказа. Евразийский проект [2, с. 106-118] – формат взаимодействия, в котором предполагает преимущественно экономическую составляющую не лишен потенциала обеспечения антитеррористической безопасности. И если Китай сегодня занимает прочные позиции в Азиатском регионе в бывших советских республиках – Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, то для России, чтобы обеспечить преимущество в возможных последующих трениях с Китаем при реализации проектов Евразийского экономического союза и Экономический пояс «Шелковый путь», необходимо предпринять ряд комплексных, и национально ориентированных мер.

Литература

1. Добаев И.П., Дугин А.Г. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ. Лулео, 2005. № 5. С. 90-99.
2. Исаев И.А. Евразийство: миф или традиция? // Коммунист. 1991. № 12 (1382). С. 106-118.
3. Репинская О.В. Евразийский Союз и Евразийское пространство в контексте российской антитеррористической безопасности // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015. № 12. С. 220-223.

Романович Н.А.

НОРМЫ-ТРАДИЦИИ В САНКЦИЯХ «ПЯТОЙ ВЛАСТИ»

Аннотация. В законе указаны три формы власти, действующие в государстве. Общество признало СМИ «четвертой властью», поскольку средства массовой информации соперничают с первыми тремя по силе своего влияния. Но есть ещё «пятая власть», которая не уступает всем перечисленным по своей силе и могуществу. Эта власть – общественное

мнение. Если формальные законы диктуют свои «нормы-конвенции», то общественное мнение санкционирует «нормы-традиции», которые имеют большее влияние на человека в его повседневных поступках, чем формальные законы. Свод этих «норм-традиций», одобряющих, либо запрещающих некоторые поступки, представлен в виде сравнения результатов социологического исследования 2000-2015 годов.

Ключевые слова: нормы-традиции, пятая власть, общественное мнение, нормы-конвенции.

Romanovich N. A.

«STANDARDS-TRADITIONS» IN THE SANCTIONS OF THE «FIFTH POWER»

Abstract. The law specifies three forms of power operating in the state. The society has recognized the media as the “fourth estate” as the media competes with the first three in the power of influence. However, there is also the “fifth power” which is not inferior to all the above in the strength and influence. This power is public opinion. Whereas formal laws dictate the “standards-conventions” (legal regulations), the public opinion authorizes “standards-traditions” (norms of behavior) which have a greater impact on people in their everyday actions than formal laws. The code of these “standards-traditions” which either approve or prohibit certain acts is presented as a comparison of the sociological research results within 2000–2015 period.

Keywords: “standards-traditions”, the “fifth power”, public opinion, “standards-convention”.

Общественное мнение, которое все чаще называют «пятой властью» (если считать СМИ четвертой), имеет существенное влияние на поведение людей, когда они стоят перед выбором: совершить или не совершить сомнительный поступок. Каждый человек в своей жизни руководствуется некоторыми правилами, нормами, которые выработало общество. Ученые различают «нормы-конвенции» и «нормы-традиции». При этом, по мнению современных исследователей (в частности А.Н. Фатенкова), есть повод сомневаться в том, что высокие ожидания, возлагаемые на формальную юриспруденцию сегодня оправданы. «В лучшем случае они покоятся на недоразумении, на недопонимании близкой и Платону, и Аристотелю идеи, что с влиянием на общественную жизнь отдельных личностей и личностно подобных общностей могут тягаться только нормы-традиции, но не нормы-конвенции» [3, с. 161].

Если нормы-конвенции прописаны в законодательстве, то нормы-традиции нигде не прописаны, потому что представляют собой неформальные правила поведения. Просто человек знает, что его осудят или, наоборот, похвалят окружающие люди, если он поступит так или

иначе. И мнение окружающих людей для человека зачастую более значимо, чем формальный закон. Интуитивно опасаясь оказаться изгоем, человек подстраивается под те неформальные установки, по которым живет общество.

Особую силу неформальные правила имеют в России. Привычка жить не по закону, а «по понятиям» является для сограждан повседневной жизненной практикой. Когда человек стоит на перепутье, решаясь на поступок, он не заглядывает в свод законов, а вспоминает, как поступил сосед в такой же ситуации, или представляет, что скажут ему друзья, родные или коллеги, когда узнают о его поступке. Общественное мнение для него является решающей санкцией. Поэтому ответы населения на вопрос: «*Какие поступки, поведение, по Вашему мнению, никогда и ничем не могут быть оправданы, к каким следует относиться снисходительно, а к каким – в зависимости от обстоятельств?*» - воссоздают картину неформальных норм социального взаимодействия, которые зачастую имеют более жесткое символическое значение, чем формальные рамки закона. То есть нормы-традиции для населения более значимы, чем нормы-конвенции.

Если закон что-то запрещает, а общество к этому относится снисходительно, российский гражданин, скорее всего, проигнорирует закон, но поступит так, как ему советуют друзья. На какие «нормы-традиции» сегодня ориентируются воронежцы?

Мы имеем возможность сравнить ответы воронежцев на вопрос о допустимости тех или иных поступков в 2000 [1, с. 5-10] и 2015 годах [2, с. 13-21].

Таблица 1

**Степень притягивания-отторжения общественным мнением
антисоциальных явлений (в проц.)**

Варианты ответов	Никогда не может быть оправдана		Иногда это допустимо		К этому нужно относиться снисходительно	
	2000 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.
Покупка краденых вещей	73	70	18	17	9	13
Обогащение за счет других	85	77	11	15	4	8
Передача и получение взятки	65	81	29	15	6	4
Безбилетный проезд в транспорте	24	41	48	39	28	20
Уклонение от уплаты	63	71	30	19	7	10

налогов						
Употребление наркотиков	97	96	1	2	2	2
Жестокое обращение с животными	93	90	6	8	1	2
Сопротивление милиции/полиции	40	54	50	39	10	7
Политическое убийство	92	91	6	7	2	2
Измена Родине	94	93	4	5	2	2
Уклонение от службы в армии	48	56	40	34	12	10
Присвоение найденных денег, вещей	51	45	36	38	13	17
Аборт	26	40	53	43	21	17
Проституция	75	66	15	19	10	15
Самоубийство	86	79	9	11	5	10
Пытки	98	96	1	4	1	0
Деловая необязательность	72	61	22	26	6	13
Супружеская измена	61	53	27	30	12	17

Древние говорили, что общества различаются между собой не теми поступками, которые там совершаются, а теми, которые осуждаются. Анализируя общественное мнение по поводу допустимости тех или иных поступков, мы фактически получаем свод неформальных правил нашей реальной общественной жизни. Этот свод правил имеет над нами больше власти, чем гражданский закон, так как с законом можно не согласиться, от него, наконец, можно укрыться, а от общественного мнения, живя в обществе, укрыться невозможно. Неформальные правила поведения люди считают нормой (норма-традиция), то есть они с ними согласны, поэтому осуждают или одобряют членов сообщества с полной уверенностью в своей правоте. Нарушитель закона может лишиться гражданской свободы, но даже преступнику необходимо сочувствие и понимание. Если его лишить и этой минимальной общественной поддержки хотя бы среди ближайшего окружения, то для него это будет психологически более тяжким наказанием, чем даже тюремные решетки.

Литература

1. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2000-07 / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2000. С. 5-7.

2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу № 2015-08 / под ред. Н.А. Романович. Воронеж: Изд-во «ИОМ Квалитас», 2015. С. 13-21.

3. Фатенков А.Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // Полис. 2005. № 2. С. 161.

Сенюшкин Е.А.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь этнополитических и миграционных рисков. Анализируются механизмы миграционной политики в контексте проблемы управления этнополитическими рисками.

Ключевые слова: Этнополитические риски, миграционные риски, миграционная политика, национальная политика, межэтнические отношения.

Senyushkin E.A.

IMMIGRATION POLICY AS ELEMENT OF THE SYSTEM OF PUBLIC MANAGEMENT OF ETHNOPOLITICAL RISKS

Abstract. The cooperation of the ethno-political and migration risks is analyzed in the article. The mechanisms of the migration policy in the context of the problem of ethno-political risks management are analyzed.

Keywords: Ethno-political risks, migration risks, migration policy, ethno-politics, interethnic relations.

Исследование влияния миграционной политики на формирование государственных механизмов управления этнополитическими рисками связано с необходимостью всестороннего осмысления стратегических перспектив и практических механизмов реализации государственной национальной политики в Российской Федерации, которая ориентируется на обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина.

Этнополитические риски связаны с возможными опасными проявлениями этнического фактора. Опасность может исходить от мобилизованного радикализирующегося этноса, отстаивающего свои специфические этнические цели и интересы. В свою очередь, радикализирующийся этнос может представлять опасность для государства и граждан, не принадлежащих к данному этносу. Таким образом, проблематика, связанная с этнополитическими рисками, имеет тройное измерение: риски конкретного гражданина, риски государства и

риски этнической группы. С точки зрения конкретного человека или этнической группы риски связаны с ущемлением или нарушением основных прав, как индивидуальных, так и коллективных. С точки зрения государства риски связаны с возможными препятствиями или опасностями для достижения национальных интересов.

Этнополитические риски имеют особое преломление в связи с актуализацией миграционного вопроса. Управление миграционными процессами осуществляется в Российской Федерации на основе нормативно-правовой базы, включающей документы государственного регулирования в сферах обеспечения государственной (национальной) безопасности, долгосрочного социально-экономического развития, миграционной, национальной, региональной, внешней, и молодёжной политики, образования и культуры.

Реализация государственной миграционной политики должна способствовать выработке единых подходов к решению проблем, связанных с миграционным фактором, на уровне принятия управленческих решений государственными и муниципальными органами, а также различными политическими и общественными силами. При этом создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов является одним из приоритетных направлений государственной национальной политики в Российской Федерации [1].

Новейшие изменения в сфере государственной миграционной политики связаны с рядом новаций. В целом они характеризуются двумя основными тенденциями:

- Упрощение базовой процедуры доступа на национальный рынок труда за счет фактической отмены системы квот и разрешений на работу и расширения системы патентов (дающих мигранту возможность найма как у физических, так и у юридических лиц).

- Увеличение контроля за соблюдением миграционного и трудового законодательства (введение списка «невъездных» мигрантов, ужесточение ответственности мигрантов и работодателей за нарушения).

По мнению ряда экспертов, специализирующихся в области анализа миграционной политики, для отечественной миграционной политики характерны не только позитивные результаты, но и системные проблемы. В их числе отметим лишь некоторые:

- Недостаточно четкая дифференциация желательных и нежелательных миграционных потоков, как по социально-профессиональным, так и по этническим / страновым когортам. Противодействие нежелательной миграции как класс задач в государственной миграционной концепции отсутствует.

- Неразработанность политических механизмов этнической репатриации в связи с использованием неоправданно широкого, недифференцированного в культурном и этническом плане, понятия «соотечественника» и столь же широкого и неоперационального статуса

«носителя русского языка» (оба статуса выходят далеко за пределы реальных носителей русского языка и культуры).

- Недостаточный уровень защиты национального рынка труда. Декларируя приоритет российских граждан на рынке труда, государство не создало механизмов для его обеспечения на практике.

- Низкий уровень социальных стандартов, определяющих права и обязанности трудовых мигрантов.

- Проблемы статистического учета, делающие невозможным точную диагностику проблем и планирование в миграционной сфере.

- Громоздкость и несогласованность нормативно-правовой базы, которая насчитывает более двухсот нормативно-правовых актов и четыре уровня регулирования, что усугубляется большим количеством «разнонаправленных» поправок в законодательство.

Значительное влияние на возникновение этнополитических и миграционных рисков в России оказывает экономический кризис. С одной стороны, можно ожидать сокращения миграционного притока и частичного оттока мигрантов. С другой – высока вероятность ухудшения криминогенной ситуации и повышения уровня конфликтности в межэтнических отношениях в ряде регионов.

При оценке влияния миграционных процессов на возникновение этнополитических рисков также следует учитывать влияние факторов, имеющих глобальный, или трансграничный характер, таких как унифицирующее влияние глобализации на локальные культуры, нерешённость проблем беженцев и вынужденных переселенцев, незаконная миграция, экспансия международного терроризма и религиозного экстремизма, международная организованная преступность.

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

Сенюшкина М.А.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К УСЛОВИЯМ НЕОКАПИТАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается роль религии в социальной адаптации человека к условиям рыночных отношений в экономике, характерных для современного неокapитализма. Анализируются негативные тенденции в развитии человека, как субъекта общественных отношений, проявившиеся в неравномерном развитии социально-экономического и духовного становления личности.

Ключевые слова: гуманизм, религия, нравственность, неокапитализм, социальная адаптация.

Senyushkina M.A.

THE ROLE OF RELIGION IN THE SOCIAL ADAPTATION TO CONDITIONS OF NEO-CAPITALISM

Abstract. The role of religion in the social adaptation of human to the conditions of the market relations in Economics, which are characterized the modern forms of neocapitalism, is analyzed in the article. The negative tendencies in the human development as a subject of social relations, which have shown in the uneven development of socio-economical and spiritual development of personality is analyzed.

Keywords: humanism, religion, morality, neocapitalism, social adaptation.

*«Счастлив тот, кто находит в религии
верный якорь спасения против житейских бурь».
Крафт – Эбинг.*

Начало XXI века характеризуется бурным развитием информационных технологий в организации жизнедеятельности людей, обусловленных развитием науки и техники. Информационные средства позволяют познавать происходящие события в виртуальной и реальной действительности, и этим самым вызывают в человеке определенные суждения и выводы, связанные с оценкой полученной информации в соответствии с собственным восприятием и убеждениями. Сложившаяся практика циркулирования информационных потоков в общественной среде формирует проблемы и сложности в оценке ситуационных моментов, отраженных в сознании людей и вызывающих определенные поведенческие проявления человека в реальной действительности.

Социальная сфера, формирующая сегодня быт и сознание человека, ориентирована на формирование индивидуализма, что обусловлено развитием частной формы собственности на средства производства. Иными словами, капитал влияет на состояние обеспеченности прав и свобод человека. На этой основе и определена цель и задачи данной статьи – осмысление путей выхода человека из критической ситуации, сложившейся в условиях неокапитализма.

При исследовании данной проблемы использованы методы: аксиоматизация, формализация и аргументация научных фактов, с целью осмысления роли науки и религии в условиях неокапитализма.

В основу исследования положены слова: «Счастлив тот, кто находит в религии спасение против житейских бурь» [1, с.73]. Что означает понятие житейские бури? Это явление может касаться каждого, когда в его жизни наступают различного характера сложности, критические моменты,

требующие разрешения проблемы и выхода из сложившейся жизненной ситуации. Современное общество основано на формировании индивидуализма, ибо человек поставлен в условия коммерциализации жизненной среды, определяемой властью денег и капитала. Всем известны способы разрешения критических ситуаций, наступивших в жизни человека в результате проявления случайных и не случайных событий, затрагивающих важные стороны жизни: здоровья, социального положения, трудовой деятельности и др. Так, при утрате здоровья, человек нуждается в квалифицированной медицинской помощи; при формировании профессиональной ориентации требуется выбор специальности для активного участия человека в профессиональной жизни в соответствии с его способностями и интересами. Во всех перечисленных ситуациях требуются значительные финансовые ресурсы. Перечень можно продолжить, ибо современная общественная система обеспечения жизни человека находится в стадии развития неокapитализма.

Что понимается под неокapитализмом? На этот вопрос требуется научно обоснованный ответ, обусловленный тенденциями в развитии мирового сообщества в условиях информационных технологий, обусловленных развитием кибернетики и электронных способов обработки и продвижения информационных потоков во всех сферах жизненного пространства человека.

В научной литературе нам не удалось встретить определения понятия «неокapитализм», поэтому мы вводим авторское определение в научный оборот на основе теоретических и эмпирических исследований в области социально-экономических отношений в условиях рыночных отношений.

Современное общество развивается на основе рынка капитала, денег, рабочей силы в условиях многопартийной политической системы в условиях глобализации и концентрации производительных сил в мире. Нам известны типы глобализации в международных отношениях при выработке общих стратегических направлений в развитии политических и экономических отношений на основе объединения государств в определенные группы, исходя из однородности постановки задач мирового развития и способов их достижения. В этой связи в современном мире действуют группы стран G20, G7 и в последнее время сформировалась группа G6. В данном исследовании не раскрывается содержание этих групп, эта информация приводится для того, чтобы показать роль интеграции в мировом сообществе в системе экономической и политической деятельности, с целью отражения современных проблем, возникших в результате действия объективных и субъективных факторов в развитии человеческого сообщества.

Неокapитализм следует понимать как новый тип капитализма, обусловленный использованием в системе отношений активного финансового капитала в форме ценных бумаг: акций, облигаций и их заменителей, в зависимости от типов отношений. Иными словами, при

формировании реальных ценностей материально-вещественных элементов в строении капитала, используются финансово-кредитные механизмы регулирования потоков капитала, обусловленных товарно-денежными отношениями в системе производства и потребления материальных и духовных благ человеком, зависящих от особенностей владения капиталом.

В условиях классического капитализма действовали формы превращения капитала из денежной в товарную и снова в денежную форму посредством торговли. В этом случае капитал использовали как способ авансирования средств на производство и реализацию товара между собственниками: владельцев фабрик, заводов, земли и других элементов товарного движения, включая рабочую силу, т.е. труд человека. Труд человека носил характер формирования стоимости, величины, перенесенной стоимости эквивалента на продукт труда, выраженного в форме необходимого труда и прибавочного труда. Необходимый труд выражен в стоимости труда в личных затратах для удовлетворения собственных потребностей для восстановления трудоспособности, а прибавочный труд являлся объектом присвоения собственником, т.е. владельцем капитала. Прибавочный труд создавал прибавочный продукт, который в условиях классического капитализма был представлен в форме прибыли. Прибыль – представляла цель классического капитализма в интересах ее присвоения собственником и в этой связи, прибыль выражала свойство эксплуатации наемного труда рабочей силы. Степень эксплуатации наемного труда выражалась отношением прибавочного труда к затратам необходимого труда. Так, если труд человека определен в размере 8 часов рабочего времени и из них 4 часа он работает на себя, то 4 часа он работает на собственника. В этом случае степень эксплуатации наемного труда составит $4/8 \times 100 = 50\%$. Чем выше доля прибавочного труда, тем выше степень его эксплуатации. Эта форма отношений в условиях классического капитализма была обусловлена товарным обращением, т.е. продукт труда в условиях разделения труда принимал денежную форму движения общественного труда, ибо труд носил общественный характер, а присвоение результатов труда носило частный характер, в зависимости от форм собственности на средства производства.

С развитием капитализма происходили существенные изменения финансово-кредитных отношений, которые представляли способ авансирования разновидностей капитала, а именно основного, оборотного и переменного. Основным капитал и оборотный капитал представляли постоянный капитал, ибо величина капитала определялась стоимостью авансированных средств производства: основного, в виде зданий, машин, оборудования и другого имущества и оборотного капитала, действующего в форме стоимости предметов труда в виде материалов, сырья, инструментов, энергии, потребляемых производством. Переменный капитал представлял стоимость рабочей силы, выраженной оплатой

затраченного труда. Следовательно, величина капитала в условиях его классической формы определялась суммой денег, вложенных в основной, оборотный и переменный капитал в частной форме собственности, в целях получения прибыли. Кругооборот капитала действовал на основе товарного производства и частной торговли.

С изменением общественных отношений, обусловленных нормами международного разделения труда, произошли существенные изменения в движении капитала. На смену товарному обращению пришли элементы финансового капитала, т.е. введены инструменты финансово-кредитных отношений – ценные бумаги и их заменители. Если в условиях классического капитализма элементами рынка были материально-вещественные элементы, а именно реальные товары, то **в условиях неокapитализма действует рынок заменителей реальных ценностей, в виде ценных бумаг.**

Ценные бумаги выражают стоимость реального капитала в разных формах и видах, и это привело к формированию рынка ценных бумаг в движении капитала: акций, облигаций, векселей, фьючерсов и других. Способ движения финансового капитала основан на изменении стоимостных элементов с помощью применения курсов ценных бумаг в зависимости от условий прибыльности капитала. Чем выше уровень прибыльности капитала, тем выше курсовая стоимость ценных бумаг. **Эта форма движения капитала представляет спекулятивную форму движения капитала,** которая обусловлена несовпадением пространства, силы и времени движения капитала в мировом масштабе.

Поскольку движение капитала представляет продукт человеческой деятельности, в обществе возрастает потребность в совести и нравственности человека на основе роста его образованности, научной и политической культуры. В этой связи уместно обращение к научным изысканиям представителей науки, культуры в сфере знаний, оставленных легендарными деятелями прошлого и настоящего времени.

В условиях социализма на духовный мир человека воздействовала идеология, целью которой было формирование личности, преданной социалистическим идеалам, обусловленных принципом – «от каждого - по способностям, каждому - по труду». Труд доставлял в коллективное пользование материальные и духовные блага через функционирование государственной формы собственности. Это способствовало созданию системы предоставления бесплатных услуг в образовании, воспитании детей, медицинском обслуживании, развитии физической культуры и спорта, обеспечении жильем и другими социальными благами для населения. Поскольку социализм развивался в отдельно взятых странах, а именно, в СССР, Восточной Европе, на Кубе, в Китае и Вьетнаме, то капиталистическое окружение приложило усилия к разрушению социализма, формируя идеологическое противостояние между странами и народами.

Формирование атеизма в условиях социализма способствовало отвержению религии в процессе духовного формирования личности, а это, в свою очередь, способствовало негативным проявлениям в нравственности людей. Алкоголизм, курение табачных изделий, наркомания в духовном измерении личности представлены как грех, то есть отступление от духовности и морали. В условиях же действия атеизма они нашли широкое распространение в общественной среде, в связи со свободным поведением человека, и этому способствовало отрицание роли религии в формировании духовности человека.

С наступлением рыночных отношений в системе функционирования частной формы собственности осуществлен возврат к религиозному формированию правил жизни человека, обусловленных нормами и правилами религиозных форм воспитания личности. Возрождение религии в современных условиях обусловлено расширением знаний в системе общественных отношений. По этому поводу я хочу привести слова врача – хирурга, религиозного деятеля и ученого - Войно-Ясенецкого (Святителя Луки): «Знание больше, чем наука. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это, прежде всего интуиция, то есть непосредственное чутье истины, которое угадывает, прозревает ее пророческое предвидение там, куда не достигает научный способ познания. Эта интуиция все более (в последнее время) занимает внимание философии. Ею мы живем гораздо больше, чем предполагаем. Она ведет нас в другую высшую область духа, то есть в религию» [1, с. 36]. Религия есть общение с Богом, то есть воссоединение, так объясняет понятие религии святитель Лука. Общение с Богом проявляется через молитву. Молитва, таким образом, выражает тесное проявление человека в общении с Богом, ибо он остается с ним наедине, он полностью своей душой отдается во власть Богу. Сила Бога проявляется в качестве источника света и энергии духовного удовлетворения. Вера в Бога сообщает силу знанию. В подтверждение этому приведу высказывания Н.И. Пирогова, известного русского врача – гуманиста, профессора: «Веру я считаю психической способностью человека, которая более всех других отличает его от животных». [2, с. 175-182]. А доктор Л.А.Кох признал, что «в религии заключаются лучшие наши силы». Л.А.Кох отмечает: «Бог силен своей властью. Он управляет и Вашим мирком. Он один все исправляет. Он ведет и Вас и прочих людей по тому пути, который Он укажет, и это и есть истинный путь». [1, с. 34]. Таким образом, проведенный научный анализ высказываний представителей науки разных времен, действующих в своей практике в соединении с Богом на основе принятой религии христианства, представляет основу формирования нравственности и качества духовного проявления человека в жизненной среде. В этой связи нужно отметить, что истинная вера в Бога, воссоединение духа человека с Богом, способствует выработке таких правил поведения, которые способствуют проявлению человеколюбия в

повседневной жизни через любовь к Богу. Отступление от норм и правил религии в поведении человека, осознаются им в качестве греха, и, чтобы исправить отступление от заповедей, человек испытывает глубокое их осознание, душевное страдание, и принимает меры для устранения греха через покаяние, то есть исповедь. Следовательно, религия способствует формированию нравственности в поведении человека и выработке им чувства ответственности при принятии собственных решений.

Выводы. Особенность роли религии в жизнедеятельности человека заключается в том, что она способствует формированию человеколюбия через любовь к Богу и выполнению его заповедей в повседневной жизни человека. Именно религия должна спасти человечество от пагубных действий безнравственного и аморального поведения людей. Поэтому религия является предвестником гармоничного развития общества в будущем, ибо перед Богом все равны, то есть богатые и бедные, а отсюда веруя в Бога, люди должны стремиться к социальному равенству и справедливости в общественной среде.

Данная статья является результатом научных исследований в области формирования гуманизма и нравственности в интересах очищения души каждого человека, в условиях современных вызовов неокапитализма и может быть использована в дискуссиях по данной проблеме.

Литература

1. Войно – Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука) Наука и религия. Симферополь: Издательство «Доля», 2006. 160 с.
2. Пирогов Н.И. Сочинения. СПб, 1888. Т.1.

Сенюшкина Т.А.

А.С.ПАНАРИН И КРЫМ

Аннотация. В статье рассматриваются идеи А.С.Панарина, сформулированные им в Крыму, во время выступлений и в ходе организации международных конференций.

Ключевые слова: православная цивилизация, христианские ценности, А.С.Панарин, Ливадийские чтения, Харакский форум.

Senyushkina T.A.

A.S.PANARIN AND CRIMEA

Abstract. The Alexandr Panarin's ideas, which were formulated in Crimea, at the papers and organizing of the international conferences are analyzed in the article.

Keywords: orthodox civilization, Christian values, A.S.Panarin, Livadia readings, Kharaks forum.

Александр Сергеевич Панарин любил Крым. Кроме уникальных природных условий Крым поражал его своей невероятной культурной насыщенностью. «Вот уж не пустое пространство, - любил повторять он. – Сколько ярких культур, народов и эпох помнит эта земля!». Когда Панарин говорил о Крыме, его глаза сияли восторгом воодушевленного человека, который тонко чувствовал пульсы исторической и культурной памяти полуострова. Он часто говорил о том, что чувствует себя необычайно свободным среди зелёных крымских гор, безбрежного синего пространства Чёрного моря, величественных белых стен Ливадийского дворца.

Моё первое знакомство с Александром Сергеевичем состоялось именно здесь, в Ливадийском дворце, когда он приехал вместе с группой своих московских коллег для участия в конференции, которую мы организовали в 1997 году. Местом для проведения конференции был выбран Ливадийский дворец – один из наиболее ярких символов прошлого, связанного с нашей историей. Главными организаторами конференции были Симферопольский государственный университет им. М.В.Фрунзе (ныне Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского) и Университет гуманизма (г. Утрехт, Нидерланды).

Конференция проходила с 5 по 11 октября 1997 года и объединила участников из 10 стран мира: России, Украины, Молдовы, Нидерландов, Дании, Норвегии, Германии, США, Польши, Хорватии. Общая тема конференции звучала так: «Гражданское общество и социальные права». Одной из секций, которая называлась «Восточная Европа: опыт демократических преобразований», руководил Александр Сергеевич Панарин. На пленарном заседании конференции он выступил с докладом на тему: «Российская политическая культура: прогнозы на XXI век».

Доклад Панарина был, как всегда, ярким, запоминающимся, и вызвал восторг у слушателей. Идейные позиции большинства из них совпадали с мнением Александра Сергеевича. При этом следует отметить, что Панарин был в то время в оппозиции к существующей власти. Как отмечает Н.Н.Зарубина, «при ярко выраженной интеллектуальной и общественной позиции в течение всего своего творческого пути А.С.Панарин дистанцировался от публичной политики и избегал остро zaangażированных изданий» [1, с. 34].

В то время его острая критика была направлена на ошибочный курс российской политической элиты, которая декларировала торжество «самодостаточности стихийного рынка» при тотальном господстве либеральных ценностей. Остро обличая «грехи либерализма», Панарин подчёркивал, что «новое либеральное учение легитимизирует провальную

коррупцию, гражданскую безответственность, стяжательские инстинкты и даже прямое национальное предательство» [2, с. 280].

Блестящий пленарный доклад Панарина в Ливадии, прозвучавший 5 октября 1997 года, был встречен аплодисментами. Его прогноз развития российской политической культуры был основан на гипотезе инверсионного взрыва – острейшей реакции на крайности и издержки современного состояния общества.

Во-первых, - это реакция на крайности «американизации» общества [5, с. 59], - говорил Панарин в своём докладе. Он обратил внимание на особенность современной американизации общества: «Американизация послевоенной Германии и Японии происходила в присутствии такого глобального сдерживающего фактора, каким был грозный СССР. Это заставляло США вести достаточно гибкую политику в отношении побеждённых стран «оси» и, более того, быть заинтересованными в их экономическом возрождении. Сегодняшняя американизация постсоветского пространства происходит в условиях однополярного мира, когда сверхдержава – победитель в холодной войне не встречает противодействия своему гегемонизму» [5, с. 59]. В качестве ответа на вызовы американизации Панарин указывал на **предельную мобилизованность общества**, «контрастирующую с нынешним состоянием **предельной расслабленности и деморализации**» [5, с. 59].

Во-вторых, - это «реакция на крайности «западнической фазы» большого кондратьевского цикла мировой истории» [5, с. 60]. Ренессанс и последовавший за ним индустриальный сдвиг Панарин считал реваншем западнической фазы мирового цикла, заявившей о себе с XV века в форме модерна. Переживаемый нами рубеж 2-3 тысячелетий Панарин ощущал как «конец модерна и наступление новой восточной фазы мировой истории» [5, с. 60].

А.С.Панарин подчёркивал, что модерн следует оценивать по его собственным критериям - критериям успеха. Если не только для большинства населения, но и для интеллектуальной элиты, новейшие практики модерна оборачиваются систематическим неуспехом и провалами в варварство, то модерн теряет основания своей социальной и культурной легитимации: «Модерн легитимирован социально и духовно до тех пор, пока эмансипация выступает как способ социальной мобилизации, а не демобилизации, пока в итоге модернизации выигрывают лучшие элементы социума – наиболее квалифицированные, образованные, добросовестные» [5, с. 62]. Но сегодня, по мнению Панарина, «модерн явно представляет игру на понижение. Его декадентски запоздалая форма, явленная в России после развала тоталитарной системы, порождает не активистов созидания, а **активистов разрушения, разложения и растления**» [5, с. 62].

Для выхода из сложившейся ситуации, крутого поворота обществу необходима «энергия инверсионного взрыва». Поэтому свой прогноз

А.С.Панарин обосновал при помощи методологии «инверсионного парадокса: там, где общество и культура подходят к самому краю, прогнозирование должно строиться не на экстраполяции сложившихся тенденций, а на анализе возможных контртенденций» [5, с. 62]. Эта идея, озвученная в Крыму, получила своё дальнейшее развитие в книге А.С.Панарина «Глобальное политическое прогнозирование» [3]. Одна из глав этого фундаментального труда посвящена анализу контртенденций XXI века. В главе рассматриваются вызовы либерализма и реакции культуры и политики, «противоядие» от конфликта цивилизаций, континентальная альтернатива виртуальному миру и общее информационное накопление как континентальный принцип [3, с. 211-281].

Преломление своих идей в сфере политической культуры Панарин связывал со стратегиями духовно-нравственного перевооружения общества, с новыми мобилизационными технологиями. В качестве основы мобилизационной стратегии он рассматривал идею **православной цивилизации**: «Действительный подъём нашей национальной элиты, а вместе с ней и подъём России, возможен лишь в условиях, когда великой письменной традиции Запада мы противопоставим **равновеликую** письменную традицию, идущую от православия... Православие создаёт альтернативную западному модерну нормативно-ценностную систему, способную интегрировать величайшие оппозиционные (по отношению к проекту вестернизации мира) идеи – экологическую, социальную, культурную и нравственную» [5, с. 66]. Через несколько лет эта идея, высказанная на конференции в Ливадии, была развита в фундаментальном труде Александра Панарина «Православная цивилизация в глобальном мире» [4].

Идея православной цивилизации необычайно волновала Панарина. Её эвристический потенциал был очевиден для него уже тогда, в 1997-м году. Философская интуиция и необычайна эрудиция подсказывали ему, что именно в этом направлении следует развивать интенции политической культуры и политического сознания в России. Обсуждение этой проблемы после формальных заседаний на конференции привело к рождению новой идеи – провести следующую конференцию в Ливадии по проблеме православной цивилизации. Большую роль в реализации этой идеи сыграл протоиерей Николай Доненко, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде. Панарин любил бывать в этом храме, именно здесь, в продолжительных беседах с отцом Николаем он высказывал свои идеи и находил в лице священника своего единомышленника.

Итак, идея была рождена. Оставалось только её реализовать. Все вместе мы придумали новое название для следующей конференции: «**Ливадийские чтения**». Идею поддержал Леонид Бородин, известный российский писатель, бывший тогда главным редактором журнала

«Москва». При его содействии в журнале был опубликован анонс «Ливадийских чтений», а на старом Арбате, возле здания редакции журнала «Москва» был размещён рекламный щит, который сообщал о предстоящих чтениях в Ливадийском дворце. Оргкомитет собирался несколько раз в Москве, в редакции журнала «Москва», где очень живо обсуждались идеи и организационные вопросы предстоящей конференции. Предполагалось, что чтения станут ежегодными и в первый раз пройдут в Ливадийском дворце в 1998-м году. Тему первых чтений предложил Панарин: **«Православная цивилизация и историческая традиция в XXI веке: сценарии будущего».**

Первые Ливадийские чтения состоялись 1-4 октября 1998 года в Ливадийском дворце, в Ялте, и были приурочены к 2000-летию юбилею Рождества Христова. Идею проведения чтений поддержала Крымская епархия Украинской православной церкви Московского Патриархата. Конференция проводилась под духовным окормлением и при активном личном участии Архиепископа Симферопольского и Крымского Лазаря и началась с молебна в Крестовоздвиженском храме.

Организаторами чтений были Симферопольский государственный университет им. М.В.Фрунзе (ныне – Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского), Центр социально-философских исследований Института философии Российской Академии наук, который возглавлял в то время Александр Сергеевич Панарин, и журнал «Москва», главным редактором которого был Леонид Бородин. Организационную и финансовую поддержку конференции оказали: А.Струев, протоиерей Николай Доненко, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде и протоиерей Николай Северин, тогдашний настоятель Крестовоздвиженского храма в Ливадии. Сопредседателями оргкомитета выступили Леонид Бородин и Александр Панарин.

Цель Ливадийских чтений была сформулирована Александром Сергеевичем Панариным и включена в анонс научного мероприятия:

«Перед лицом нивелирующих тенденций технической цивилизации (потребительского общества и массовой культуры), а также других вызовов современности, народам и культурам предстоит выработать стратегию ответа на следующие судьбоносные вопросы:

- Как сохранить живительное разнообразие национальных культур и традиций?
- Каков будет статус этих культур: уцелеют ли они как экзотика или как действенные программы национального развития, сочетающие эффективные новации с устойчивой духовной идентичностью?
- Какова историческая судьба восточно-славянских народов: предстоит ли им идти порознь в неведомое будущее, подключиться к другим цивилизационным традициям на правах

эпигонов, либо возродить своё духовное единство на основе возрождения единой православно-византийской традиции?

Эти и другие вопросы, относящиеся к нашему самоопределению в грядущем, мы и предлагаем обсудить».

В работе Ливадийских чтений приняли участие представители университетов и научных центров России, Украины, Франции и Дании. В целом в работе чтений приняло участие более 50 человек. А.С.Панарин выступил в первый день работы чтений с пленарным докладом на тему **«От вестернизации к православному возрождению (о духовных основаниях постэкономической цивилизации)»**. Все доклады участников Ливадийских чтений были опубликованы в журнале «Москва».

По результатам Ливадийских чтений был разработан и принят итоговый документ. В его подготовке и редактировании решающую роль сыграл А.С.Панарин. Идеи и мысли, озвученные в его докладе, нашли своё отражение в резолюции, которая была направлена органам государственной власти, а также Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. Немного позже на адрес Архиепископа Симферопольского и Крымского Лазаря пришёл ответ с подписью Патриарха Алексия, в котором говорилось: «Благодарю Вас за переданную информацию о состоявшейся в Ливадии представительной международной научной конференции «Восточно-христианская цивилизация в постиндустриальную эпоху» (Ливадийские чтения). В её итоговом документе, особенно в части определения перспективных задач по преодолению современного духовного кризиса цивилизации, сформулировано правильное понимание пути, который должен вести наши народы в постиндустриальное общество, а именно через «великую духовную реформу, преобразование ценностей в истинно христианском духе» - через возрождение Православия».⁷

Проект Ливадийских чтений получил дальнейшее развитие, и сегодня преемником чтений является Харакский форум, который в 2016-м году в 30-й раз собирается на благословенной крымской земле для обсуждения наиболее актуальных проблем современного общества.

К сожалению, А.С.Панарин очень рано ушёл из жизни. Он был одним из самых ярких мыслителей современной России. Его идеи содержат необычайный эвристический потенциал. При этом, как подчёркивает Н.Н.Зарубина, «главным свидетельством своих заслуг Александр Сергеевич всегда считал интерес общественности к его работам, он искал признания не в формальных научных институтах, а у мыслящего современника, к которому всегда обращался» [1, с. 36].

⁷ Письмо Патриарха Московского и всея Руси Алексия № 5419 от 16 ноября 1998 г.

Поэтому очень важно, чтобы сегодня критически мыслящие исследователи подключились к творческому развитию идей А.С.Панарина. Хотелось бы, чтобы конкурс интеллектуальных проектов, о котором мечтал Александр Сергеевич, состоялся. Этот конкурс мог бы быть первым шагом к выходу из кризиса современного общества, о котором так много размышлял Панарин.

Литература

1. Зарубина Н.Н. Биография Александра Сергеевича Панарина //Первые Панаринские чтения: Культурное наследие как основа национальной идентичности (27 мая 2004 г. Государственный исторический музей, Москва, Красная площадь). – М.: ГАСК, 2005.- С.23-36.
2. Панарин А.С. Судьба русской духовной традиции как великого суперэтнического текста // Народ без элиты. – М., 2006. – С.280.
3. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование: учебник для вузов. – М.Алгоритм, 2000. – 352 с.
4. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
5. Панарин А.С. Российская политическая культура: прогнозы на XXI век// Гражданское общество и социальные права: материалы международной научной конференции. – Симферополь, Издательский отдел КИЭХП, 1997, в 2-х кн. – Кн. 1. – 157 с. - С. 59-68.

Скворцова Н.А., Лебедева О.А., Конобеева О.Е.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В жизни современного общества технологии занимают значительное место. В статье показывается важность технологического компонента современной цивилизации общества. Практически все процессы в обществе, происходят в сопровождении технологии. Рассматривается стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, как ключевой фактор, определяющий ускоряющийся процесс информационной глобализации.

Ключевые слова: Информационно-коммуникационные технологии, информация, информационное общество.

THE ROLE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN MODERN SOCIETY

Abstract. The life of the modern technology of society occupy a significant place. The article shows the importance of the technological component of the modern civilization society. Almost all the processes in a society occur in accompanied technology. We consider the rapid development of information and communication technologies as a key factor in determining the accelerating process of globalization of information.

Keywords: Information and communication technologies, information, information society

Информационно-коммуникационная технология (ИКТ) – это различные способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных в интересах её пользователей.

В современном обществе возрастает роль информационно-коммуникативных процессов в жизни человека, увеличиваются и нарастают потоки информации, она становится реальным ресурсом в развитии общества нового типа, благодаря возникновению в данный период новых технологий. Увеличение потоков информации с использованием этих новых информационно-коммуникационных технологий служит началом нового процесса развития техногенной цивилизации, который получает название информатизации [1].

Многие привычные процессы и методы ведения бизнеса, в частности, приобретают новые пути и возможности развития. Появление глобальной сети Интернет и электронного перевода денег банками в компьютерных сетях повлекло за собой изменение привычных способов ведения розничной торговли [4, с. 3]. Информатизация – это направленный процесс системной интеграции компьютерных средств, информационных и коммуникационных технологий с целью получения новых общесистемных свойств, позволяющих более эффективно организовать продуктивную деятельность человека, группы, социума.

Рассмотрим подробнее основные признаки современных информационно-коммуникационных технологий. Современные информационно-коммуникационные технологии представляют собой принципиально иной тип технологии, они обладают помимо социогенной функции, присущей им всем, ещё и культурогенной и гносеогенной функциями.

Социогенная функция присущая для всех технологий, находит своё выражение в случае современных информационно-коммуникационных технологий поддержку в осуществлении принципиально новых

культурогенной и гносеогенной функций.

Реализуя культурогенную функцию, современные информационно-коммуникационные технологии проникают во все механизмы массовых коммуникаций, образование, воспитание, оказывая влияние на формирование социума. Хотелось бы заметить, что гносеогенная функция означает осуществление с помощью современных компьютеров и информационных сетей.

Современные информационно-коммуникационные технологии порождают интеллектуальную технологию, представляющую собой совокупность программных продуктов, обеспечивающих сверхскоростную передачу и реализацию информации не только с помощью интеллекта и средств связи, но и с помощью совершенно новых технических устройств, воплощающих идею искусственного интеллекта. Следовательно, цель современных информационно-коммуникационных технологий радикальное изменение всей системы духовно-практической деятельности и культурного творчества.

Современные информационные ресурсы всё в большей степени позволяют моделировать и прогнозировать развитие сложных глобальных процессов и систем (экономических, политических, социальных и других), что способствует рационализации этих систем и повышению их степени устойчивости [3].

Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации и получившего название информационного общества.

Информационное общество – общество, в котором информационные процессы осуществляются, на основе использования инфокоммуникационных технологий и ресурсов.

Процесс информатизации общества следует трактовать как качественное совершенствование с помощью современных информационно-коммуникационных технологий различных подсистем техногенного социума [4, с. 5].

Под информатизацией общества понимают глобальный социальный процесс, особенность которого состоит в том, что доминирующим видом деятельности в сфере общественного производства является сбор, накопление, продуцирование, обработка, хранение, передача и использование информации, осуществляемые на основе современных средств микропроцессорной и вычислительной техники, а также на базе разнообразных средств информационного обмена.

В связи с активным развитием ИКТ происходит изменение содержания понятия информационной среды. Под информационной средой понимается совокупность персональных компьютеров, информационных сетей связи, организационно-методических элементов системы образования и прикладной информации о предметной области,

понимаемой и применяемой различными пользователями.

Использование современных информационно-коммуникационных технологии в сфере образования позволяет сегодня решать многие важные проблемы его развития, а именно: обеспечение широкого доступа к образовательным услугам, повышение уровня интерактивности и вариативности образовательного процесса, и в конечном итоге повышение качества обучения.

С организацией компьютерных сетей процесс образования перешёл на новый этап. В первую очередь это связано с возможностью оперативного получения информации из любой точки мира. Благодаря глобальной компьютерной сети Интернет теперь возможен мгновенный доступ к информационным ресурсам (электронным библиотекам, хранилищам файлов, базам данных и т. д.), которые содержат более двух миллиардов различных документов [3].

Роль информационных ресурсов отвечает наиболее важным тенденциям развития мирового образовательного процесса. Сегодня информационно-коммуникационные технологии обучения предусматривают несколько классов подачи информации, значимых с точки зрения дистанционного и открытого образования. Одним из них являются видеофайлы и телевидение [2].

Видеофайлы позволяют большому числу учащихся знакомиться с содержанием лекций как в специально оборудованных аудиториях, так и в домашних условиях.

Телевизионные информационно-коммуникационные технологии является наиболее распространёнными, они играют огромную роль не только в современном образовательном процессе, но и в жизни людей, ведь практически в каждом доме есть телевизор. Уже давно обучающие телепрограммы используются во всем мире и являются весьма ярким примером дистанционного способа обучения. Благодаря данному средству ИКТ появилась возможность трансляции лекций для широкой аудитории с целью повышения ее общего развития без последующего контроля за усвоением знаний.

Весьма мощной технологией, которая позволяет передавать и хранить весь объем изучаемой информации, являются электронные образовательные издания. Они распространяются как в компьютерных сетях, так и записанные на оптические носители. Индивидуальная работа с таким материалом даёт глубокое понимание и усвоение данных [5, с. 661].

Несмотря на все выше изложенные положительные моменты информационно-коммуникационных технологий, они имеют и недостатки, связанные с тотальной индивидуализацией. Индивидуализация сводит к минимуму ограниченное живое общение между молодёжью, предлагая им общение онлайн с помощью средств интернета – чатов, электронной почты, социальных сетей.

Ещё одним существенный недостаток информационно-

коммуникационных технологий, можно отметить общедоступность опубликованных в сети информационных ресурсов. Зачастую это приводит к тому, что ученик отказывается логически размышлять и идёт по пути наименьшего сопротивления и заимствует в интернет сети готовые рефераты, задачи, проекты, доклады и т.д. Сегодня этот уже привычный факт подтверждает низкую эффективность такой формы обучения.

В заключение хотелось бы отметить, что информационно-коммуникационные технологии оказывают существенное влияние на мировоззрение и стиль жизни современного человека. Общество, в котором решающую роль играют информационно-коммуникационные технологии, – реальность настоящего времени.

Литература

1. Роль информационно-коммуникационных технологий в современном обществе. Режим доступа: http://www.mami.ru/science/mami145/scientific/article/s12/s12_36.pdf
2. Роль информационно-коммуникационных технологий в современном процессе обучения. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/59/8360/>
3. Информационно-коммуникационные технологии в современном обществе: сущность и роль. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/informatsionno-kommunikatsionnye-tekhnologii-v-sovremennom-obshchestve-sushchnost-i-rol>
4. Лыгина Н.И., Скворцова Н.А. Анализ исследования тенденций развития торговли в розничных и интернет-сетях // Вестник ОрелГИЭТ. 2013. № 2 (24). С. 3-6.
5. Мамедова А.С. Развитие информационно-коммуникационных технологий и обеспечение переходов к информационному обществу // Молодой учёный. 2014. № 19. С. 660-663.
6. Нефедова В.Ю. Анализ современных исследований в области обеспечения сетевого взаимодействия субъектов в образовательной среде // Информатика и образование. 2014. № 5. С. 40-43.
7. Суворова Т.Н. Электронные образовательные ресурсы как одно из обобщающих понятий информатизации образования // Информатика и образование. 2014. № 7. С. 89-92.

Соколова Р.И.

ДОМИНАНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И ДОМИНАНТНОЕ ВРЕМЯ ЗАПАДА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. России свойственно доминирование пространства над временем. Истоки этого лежат в архаических особенностях русской психологии. Западу свойственно доминирование времени над

пространством. Из различия этих парадигм вытекают различные социально-политические следствия.

Ключевые слова: пространство, время, цивилизация, доминанта, трансценденция, автаркия.

Sokolova R.I.

DOMINANT SPACE AND TIME OF RUSSIA AND DOMINANT TIME OF WEST: SOCIO-POLITICAL CONSEQUENCES

Abstract. Domination of space over time is peculiar to Russia. Sources of it lie in archaic features of the Russian psychology. Domination of time over space is peculiar to the West. Various socio-political consequences follow from distinction of these paradigms.

Keywords: space, time, civilization, dominant, autarchy.

Господство физических моделей бытия скрыло тот факт, что человек имел когда-то совсем другие пространственно-временные представления. Они, как показывают современные научные исследования, содержали в себе глубокие интуитивные догадки и прозрения, истинность которых, конечно, уже на ином фактическом и концептуальном материале, наука подтверждает только сегодня [1]. Как это ни парадоксально, но архаический взгляд на пространственно-временные отношения глубже, интереснее и эвристичнее для современного научного дискурса.

«Пространство» сегодня широко употребляется, прежде всего, как геополитическое понятие. Геополитическое пространство – не синоним территории. Оно значительно шире территории и прямо отражает потенциал соответствующего государства, но, тем не менее, не объясняет природы и сущности русско-российского государства.

Многоаспектное содержание категорий пространства и времени и не утихающие вокруг этого научные и философско-онтологические споры свидетельствуют о глубоком укоренении сегодняшних философских представлений о бытии в толще всей человеческой культуры, включая ее как рациональные, так и внерациональные компоненты.

Широко известна аксиома, согласно которой, вся история русского народа прошла под знаком освоения огромного пространства. Однако, несмотря на свою большую популярность, она так и осталась неотрефлексированной, скрывающей в себе всю разгадку прошлого и будущего нашего государства (Российской империи, СССР, РФ).

Сразу возникает вопрос: а в чем причина такого явления, почему это русский народ не только озаботился освоением огромной территории, но и сумел ее в основном удержать? Определенный свет на этот вопрос проливает цивилизационная антропология, которая рассматривает психологию русского народа как фактор российской истории. Однако

здесь обнаруживается, что вопрос об особенностях национального психологического склада - один из самых сложных и мало разработанных, несмотря на то, что в литературе можно встретить множество его психологических характеристик, как положительных, так и отрицательных [4].

В национальном бытии русских есть некая недоступная иррациональная тайна. Несмотря на правильную констатацию отдельных сторон психологического облика русского человека, не улавливалось главное – его изначальное исконное антропологическое самоощущение. «Русский человек всегда чувствует себя частью чего-то большего, чем он сам. Русский психологически, духовно «присутствует» не только «внутри себя», как немец, француз, англичанин, а и «вне себя». Центр его духовного существования – вне его»[5]. В силу этой своей базисной психологии самому себя русскому всегда не хватает.

Особенные черты русского народа зарождались в глубине веков и даже тысячелетий, исторически генерировались сакральными мотивами, оказывающими воздействие на картину мира. В основе мифологической картины мира русских лежало пространство, которое никогда не рассматривалось как чистая, пустая форма. Оно трактовалось не как физическая характеристика бытия, а как своеобразное космическое место, которое было одухотворено и разнородно. Это некоторая причина, из которой далее будут возникать различные свойства бытия.

Обособившийся от космоса человек в состоянии «автономно» от него существовать, лишь постоянно преобразовывая сакральную сущность космоса в свою собственную антропную сущность. Неведомая скрытая метафизическая родина, которая рождается в Духе, заставляет русского человека перманентно трансцендировать, т.е. выходить за пределы заданных природных условий жизни. Там, у предела могут открыться иные горизонты, иные мысли, иные жизненные возможности. В рамках родового существования русского человека внешняя природа есть ничто иное как экстериоризация его внутренней метафизической природы, его понимания пространства как Духа. Соответственно этому практические действия русского человека формировались в русле двух взаимно обусловленных тенденций – объективации субъективности и субъективации объективности. Восприятие вещественного простираения объектов лишь в системе декартовых координат не в состоянии объяснить истинного побудительного мотива внешне наблюдаемой экспансии русских. Никакие прагматические, экономические обстоятельства не могли придать русскому движению вперед и вширь характер некоего трансцендентного задания, которое осмысливалось на полурациональном уровне. Пространство мыслилось не как условие жизни, а как такое «небытие» или «недобытие», которое содержит возможность реализации бытия.

При этом не просто освоение огромной территории, а именно мирное освоение было производным сначала от мифологического, а затем от

религиозно-этического понимания пространства, которое воспринималось русскими на протяжении веков как некое задание, как воля исторического рока. Эта территория превращалась в экстериоризованное пространство, овеянное субъективным переживанием космического пространства.

Осуществленное пространство включает в себя более богатое и глубокое смысловое содержание, которое используется не только для описания природного мира, но и мира человека, мира его взаимодействий и культуры. Становление такого пространства можно схематично представить как специфическую реальность, конституируемую человеком, отношениями с другими людьми, его действиями и мировоззренческими представлениями. Смысл и возможности пространства взаимообусловлены и задаются его метафизическим планом.

Размышляя о пространстве, необходимо говорить и о времени, так как пространство и время неотделимы, хотя все же они не равнозначны. Исходным между ними является пространство, которое в русском восприятии мира было доминирующим. Пространство доминировало над временем, в нем действовали законы циклического, а не линейного времени, которое господствовало в западных странах. Это многомерное, неоднородное пространство имело власть не только над временем, но и над душой человека. Н.А. Бердяев говорил о «власти пространства над русской душой» [6], которое запечатлелось в его психотипе.

Такое пространство формировало своеобразную цивилизацию и выкристаллизовывало из себя не совсем обычное государство, которое можно сравнить с домом, строительство которого начинается не с фундамента, а с крыши, т.е. с иерархии ценностей. В подобном государстве-доме низшие уровни основываются на высших и держатся притяжением, обратном земному. Иными словами, речь идет об идеократичности российского государства, которая достаточно хорошо освящена в литературе.

Пространственная парадигма знаменует собой синхронический подход к реальности, который означает, что Россия всегда в любую эпоху ее существования представлена в виде некоторого множества сосуществующих и взаимодействующих территорий, населенных разными этносами. Изучение их актуального сосуществования и взаимодействия, выявление специфики их жизнедеятельности и поиск оснований для совместного неконфликтного существования, является главной заботой государства.

В противоположность этому ориентация на время свойственна атлантическим моделям (монохронным культурам – США, Германия, Великобритания, Турция, Тайвань, Япония и др.) [3]. Страны, ориентированные на монохронический подход уделяют больше внимания времени, срокам и расписанию. Время для них – это прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее. Доминирование линейного, техногенного времени способствовало развитию динамичной и

агрессивной системы капиталистических отношений, стремительному научно-техническому прогрессу и обновлению быта. Наиболее ярко отношение ко времени как к исключительной ценности и особо значимому ресурсу проявляется в американской культуре.

Российский социум всегда существовал в рамках различных общественно-экономических укладов и потому жил в разном социальном времени, и государство всякий раз должно было прикладывать усилия для их синхронизации.

Россия со времен Петра Великого, забыв о доминирующем значении пространства, устремилась в погоню за чужим доминантным временем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Догонять стало ее роковой судьбой. Чем больше Россия стремилась догонять чужое время и связанные с ним чужие достижения, что приносило порой впечатляющий, но временный успех, тем больше подрывала глубинные основы своего бытия. В результате возникала еще большая отсталость, т.е. получался замкнутый круг.

Непонимание сущности пространственной парадигмы, ее игнорирование не позволяли российским политикам и некоторым аналитикам понять то общество, в котором мы жили раньше, живем сейчас и – самое главное – будем жить в будущем. Доминирование пространства над временем требует более точного и глубокого понимания особой значимости государства, а также иного подхода к оценке результатов его деятельности, осуществляющегося в рамках этого пространства. Доминирование пространства означает, что можно добиться в его пределах значительного внутреннего развития и обеспечения достойной и мирной жизни входящих в её состав больших и малых народов.

Мощь и давление российского пространства с его невероятными богатствами и естественным разнообразием имеет тягу к самодостаточности, которая выражается в понятии автаркии. Пространственная парадигма предполагает автаркию, но автаркия не означает застой и самоизоляция. Напротив, автаркические модели могут рассматриваться как элемент развития на основе раскрытия своего внутреннего потенциала.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Центрполиграф, 2016. 256 с.
2. Карпенко И.А. Проблема интерпретации понятия пространства в некоторых концепциях мультивселенных современной физики // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 3.
3. Карпец В. Автаркия как сущее. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/09/04/avtarkiya_kak_swee
4. Перевезенцев С.В. Истоки русской души. Обретение веры X–XVII вв. М.: Эксмо, 2015. 528 с.

5. Сидоренко Ю.И. Особенности психологии русского народа как фактор российской истории. Режим доступа: <http://glasnaroda.opk.ru/viewtopic.php?id=41>

Спиридонова В.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ «АБСОЛЮТНОЙ ВОЙНЫ» - НОВОГО ТИПА ВОЙН XXI ВЕКА

Аннотация. Информационная война является разновидностью «абсолютной войны» - нового типа войн, которые определяют международную политику XXI века. Ее основа – борьба мировоззрений, война ценностей. Главными атрибутами «абсолютной войны» являются моральное уничтожение противника; создание «пространства измены» на территории государства-противника; формирование абсолютного суверенитета на мировой арене.

Ключевые слова: информационная война, абсолютная война, идеология, суверенитет, моральный дискурс, пространство измены.

Spiridonova V.I.

THE INFORMATIONAL WAR AS A SORT OF «ABSOLUTE WAR» – A NEW TYPE OF WARS OF THE XXI CENTURY

Abstract. The informational war is a kind of “absolute war” - a new type of war, which determine the international politics of the XXI century. The struggle of ideologies and values is a basis of it. The moral destruction of enemy; formation of “betrayal area” on the territory of the opposite state; forming of the absolute sovereignty at the world arena are the main attributes of the “absolute war”.

Keywords: informational war, absolute war, ideology, sovereignty, moral discourse, betrayal area.

Понятие «абсолютная война» впервые появилось в одной из последних работ К. Шмитта под названием «Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического» [2] во второй половине XX века. Это был период «баланса сил» в международных отношениях, известный как эпоха «мирного сосуществования двух систем» - капиталистической и социалистической, и потому заявление о наступлении новой эры «абсолютной войны» может показаться парадоксальным.

Дело, однако, в том, что как раз в этот исторический момент кардинально меняется технология противостояния. Если ранее главным основанием завоеваний и победы над противником было вооружение,

уровень военной техники, то отныне акцент переносится в сферу борьбы мировоззрений. Начинается век «идеологических войн». Первой разновидностью в этом перечне стала так называемая «холодная война», частью которой была «психологическая война», затем «информационная». Все они суть вариации «абсолютной войны», по логике К. Шмитта.

Отличительные черты «абсолютной войны». Такого рода война есть прежде всего «война ценностей». Ценность, однако, имеет собственную внутреннюю имманентную логику. Из нее следует главное - отрицание ценности за противником, за другим, за противоположной стороной, что с неизбежностью требует уничтожения носителя иной ценности.

При этом традиционная концепция врага испытывает трансформации сразу по нескольким параметрам, что позволяет определить его как «абсолютного врага», а тип борьбы с ним назвать «абсолютной войной». Если для классических войн было характерно разделение на «комбатантов» и «некомбатантов», которое подразумевало ведение боевых действий одной регулярной армии против другой регулярной армии, возглавляемой, профессиональными военными, то теперь объектом воздействия становится все население противоборствующих стран в целом. Расширение масштабов вражды превращает врага из конкретного в «общечеловеческого». «Абсолютные войны» охватывают все население, весь народ, всю нацию.

Второе. Классические войны имели внутреннюю логику развития военного действия, а именно – начало, кульминацию, которая разворачивалась в решающем сражении, и конец. Для них были характерны определенные «условия игры», которые сравнимы с жесткими рамками проведения аристократических дуэлей и которые соблюдались всеми неукоснительно. Соответственно, можно было разделять эпохи существования народов на военные и мирные, что породило чаяния «вечного мира». Войны в их информационном облике становятся постоянным фоном обыденной жизни. Они превращаются в войны pop-stop, бесконечные по времени, и заслуживают наименования «абсолютных».

Особенность таких войн - качественно другое отношение к противнику. В классических войнах он рассматривался именно как противник, которого можно и должно уважать. Отныне он – преступник. Средства воздействия на него изменяются, уходит в прошлое «кодекс чести», главной тактикой становится моральное уничтожение противника – его криминализация, дискриминация и диффамация. Образуется новая форма политического пространства – *пространство абсолютной враждебности*.

Другая стратегическая инновация информационной войны – создание пространства для тайной политики. Все большее распространение получают скрытые, неявные тактики манипулирования, тактики, применяющие «мягкую силу». Даже «горячие» стадии войны используют

малозатратные акции «точечных ударов». Обман становится главным средством, методом и методологией идеологического типа войн. Возникает множество его разновидностей: пропаганда, дезинформация, зомбирование. Но главное это то, что происходит формирование нового типа политического пространства на территории государства-противника – «*пространства измены*» как обязательного атрибута таких войн. В этом отношении «пятая колонна» есть нормальный побочный продукт «абсолютной войны».

Еще одно принципиально новое обстоятельство состоит в том, что в «идеологических войнах» «пространство измены» начинает использоваться в интересах так называемой «третьей силы». Старый, Вестфальский порядок не предполагал какой-либо инстанции, стоящей *над* государствами. Государства обладали высшим суверенитетом, определяли направления внутренней и внешней политики, были главными субъектами международного порядка. Сегодня в мировой политике есть некое «надгосударственное образование» - государство, которое управляет всеми другими государствами, стоит над международным правом и порядком, легитимизирует или нет процессы внутри других стран – США. В связи с этим возникает так называемый «моральный дискурс».

Это означает, что отныне необязательно уничтожать врага физически, достаточно уничтожить его морально. *Моральная дискредитация противника* стала новой политической стратегией. Она подкреплена моральной монополией на истину, которой обладает единственная сверхдержава – США [7, с. 73-88]. В идеологии глобализации полностью отсутствует возможность конкуренции с другими системами или проектами, возможность какой-либо альтернативы развития [8, с. 36]. Установление монополии на истину ведет к другой монополии – институциональной, которая в мировом поле преобразуется в новый феномен – гиперсуверинитет.

Новый абсолютный суверенитет. После того, как в период после «холодной войны» был разрушен двусторонний мировой консенсус, Америка встала на путь одностороннего применения силы во всех случаях, когда считалось, что безопасности страны что-то угрожает. Мир с этого момента должен был быть реконструирован по американским ценностям. В итоге считается, что фактическим суверенитетом обладает одна страна в мире – это США. Это состояние получило наименование американского гиперсуверенитета (*l'hypersouverainisme américain*) [3, p. 97], или «абсолютного суверенитета» (*souveraineté absolue des Etats-Unis*). В результате информационной революции появилось новое явление – «американский военно-цифровой комплекс» («*complexe militaro-numérique américain*») [4], и, соответственно, новый атрибут абсолютного суверенитета – «цифровой суверенитет» [4]. Рождается особая постбиполярная разновидность тоталитаризма - «мягкий цифровой тоталитаризм» (*soft-totalitarisme des réseaux numériques*) [5]. Говорят о

новом господине мира, обладающим невероятной властью, - о новом «цифровом Левиафане» (le Léviathan numérique) [6]. Единственный, кто пытается сегодня сопротивляться американской гегемонии, это – Россия и Китай.

Косвенным следствием такого положения дел для европейцев и для остальной части мира является то, что все они оказываются в ситуации «подвластных», полностью зависимых от США, которые обладают такой разновидностью абсолютной власти как абсолютная власть над виртуальным миром. Принцип работы новых техноимперий таков, что он в любой момент может опрокинуть всю европейскую экономику, административную систему, страхование, банковскую систему и здравоохранение [1]. Классическая теория суверенитета базировалась на контроле над определенным ограниченным физическим пространством. Но сущностным принципом виртуального пространства является его открытость. От возможности разрешения этого парадокса зависит судьба всех стран современного мира.

Россия сегодня единственная страна, которая отстаивает свой суверенитет, тем самым оспаривая абсолютную гегемонию США. Защищая свои национальные интересы, мы возрождаем возможность сопротивления новой Абсолютной власти и создаем реальную перспективу формирования истинно многополярного мира.

Литература

1. Иванов М. Google, Microsoft, Apple, Amazon, Facebook — технологический коктейль будущего // <http://ivanov.mann-ivanov-ferber.ru/2009/12/google-apple-amazon-facebook-texnologicheskij-koktejl-budushhego/>
2. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М., 2007.
3. Badie V. Souveraineté et évolution des relations internationales // Debate: La souveraineté à l'heure de la mondialisation // Swiss Political Science Review. 2004 .Vol. 10. № 1.
4. Bellanger P. La souveraineté numérique P., 2014 // Режим доступа: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>
5. Faye G. Internet, la pieuvre américaine? // Режим доступа: <http://metapoinfos.hautetfort.com/archive/2014/02/14/la-souverainete-numerique-5298073.html>
6. Le Léviathan numérique. Режим доступа: http://www.marianne.net/Le-Leviathan-numerique_a237847.html
7. Lione P. L'ennemi à l'âge des conflits asymétriques // Sociétés. 2003. № 80.
8. Mellos K. L'idéologie de la mondialisation: redéfinition de la justice // Regards philosophiques sur la mondialisation. Sainte-Foy (Québec), 2005.

Ставицкий А.В.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС И «КОНЕЦ СВЕТА» ДЛЯ ЕВРОПЫ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья раскрывает и обосновывает отдельные явления глобального трансформационного кризиса, который в сочетании с другими процессами, включая исламизацию Европы, в будущем может привести к распаду, а возможно, и реколонизации ЕС.

Ключевые слова: трансформационный кризис; исламизация Европы; реколонизация ЕС; современный миф.

Stavitskiy A.

TRANSFORMATIONAL CRISIS AND «THE END OF THE WORLD» FOR EUROPE: THE MYTHOLOGICAL ASPECT

Abstract. The article reveals separate phenomena of global transformation crisis, which, in combination with other processes, including the Islamization of Europe, in the future can lead to decay and, possibly, EU recolonization.

Keywords: transformational crisis; the Islamization of Europe; the EU recolonization; modern myth.

В свете глобального трансформационного кризиса, следствием которого стали не только переход к новому технологическому укладу и обострение борьбы государств за оставшиеся мировые ресурсы с последующим формированием нового мирового порядка, но и начавшееся в результате нарастающей перенаселённости планеты и сопутствующего ему демографического перекоса нового «великого переселения народов», многие эксперты заметили, что в мире происходит нечто апокалиптическое. И не только потому, что:

- по прогнозам экспертов Римского клуба, с учётом темпов роста численности населения земного шара Земля не сможет прокормить такое количество населения, а значит, от него надо будет как-то быстро и не затратно избавляться [7];

- в ближайшие 30-50 лет запасы природных ресурсов истощатся настолько, что государства и народы будут вынуждены воевать друг с другом не только за нефть, но даже за воду [2];

- новый мировой порядок не рассчитан на всех и, возможно, будет устанавливаться через малые и большие опустошительные войны и эпидемии, которые должны расчистить место и ресурс для избранных.

К сожалению, пока мир не сильно заботит тот факт, что сегодня в мире серьёзные проблемы с водой испытывает 31 страна, а к 2025 г. этот

список пополняют еще 17 государств, включая Индию и Китай [1]. А если учесть, что среди этих стран есть государства, обладающие ядерным оружием, данная проблема начинает выглядеть более масштабно и трагически [6].

В свете этого особая судьба уготована Западу. И о ней ещё в 1973 г. поведал французский писатель и путешественник Жан Распай (Jean Raspail) в футуристическом романе «Le Camp Des Saints» («Лагерь святош»). Роман повествует о вторжении многочисленного флота из стран Третьего мира с беженцами, которые сумели достигнуть берегов Европы и смели всё на своём пути. Похожие процессы мы сейчас наблюдаем в ЕС. И они настолько масштабны, что впору уже говорить о грядущей реколонизации и исламизации Европы. Когда-то на волне своей пассионарности Европа колонизировала почти весь мир. Теперь наступил её черёд быть колонизированной. И противопоставить этому вызову она пока ничего не может. Поэтому, если данные тенденции сохранятся, при учёте того, что цивилизационный импульс Запада исчерпал свой ресурс, а численность населения Земли скоро увеличится ещё на 2-3 миллиарда, уже через 10 лет возникнет реальная опасность поглощения западного мира и его кардинальной трансформации. Тогда о закате Запада можно будет говорить как о состоявшемся факте.

При этом в мире происходят не менее значимые вещи, которые касаются нравственной деградации человечества в лице навязывающего всем так называемые «общечеловеческие ценности» Запада, что в силу характера процессов вынуждает вспомнить о судьбе жителей Содома и Гоморры.

Это особенно хорошо видно по событиям во Франции, когда в январе 2015 г. в ответ на оскорбительные для мусульман карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные в парижском журнале «Charlie Hebdo», в редакцию ворвались вооружённые исламские радикалы и убили несколько человек. Гибель людей вызвала массовый протест по всей Европе. Два миллиона человек участвовало только в демонстрации в Париже. Но в других частях света имело место определённое непонимание, которое довольно точно выражено в следующем тексте: «Почему унижение из-за нетрадиционной сексуальной ориентации неприемлемо, а посмеяться над чувствами миллионов верующих – норма? Почему убийство десятка журналистов, рисовавших скабрёзные пошлые картинки, не имеющих ничего общего с настоящими карикатурами, это горе, заставившее выйти на улицы миллионы людей, а убийство тысяч невинных людей на Украине, в Сирии, Ираке, Ливии, Афганистане просто не замечают? Определенно, мир перевернулся. И мне кажется, это начало конца для Западной цивилизации» [3]. Безусловно, так мыслят многие. А о закате Запада пишут более ста лет [8]. Но умозрительные тогда наблюдения теперь оборачиваются конкретными подтверждениями того, что Запад в его нынешнем виде Историей словно приговорён [4]. Приговорён именно

потому, что живёт не по справедливости и за чужой счёт. Потому, что забыл заветы предков и растерял нравственные начала. Потому, что не отличает Добра от Зла и мнит себя повелителем мира. Разумеется, мы не знаем, когда и как приговор будет приведён в исполнение. У Истории свои соображения и причуды. И она умеет ждать. Но опыт распада и крушения великой Римской империи может что-то европейцам и американцам подсказать. И не исключено, что судьба европейцев при явной утрате нравственного начала и внутренней воли, выраженной в желании развиваться и созидать, будет не менее трагичной, чем судьба населения Римской империи: от начала Великого переселения народов и до взятия и разорения Константинополя, который не готовы были защищать даже его жители.

Иначе говоря, в более глобальном масштабе мы являемся свидетелями нарастающего трансформационного кризиса, аналогичного тому, что привёл к краху Римской империи, Великому переселению народов и зарождению феодализма. В любом случае он ведёт к концу привычного нам Света. И чтобы сохранить себя в зарождающейся новой мировой системе, надо оказаться максимально ей соответствующим. В этом смысле рискнём предположить, что знание и грамотное использование отношений и правил Большой игры, которые будут характеризовать формирующийся на наших глазах новый мировой порядок, даже важнее, чем нынешний потенциал государства, ибо новый мир будет жить по новым правилам.

Пока не очень понятно, к какому миропорядку придёт человечество. Но если определять некий глобальный выбор, то он располагается между двумя вариантами: равным, справедливым и взаимовыгодным мировым союзом всех стран и народов человечества наподобие того, какой описал русский фантаст И.А. Ефремов в своём романе «Туманность Андромеды», или своеобразным глобальным Шумером с кастовым делением и различными формами рабовладения, когда ко всем благам мира имеют доступ лишь избранные. А остальные лишь работают на них [5]. Какой путь выберет человечество? Вопрос для ответа открыт.

Литература

1. Бан Е. Последний вызов. URL: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=3854 (дата обращения: 04.12.2014).
2. Пестель Э. За пределами роста / вступ. ст. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1988. 270 с.
3. Ставицкий А.В. Франция: выбор между сатирой и святостью. URL: <http://skeptimist.livejournal.com/390570.html?view=2081706#t2081706> (дата обращения: 04.12.2014).
4. Фурсов А. Кризис-матрёшка. Демонтаж капитализма и конец Эпохи Пирамид. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/602116> (дата обращения: 04.12.2014).

5. Фурсов А. Хронораздел 1975–2025 гг.: новая передача карт мировой истории. URL: <http://www.rospisatel.ru/fursov.htm> (дата обращения: 04.12.2014).

6. Хомский Н. Почему для Америки все кончено. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_684.html (дата обращения: 04.12.2014).

7. Швець Г. Голодомор ХХІ століття. URL: http://zaxid.net/news/showNews.do?golodomor_hhi_stolittya&objectId=1331090 (дата обращения: 04.12.2014).

8. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма, 1993. 92 с.

Ставицкий А.В.

РУССКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ: ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины сохранения русской идентичности украинцев и исторического поворота Украины в сторону России.

Ключевые слова: русский выбор, Украина, исходные данные, обоснование.

Stavitskiy A.V.

RUSSIAN CHOICE OF UKRAINE: THE RAW DATA FOR THE STUDY

Abstract. The article discusses the main reasons for arguing the Russian identity of Ukrainians and for historical turn of Ukraine to Russia.

Keywords: Russian choice, Ukraine, the main reasons, the arguments.

Казалось бы, для рассуждений о русском выборе Украины выбран совсем не подходящий исторический момент, когда в самой Украине построенная на идее российского военного вторжения антирусская истерия достигла своего пика. Однако пока Россия сама не разгромлена, не оккупирована, не расчленена и утилизирована, у неё остаётся шанс на то, что Украина в будущем перестанет быть антирусской. Или перестанет быть Украиной вообще. Как государство и антирусский проект. Более того, если исходить из долговременных интересов Украины, русскому выбору для неё в известном смысле альтернативы нет. Причём, даже для «профессиональных украинцев». Если они, разумеется, не хранят свои средства на Западе, вкладывая их в недвижимость и западные проекты и совершенно не ориентируясь на свою страну. Ведь в отличие от Речи Посполитой, где католики и диссиденты (некатолики) не были уравнены в

правах, и пытающейся следовать по этому губительному пути Украины, в России все народы и религии пользовались равными правами и произвольно велением власти не бывали ущемлены, за исключением, пожалуй, евреев, у которых была черта осёдлости. Но и они всегда находили способы преуспеть в чём-то другом и преодолеть ограничения с помощью процветавшей всегда у всех народов коррупции.

Естественно, на это можно возразить, что альтернатива есть всегда. Но правильно понятая идентичность не оставляет места для вариативности выбора, так как исходит из природных свойств народа и цивилизации. И тогда относительно его свобода выбора оказывается гипотетичной. Разумеется, идентичность можно поменять, заново сконструировать, переформатировать, что сейчас и делается, когда посредством перекодировки сознания на Украине конструируют новую украинскую идентичность, которая как бы должна соответствовать европейскому выбору украинской «элиты» и не оставлять шанса на новую версию Переяславской рады. Но идентичность имеет сложную структуру и поэтому смена в структуре идентичности поверхностных слоёв не приведёт к смене её как таковой.

К тому же не исключено, что попавшие в жаркие «технологические объятия» Запада украинцы, если они совсем не потеряют здравого смысла, могут оказаться в ситуации, когда против европейского выбора заработает не русская пропаганда, а сама историческая реальность. Когда статус людей второго сорта вынудит их искать причины связанной с цивилизационным выбором исторической ошибки и способы её преодоления. В этом смысле никто не может заставить граждан Украины сделать за них выбор в пользу интеграции с Россией, потому что для этого они должны пройти путь своеобразной санации, на себе испытав и прочувствовав все прелести «европейского» бытия, которые прописаны в 900-страничном тексте так называемой «Угоды» с ЕС [1]. В этой «Сделке» Европа накладывает на Украину и украинцев столько безответных обязательств, что рано или поздно почувствуют практически все.

Определяющими в русском выборе являются следующие соображения:

1) Русская и православная природа украинца-малоросса, составляющая матрицу его ценностно очерченной модели поведения и обеспечивающая его внутренний душевный комфорт. В основе её культурная и историческая связь, определяющая общность судьбы настолько, что отделить украинца от русского, если мы не берём униатов-галичан, не представляется возможным, потому что чистых украинцев, как и русских, просто нет. Есть оттенки, которые, кстати, наблюдаются и у разных представителей русского народа – от Кольского полуострова до Камчатки. Иначе говоря, русский выбор украинцев определяется глубинной русской и православной идентичностью народа Украины за исключением галичан. Той идентичностью, которая когда-то сделала Киев

матерью городов русских, а земли южной Руси – Малой Русью, ставшей одним из центров распространения русского народа на остальные территории вплоть до Тихого океана.

Что поделать, если в каждом из нас есть немножко украинца, немножко русского или белоруса? А может и поляка, чеха или болгарина? Как быть? Убивать его в себе? Давить? И что тогда будет? Как выделить из украинца русского? Как из русского выдавить украинца? Никто из очарованных Майданом граждан даже не задумывался над этим. И в нормальном состоянии не захочет этого делать. Зачем, если эта внутренняя сложность делает нас интереснее, глубже, разностороннее, сильнее? Как мог мудрый, щирый и себе на уме украинец быть одураченным завистливым хуторяниным с Галичины? Не понятно. Ведь в этом смысле мы не просто вместе. Мы – одно в рамках единства множеств. Одно целое, осознающее себя всем. И разве не ясно, что отказ от чего-то в себе, если это не связано с самым негативным в человеческом характере, делает человека ограниченнее и слабее? Всё же, что в нас сохраняется, делает нас культурно богаче и нравственно сильнее. Так что мы выбираем: быть сильными и богатыми или бедными и душевно больными?

2) Социально-экономический и национально-культурный интерес. Всевозможные связи: социальные, экономические, культурные, бытовые. Производственные связи, сохранившиеся ещё со времён СССР на основе ГОСТа и сложившегося ещё тогда разделения труда, обеспечившие в независимой Украине сохранение энергетической и наукоёмких, высокотехнологических отраслей. Удивительное разнообразие в рамках единого экономического пространства, когда удалось создать полноценный и самодостаточный рынок внутренних услуг. Рынок со своей социальной сферой, позволявшей гарантировать каждому бесплатное здравоохранение, образование и жильё, мощнейшей научной базой, охватывающей все сферы научных отраслей, обеспечивавших кадрами самые передовые в мире научные отрасли, самой развитой на тот момент образовательной системой, которая была доступна всем, только учись, и при этом была бесплатной. Отказываться от этого – всё равно, что сжечь свой дом, а потом жить в собачьей конуре. Зачем? Для чего? Во имя чего?

3) Равенство отношений между людьми, государствами и народами. Россия предлагает в сотрудничестве с Украиной именно такие взаимовыгодные отношения, которые позволяют Украине сохранить свою субъектность. Субъектность определяет самостоятельность решений на международном уровне, когда руководство страны может действовать в своих национальных интересах, а не в угоду другим странам, как бы они ни были хороши. Эти отношения гарантируют не деградацию страны, а долговременный экономический рост и обеспечивают достойное место в новом экономическом союзе. И всем этим Украина могла распоряжаться в равной мере, как и Россия и другие страны нового содружества, если бы выбрала этот путь. Всё, что в рамках такого содружества делается, и будет

делаться, происходит в интересах всех, в отличие от ЕС, где Украина будет страной-ресурсом, периферией, куда будут сбрасываться проблемы Запада, высасывая всё, что нужно самой стране и населению. Нужно ли это Украине? Конечно, нет. Что же предлагает взамен Европа? Не сомневаюсь, что кому-то в рамках евроинтеграции повезёт. Кто-то сможет как-то устроиться. Получить работу или даже образование. Но на фоне общей массы населения это будут единицы. Всем остальным светит новый вариант плана «Ост». Роль разного типа и уровня гастарбайтеров. Современная версия загоняемых из Африки в Америку рабов. Неужели они именно об этом мечтали? А если да, то почему? Известно, что если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Народы – тоже. Но то, что делает народ Украины под руководством своей т. н. «элиты» в истории означает, что он отказался от своей сложившейся за долгие века природы и здравого смысла. Всё остальное с ним сделает История. И будет с ним то, чем он стал, если не произойдёт санация.

Литература

1. Ukraine–European Union Association Agreement. URL: http://www.eeas.europa.eu/ukraine/assoagreement/assoagreement-2013_en.htm (дата обращения: 20.01.2014).

Сунгуров А.Ю.

РОССИЙСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В сообщении представлены предварительные результаты исследования практик взаимодействия экспертного сообщества и власти в российских регионах. Показано снижение востребованности власти в инструментальной функции экспертного знания и роста внимания к символической функции. Предложена модель взаимодействия власти и экспертного сообщества, условно названная «модель оплаченного результата».

Ключевые слова: Экспертное сообщество, публичная политика, процесс подготовки политических решений.

Alexander Sungurov

RUSSIAN EXPERT COMMUNITY AND POWER: PRELIMINARY RESULTS OF RESEARCH

Abstract. Preliminary results of research of practices of expert community and power collaboration in Russian regions are demonstrated. The reduction of

governmental need for instrumental functions of expert knowledge and growth of interest to the symbolic function. The model of collaboration of power and expert community is proposed, named “model of pre-paid result”.

Keywords: Expert community, public policy, policy making process.

Процесс подготовки и принятия политических решений в современном мире с необходимостью требует участия в них носителей знания, релевантного к принимаемым решениям. Люди знания – ученые в современных условиях являются необходимым звеном в этом процессе. При этом носителями экспертного знания сегодня могут быть и сами сотрудники органов власти различного уровня, однако их встроенность в иерархическую систему исполнительной власти с неизбежностью ограничивает их интеллектуальную свободу, делая их скорее частью правительственных структур, чем независимыми экспертами. Поэтому предметом анализа в представленной работе будут представители экспертного сообщества, не состоящие на государственной или муниципальной службе, но привлекаемые тем или иным образом для разработки или оценки проектов властных решений.

Экспертное сообщество и его участие в процессе принятия властных решений уже привлекали внимание как зарубежных [2; 10; 11; 9], так и российских исследователей [4; 8; 1; 3]. В нашей недавней работе мы рассматривали функции, которые реализуют эксперты в странах с устойчивым демократическим режимом, а также основные модели взаимодействия экспертного сообщества и представителей власти в этих странах [6].

Представленный текст посвящен анализу российского экспертного сообщества. В качестве источников информации использовался анализ информации, представленный в Интернете, материалы печатных и электронных СМИ. Кроме того, в течение 2014–2015 гг. в ходе экспертных поездок в российские регионы которых было проведено около сорока полуструктурированных экспертных интервью с представителями различных групп респондентов – представителями власти, научного сообщества, СМИ. В Свердловской и Нижегородской областях были также проведены фокус-группы, члены также представляли упомянутых выше группы респондентов. При анализе текстов расшифрованных экспертных интервью и фокус-групп использовался метод «категориальной схемы анализа содержания» [5].

Анализ взаимодействия представителей экспертного сообщества и власти стоит начать с рассмотрения институциональных форм такого взаимодействия. На наш взгляд, можно выделить три основные формы. Первая – это эксперт-одиночка, как правило, преподаватель того или иного университета, либо (а как правило – и также) сотрудник академического института, если таковые имеются в том или ином регионе. Второй вариант – эксперт является членом экспертного, консультативного или

общественного совета при той или иной властной структуре. Наконец, третьим вариантом является ситуация, когда эксперт реализует свою экспертную деятельность в рамках независимого аналитического центра, в котором наряду с экспертами-учеными присутствуют и практики, способные довести предлагаемые решения до стадии их принятия. Такие аналитические центры сегодня принято называть фабриками мысли [6; 7].

Легко заметить, что при переходе от первому к третьему варианту растет степень независимости эксперта от представителей власти, что особенно важно в ситуации, когда для последних важно не столько основное на научных данных мнение эксперта по той или иной проблеме (инструментальная функция), сколько использование научного авторитета эксперта для подтверждения или наукообразного обоснования уже принятого решения (символическая функция).

Результаты нашего исследования показали, что если в 1990-е годы наблюдалось достаточно широкое развитие фабрик мысли, причем не только в российских столицах, но и во многих крупных региональных индустриальных центрах, то далее, с середины 2000-х годов наблюдается их практически повсеместное исчезновение. Так, эксперт-журналист, из Воронежа на вопрос о наличии в регионе фабрик мысли отвечал так: «они были даже позже, чем в 90-е. Они существовали в рамках институционализированной экономической научной среды. Почему? Потому что сами условия 90-х годов они требовали некоего объяснения ситуации для первых лиц. И продолжалось это до середины 2000х. Потом уходили эти люди, кто-то менял профиль. Да и степень востребованности вышла»⁸. Респондент из Калининградской области связал исчезновение региональных фабрик мысли с уходом иностранных фондов: «Они жили на европейские деньги, они проводили анализы, как двигается Калининградская область, но когда закончились деньги, Think tank тоже закончились. Сейчас я не вижу никаких Think tank»⁹.

Однако опыт фабрик мысли не исчезает окончательно. Так, например, в Нижнем Новгороде группа интеллектуалов, работая в разных университетах, продолжает и деятельность образованной в девяностые годы команды: «У нас есть практика к концу года аналитических докладов региональных, то есть публичных аналитических докладов, мы пытаемся итоги подводить каких-то периодов... Результат? Во первых, сам текст. Он есть, вывешен в разных местах. Плюс мы раздаем рассылаем этот текст в разные места – от областной и городской администраций. Мы знаем, что там их читают, эти тексты и мы получаем формализованную или неформализованную реакцию. Например, там что то не нравится у губернатора, в его аппарате, или там у мэра в городе... То есть мы

⁸ Интервью с А, журналист и политолог, Воронеж, апрель 2015 г.

⁹ Интервью с Б, член Торгово-промышленной палаты Калининградской области, март 2014 г.

понимаем, что эти вещи читают, какие-то акценты там принимают или не принимают»¹⁰.

Снижение востребованности инструментальной функции у представителей власти в середине 2000 годов отмечает и респондент из Санкт-Петербурга: «Рубеж 2000-х годов, когда начал формироваться новый политический дизайн, выстраиваться «вертикаль власти», окончил золотую пору интереса к экспертной работе. Сейчас, по моему мнению, сама востребованность к политическому знанию значительно ниже, чем прежде. Это связано не с качеством политологического знания, а с изменением нашего предмета»¹¹.

Какое же экспертное знание востребовано властью сегодня? Вот фрагмент интервью профессора одного из сибирских городов: «Они работают с теми, которые спрашивают «чего изволите», т.е. сначала им надо сказать, что требуется, а потом они получают этот результат. Социологи так работают, вообще у нас прекратились в регионе независимые исследования, раньше мы проводили, когда была потребность узнать реальные настроения у граждан. Сейчас даже нет таких акторов политических, которые бы независимо от Администрации могли бы пытаться что-то сделать»¹². Респондент из другого сибирского города, сотрудник аппарата Законодательного Собрания по сути воспроизвел это же мнение: «Но едва ли это обслуживание аналитических потребностей власти. Потому что перед учеными вполне конкретный заказ. То есть заказчику известно, какой результат он хочет получить, и он его получает»¹³.

Можно предположить, что в отсутствии реального общественного и политического контроля, руководители регионов и крупных городов уже не так заинтересованы в решении стоящих перед жителями региона проблем, главным становится положительная оценка их деятельности со стороны Администрации Президента. В такой ситуации у них существенно снижается или пропадает совсем потребность в экспертах, как носителей знания, иначе говоря, инструментальная функция экспертного знания становится невостребованной. В то же время растет потребность в символической функции экспертного знания, точнее в символическом капитале фигур экспертов. И реализуется эта потребность в самом крайнем виде – в ожидании, что эксперт будет научнообразно обосновывать уже принятые решения. В отсутствии же независимых фабрик мысли, с одной стороны, и слабости контроля со стороны самого экспертного сообщества, многие носители экспертного знания соглашаются на вышеописанную форму взаимодействия, реализуя тем самым «модель

¹⁰ Интервью с В, профессор университета в Нижнем Новгороде, март 2014 г.

¹¹ Интервью с Г, профессор университета, Санкт-Петербург, февраль, 2015 г. (интервью взято М.Е. Карягиным).

¹² Интервью с Д, профессор университета, Сибирь, июнь 2014 г.

¹³ Интервью с Е, сотрудник аппарата Законодательного Собрания, Сибирь, апрель 2014 г.

оплаченного результата», дополняя тем самым «линейно-автономную» модель взаимодействия власти и экспертов, а также предложенную Шейлой Джасанофф модель «действенных оснований» (virtuous reason) [12].

Литература

1. Волынкина Л.А. Общественная политическая экспертиза и административное «экспертное сообщество»: механизм актуализации и дезактуализации политических проблем в массовом сознании // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 35-39.

2. Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб: Алетейя, 2016.

3. Казакова Е.В. Экспертные сообщества современной России: политологический анализ // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 19-24.

4. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти. // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9-26.

5. Пацельт В.Й. Методы политической науки // Методологические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / сост. Н. Конеген и К. Шуберт. М.: РОССПЭН, 2004. С. 133-165.

6. Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть: Модели взаимодействия, основные функции и условия их реализации // Политическая наука. 2015. № 3. С. 53-70.

7. Сунгуров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

8. Тульчинский Г.Л. Социальные технологии и знание // Философские науки. 2014. № 10. С. 20-29.

9. Adams D. Usable Knowledge in Public Policy // Australian Journal of Public Administration. 2004. № 63 (1). P. 29-42.

10. Burnsand T.R., Stohr Ch. The architecture and transformation of governance systems: Power, knowledge, and conflict // Human Systems Management. 2011. № 30. P. 173-194.

11. Collins H., Evans R. Rethinking expertise. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2007.

12. Jasanoff Sh. Quality control and peer review in advisory science // The Politics of Scientific Advice: Institutional Design for Quality Assurance / ed. by J. Lentsch and P. Weingart. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 19-35.

Сюмко О. В.

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности процесса легитимации российской политики в Республике Крым. Российская Федерация, включив в своей состав два новых субъекта, столкнулась с проблемой эффективности администрирования и качества исполнения государством своих обязанностей. Представлен политический прогноз и перспективы российской политики легитимации в Республике Крым, а также выявлены позитивный и негативный тренды, к которым относятся факторы, способствующие легитимации и делигитимации российской политики.

Ключевые слова: легитимация, российская политика, Республика Крым.

Syumko O.V.

THE FACTORS OF LEGITIMATION OF RUSSIAN POLITICS IN THE CRIMEA REPUBLIC

Abstract. This article covers the aspects of the process of legitimation of Russian politics in the Crimea Republic. After inclusion of two new entities, Russia was faced with the problem of administrative efficiency and overall state executive responsibility fulfillment. The article presents political forecasting and perspective of Russian policy of legitimation in the Crimea Republic, and identifies the positive and negative trends including the factors that contribute to the legitimation and delegitimation of Russian politics.

Keywords: legitimation, Russian politics, Republic of Crimea.

21-го марта 2014 года Президент России подписал Закон о вхождении в состав Российской Федерации новых субъектов: Республики Крым и города федерального значения Севастополь. В Европе, впервые с момента присоединения Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германия в 1990 году, произошло вхождение в состав ранее существовавшего государства новых территорий. Границы менялись и раньше, но при разделении Югославии и Чехословакии непосредственного присоединения территории к другим государствам не происходило. Косово, несмотря на политическое и национальное притяжение к Албании, так и осталось независимым. В мировом масштабе наравне с поглощением ГДР можно рассматривать возвращение Гонконга под китайскую юрисдикцию, в остальном же на протяжении почти четверти века мировым политикам не приходилось решать проблем,

связанных с внутренней и внешней легитимацией присоединенных (или же возвращённых под юрисдикцию государства) территорий.

Вхождение Крыма в состав России произошло на фоне второго за 10 лет государственного переворота на Украине, результаты которого в значительной степени противоречили интересам жителей Республики Крым и города Севастополя.

Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации не получило международного признания и, по сути, стало катализатором длительного конфликта с Украиной, которая, в обозримом будущем, будет считать Крым своей частью и предпринимать различные действия, направленные на возвращение полуострова в свой состав. В условиях продолжающегося конфликта вопрос легитимности политики российской власти в Республике Крым является крайне острым с точки зрения практической политологии.

Легитимация российской политической власти в Крыму осложнена сильным международным давлением, а так же совокупностью существующих культурных, политических и экономических связей Крыма с Украиной, которая рассматривает данные связи как инструмент конкурентного преимущества в конфликте с Россией, стремится удержать влияние над полуостровом, и делегитимизировать действия российских властей.

В период с июля 2014 по ноябрь 2015 года на территории Республики Крым было проведено качественное исследование, направленное на выявление факторов легитимации российской политики в регионе. В исследовании приняли участие 47 человек, с учётом выборки по национальности. Из них 32 человека идентифицировали себя как русских, 8 – как украинцев, 6 – как крымских татар и 1 – как белорус (исходя из результатов переписи населения 2014 года соответственно: 65%, 16%, 12%, 1% [Официальный сайт государственной службы статистики. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html]). Опрос проводился в городах: Симферополь, Феодосия, Керчь, Ялта, а так же в селах Белогорского района. Ответы респондентов были распределены по шести факторам (идеологический, социально-экономический, внешнеполитический, этический, традиционный, фактор лидера).

К группе факторов, имеющих негативный тренд, мы отнесем: *идеологический* - отсутствует идеологическая основа развития не только крымского общества, но и в целом России, по сути, выигрывая на отрицании идеологии украинского национализма, Российская Федерация не смогла предложить ни какой альтернативы, кроме ностальгии по советскому периоду истории; *социально-экономический* – до выстраивания полноценной инфраструктурной связанности с «материковой» Россией экономика Республики Крым, будет иметь нестабильный характер, хотя в целом положение в рамках данного фактора пока скорее укрепляет легитимность

российской политики в регионе; *фактор лидера* – здесь у нас есть существенная проблема, в наиболее близком к Республике Крым регионе – городе федерального значения Севастополе, конфликт между губернатором и Законодательным собранием оказывает крайне негативное влияние на легитимацию российской политики, и разрешение данного конфликта откладывается на неопределенный срок; *внешнеполитический фактор* – отсутствие признания, а так же санкции введенные мировым сообществом против крымчан, будут усиливаться со временем, что потребует огромных усилий как властей Республики Крым, так и федерального центра.

Сецессия Крыма из состава Украины была во многом продиктована отсутствием у крымчан возможности законными методами противостоять господству националистической идеологии в Украине путем выборов в органы власти. Важно отметить, что крымчане достаточно индифферентно относятся к вопросам идеологии. У них есть негативное восприятие идеологии украинского национализма, но нет позитивного восприятия идеологических вопросов. Данный аспект представляет для российской политики определенную перспективу и ресурс для легитимации. Предложение интересной и привлекательной идеологической жизни в составе Российской Федерации, где крымчане будут иметь возможность влияния на нее, будет способствовать легитимации российской политики на полуострове.

В рамках внешнеполитического фактора важно понимать, что украинская политика санкций направлена в основном против крымчан, которые вынуждены сталкиваться с массой трудностей при поездках на Украину. Действия Украины носят характер карательных в отношении своих бывших граждан, что способствует консолидации сообщества полуострова вокруг пророссийского выбора. Санкции, таким образом, частично способствуют легитимации российской власти. При этом крымчане, лояльные России, в целом дают высокую оценку внешней политике Российской Федерации, отмечая ее независимость на контрасте с политикой Украины. Противники объединения с Россией напротив, считают внешнюю политику государства обреченной на провал. Хотя политика санкций и международного непризнания пока является достаточно слабым фактором, делегитимирующим российскую политику в Крыму, она носит долгосрочный характер. И сплывающий эффект вокруг реализации «права выбора» может быть временным. Международное положение требует постоянной и активной работы российского внешнеполитического ведомства. На данном направлении угрозы делегитимации российской политики имеют наибольшее значение.

К группе факторов, имеющих позитивный тренд, мы отнесем этический и фактор традиции.

Этический фактор. Формирование локальной региональной идентичности в Крыму в условиях неисполнения официальным Киевом своих политических обязательств перед крымчанами, зеркальности действий

Киева в отношении распада СССР, а также тот факт, что вопреки украинской практике, позиция крымчан по данному вопросу была выражена через референдум, создают ситуацию, когда действия российских властей с одной стороны повторяют украинскую позицию по получению независимости от СССР, с другой – произошли в результате коллективного согласия выраженного самими жителями полуострова. Однако важно помнить, что лица, сохранившие лояльность Украине, заведомо относятся к вхождению в состав России как к акту неэтичному, для них любая политика российских властей в Крыму носит аморальный характер. Подчеркнутое соблюдение норм и правил с одной стороны вызывает стресс у непривыкших к бюрократии крымчан, а с другой – говорит о большем уважении к нормам в сравнении с предыдущим украинским периодом.

Традиционный фактор. Вопреки позиции Киева, Россия, опираясь в том числе на преимущества федеративного и многонационального государства перед унитарным, в случае правильной политики способна встроить культурную традицию крымских татар в легитимирующий ее политику контекст. Оценивая роль традиционных факторов важно отметить, что российская политика в Крыму после вхождения в состав России существенным образом изменилась. Но уровень легитимности российской политики был в этом отношении достаточно высок даже в период украинского суверенитета над полуостровом.

Российская власть после включения в свой состав двух новых регионов столкнулась с целым рядом проблем, вызванных различными траекториями развития украинского и российского государств с 1991 года. По сути, России только предстоит пройти весь путь к легитимации своих действий в отношении Крыма как российского региона. Отталкиваясь от теоретических построений Х. Линца и А. Степана, первый вопрос который ей предстоит решить – это вопрос о легитимности существующего государственного порядка [1].

Рассуждая в этом направлении, можно согласиться с Т.А.Сенюшкиной в том, что «одномоментно переместившись из украинского в российское политическое пространство, Крым станет тем местом, где российская правящая элита, являющаяся сегодня источником для формирования центра принятия решений в системе управления Крымом, будет вынуждена пройти проверку на прочность. Учитывая факт внутренней противоречивости крымского сообщества, а также накопленный конфликтный потенциал, который до сегодняшнего дня находился в латентной стадии, допущенные на этом этапе ошибки могут привести к непредсказуемым последствиям, которые следует оценивать с точки зрения не только региональных, но и глобальных рисков и вызовов» [8, с. 185].

Литература

6. Линц Х., Стенап А. «Государственность», национализм и демократия // Полис 2004. - № 5. С.9-30.
7. Баранов А.В. Позиционирование и стратегии активности этнополитических движений Крыма в условиях воссоединения региона с Россией // Политэкс 2014. - № 2.
8. Перспективы углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве: Аналит. обзоры РИСИ/ Под ред. П.В. Гребенникова. М. : РИСИ , 2012.
9. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015.
10. Погребинский М. «Оранжевая» революция: версии, хроника, документы. Киев: Optima, 2005.
11. Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Астрель: CORPUS, 2012.
12. Ахтамзян А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. М.: Библос Консалтинг, 2010.
13. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. Материалы Всерос. науч.-общ. Конф., 6 июня 2014 г., г. Москва / Центр научной политической мысли и идеологии. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 182-191.

Тарасов И.Н.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ПОЛЬШЕЙ В ИНТЕРНЕТ-СМИ КАЛИНИНГРАДА

Аннотация. Калининград – один из городов-лидеров в России по индексу читаемости интернет-СМИ. Объектом нашего внимания являются проблемы приграничного сотрудничества между Россией и Польшей. С целью качественной характеристики отражения проблемы приграничного сотрудничества между в калининградских интернет-СМИ проведен нечастотный качественный контент-анализ. В результате удалось установить, что калининградские интернет-СМИ формируют вполне адекватное восприятие российско-польских отношений.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Интернет-СМИ, Польша, местное приграничное передвижение, Калининград.

Tarasov I.N.

CROSS-BORDER COOPERATION WITH POLAND IN KALININGRAD ONLINE MEDIA

Abstract. Kaliningrad is one of the leading cities in Russia on readability index online media. The object of our attention is the problem of cross-border cooperation between Russia and Poland. In order to reflect the quality characteristics of problems of cross-border cooperation in Kaliningrad online media was spent non periodicity qualitative content analysis. As a result, it was found that online media shape a quite adequate perception of Russian-Polish relations.

Keywords: cross-border cooperation, online media, Poland, local border traffic, Kaliningrad.

Интернет-СМИ в Калининграде играют важную социальную роль и обладают существенным влиянием на общественное мнение горожан. В октябре 2015 г. Агентство KazanFirst на основе статистических данных LiveInternet составило рейтинг читаемости интернет-СМИ городов-административных центров регионов России [1]. Критерий для определения мест в рейтинге – индекс читаемости региональных новостных порталов, рассчитываемый как отношение суммарного числа посетителей электронных СМИ того или иного города за последний месяц к численности населения. Калининград занял в рейтинге второе место в России вслед за Екатеринбургом. В июле 2015 г. Калининград лидировал в этом рейтинге с индексом – 1,705. Сейчас он составляет 1,696. Количество читателей онлайн-СМИ в Калининграде велико – при численности населения 441 376 жителей (Данные Калининградстата за 2013 г.) суммарное количество посетителей трех самых читаемых региональных СМИ города почти в два раза больше — 748 573. Именно поэтому калининградские Интернет-СМИ стали объектом нашего внимания.

С нашей точки зрения, важно охарактеризовать отражение проблем трансграничного сотрудничества России и Польши на региональном уровне в калининградских масс-медиа, для которых основным каналом распространения информации является сеть Интернет. С этой целью нами выбран метод нечастотного качественного контент-анализа.

Отбор источников для производства контент-анализа проводился нами на основании двух критериев: размер аудитории Интернет-СМИ и цитируемость.

Под размером аудитории Интернет-СМИ понимается число людей, посетивших сайт за определенный период времени. Калининградская социологическая служба в собственное исследование «Рейтинги и аудитории СМИ Калининграда» в апреле 2015 г. включило 11 Интернет-СМИ региона, отвечающих критерию размера аудитории более 8%

жителей Калининграда [2]. Такая линия отсечения в социологии СМИ вполне оправдана, поскольку погрешность в определении действительного объема Интернет-аудитории слишком велика. Если опереться на индекс читаемости, то размер аудитории для включения в рейтинг должно быть – не менее 59885 посещений в месяц. Однако, по данным сервисов Рамблер.Топ100, Яндекс.Метрика и Google Analytics лишь 6 калининградских Интернет-СМИ удовлетворяют этому требованию.

Для отбора источников информационного массива мы воспользовались данными исследования Интернет-СМИ Калининградской области компании «Медалогия». Ею был разработан индекс цитируемости, понимаемый как количество ссылок на источник информации в других СМИ и влияние (рекурсивно рассчитываемый показатель, отражает взаимоцитируемость источников) источника, опубликовавшего ссылку [3]. По критерию цитируемости среди СМИ всех типов в рейтинге «Медалогия» выделяет 12 Интернет-ресурсов [4]. Второму, выдвинутому нами критерию отбора удовлетворяют шесть Интернет-СМИ с охватом аудитории более 8%. Стоит обратить внимание на два случая Интернет-СМИ имеющих относительно высокий индекс цитируемости: rubaltic.ru и newsbalt.ru. Дело в том, что портал rubaltic.ru зарегистрирован как ООО «Балтийский информационно-аналитический центр» и позиционирует себя как аналитический портал о Балтийском регионе. Объем аудитории rubaltic.ru – 26200 посещений (3,5%) в месяц. Ресурс newsbalt.ru – международный информационно-аналитический портал, зарегистрирован как ООО «НьюсБалт». Объем аудитории – 43600 посещений (5,8%) в месяц. Данные ресурсы могут быть отнесены к качественным СМИ, поскольку рубрика «новости» занимает менее 1/3 суммарного объема публикуемых материалов. В основном ресурсы наполнены аналитическими и экспертными материалами. Вместе с тем, относительно предмета нашего исследования – проблем трансграничного сотрудничества, целесообразно включить их контент в качестве объекта изучения.

Итак, информационный массив нечастотного качественного контент-анализа составляют материалы о предмете исследования, опубликованные в январе-сентябре 2015 года восемью Интернет-СМИ Калининграда: Q1 – kgd.ru; Q2 – klops.ru; Q3 – newkaliningrad.ru; Q4 – rugrad.eu; Q5 – ruwest.ru; Q6 – ya39.ru; Qk7 – newsbalt.ru; Qk8 – rubaltic.ru.

В качестве единиц анализа использовались лексемы русского языка. Всего 16 единиц. Анализ их семантического значения по признакам близости и удаленности позволил создать 4 категории: А – «география» (А1 – Польша (А2+, А3+), А2 – Граница, А3 – Шенген); В – «экономика» (В1 - Сотрудничество, В1.1 - Международное сотрудничество, В1.2 - Экономическое сотрудничество, В2 – Развитие (В1+), В3 - Расширение (В1+), В4 - Экономический кризис (В1+); С – «механизм» (С1 - Местное приграничное передвижение, С1.1 – МПП, С1.2 - Зона МПП, С1.3 -

Карточка МПП); D – «проблема» (D1 - Напряженность (C1+), D2 – Ограничение (C1+), D3 – Запрет (C1+).

Нас интересует количество сообщений, содержащих хотя бы единичное упоминание выделенных лексем. Всего нами выявлено 3036 случаев.

Таблица 1.

Распределение случаев при Q-сортировке

трансграничное сотрудничество России и Польши	1 B4	2 D2, D3	3 D1	4	5 A	6	7 C	8 B1, B1.1, B1.2	9 B2, B3	всего
Распределение (по числу случаев)	229	84	8	-	1068	-	729	634	284	3036
Распределение (в %)	7,5	2,8	0,3	-	35,2	-	24,0	20,8	9,4	100%
Среднее значение по категории	321 (10,6%)				1068 (35,2%)	1647 (54,2%)				
Средний показатель в расчете на лексему	80 (12,9%)				356 (57,4%)	183 (29,7%)				

В качестве нейтральных нами приняты лексемы категории A, негативную коннотацию имеют лексемы категории D, а также лексема B4 – «экономический кризис»; позитивную коннотацию выражают лексемы C и B (исключая B4). Нетрудно заметить, что позитивные коннотации в отношении трансграничного сотрудничества России и Польши преобладают 54,2% (в расчете на лексему – 29,7%). Также следует отметить факт полного отсутствия оценок, приближенных к нейтральным лексемам.

Наиболее позитивно описывают ситуацию newkaliningrad.ru и kgd.ru, что выражено через лексемы: «сотрудничество», «развитие», «малое приграничное передвижение»: «Евросоюз выделяет 67 млн евро на приграничное сотрудничество с Калининградом» (newkaliningrad.ru, 23.01.2015); «Калининградцы стали чаще покупать в Польше предметы роскоши» (newkaliningrad.ru, 08.04.2015); «Генконсул Польши: МПП — это возможность увидеть реальность не через телевизор» (kgd.ru, 13.04.2015); «Посол РФ в Польше: Ни у кого нет сомнений, что МПП —

позитивный проект» (kgd.ru, 16.06.2015); «По мнению Цуканова, на МПП больше влияет не политика, а курс рубля» (newkaliningrad.ru, 18.06.2015).

Среднеарифметический объем их аудитории составляет 28,7%, а индекс цитируемости – 81,9. В рейтингах по обоим критериям эти Интернет-СМИ располагаются в лидерах медиа-рынка Калининграда.

Среди лидеров, в материалах которых обнаруживаются негативные оценки, оказались newsbalt.ru и rugrad.eu, которые описывают ситуацию в терминах экономического кризиса: «Нелегалом в Европу — за \$2000 и переход через российско-польскую границу по пластиковым картам» (newsbalt.ru, 02.05.2015); «Приграничная Польша: «ментально-духовная» Украина, приоритетная Германия и дрейфующий Калининград» (newsbalt.ru, 18.04.2015); «Пограничные переходы между Польшей и Калининградской областью: хождение по мукам» (rugrad.eu, 28.05.2015).

Удельный вес их аудитории составляет 9,2%, а индекс цитируемости - 22,4. Все же стоит признать, что rugrad.eu, являясь достаточно влиятельным массовым Интернет-ресурсом и одним из лидеров калининградского медиа-рынка.

Весьма примечательно положение портала ruwest.ru (ООО «Информационное агентство «Русский Запад») имеющий объем аудитории в 8,2% и индекс цитируемости – 3,04. В его материалах мы обнаруживаем как негативные, так и позитивные оценки.

Таким образом, характеризуя отражение проблем трансграничного сотрудничества России и Польши на региональном уровне в калининградских Интернет-СМИ следует отметить, что данные вопросы достаточно полно освещены в масс-медиа, при этом преобладают нейтрально-позитивные оценки, которые, как правило, поддерживаются потребителями контента и формируют адекватное восприятие российско-польских отношений на региональном уровне.

Литература

1. <http://www.liveinternet.ru/rating/#period=month;geo=ru/401;group=media>
2. <http://www.socio39.ru/upload/pdfs/kart.pdf>
3. <http://www.mlg.ru/ratings/methodology-2015/>
4. http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/3689/45/2015/2/

Толкачева В.А.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В тезисах поднимается вопрос о необходимости обратить внимание на то, какие воспоминания о прошлом имеет молодое поколение, что влияет на данные воспоминания. Основная идея автора – неизбежность

процесса конструирования воспоминаний, который управляется молодежью. Они конструируют прошлое, анализируя информацию, полученную, главным образом, из сети Интернет. Таким образом, конструктивистский подход к исследованию культурной памяти становится основным в современных условиях.

Ключевые слова: Интернет-пространство, культурная память, конструктивистский подход.

Tolkacheva V.A.

CONSTRUCTION OF MEMORIES OF YOUTH IN THE INTERNET SPACE

Abstract. The question of necessity to pay attention to what past reminiscences the younger generation has, what influences these reminiscences is very important today. The main idea of the author is the inevitability of the process of memory designing which copes by the youth. They design the past, analyzing the information given, mainly, in the Internet. Thus, constructivist approach to research of cultural memory becomes the basic in modern conditions.

Keywords: Internet space, cultural memory, constructivist approach.

С каждым годом Интернет завоевывает все новые и новые рубежи. Вызывая неоднозначные чувства, он, тем не менее, уже стал неотъемлемой частью нашей жизни. Его сложно назвать очередной технической новинкой. Это целое пространство. Сегодня с одной стороны, существует реальная жизнь, т.е. реальное пространство, а с другой стороны, существует Интернет пространство, куда мы можем «уйти от реальности», где можем проводить большую часть жизни.

Интернет пространство раздвигает даже возрастные границы. Раньше мы ругали молодое поколение за бесконечные компьютерные игры, потом за социальные сети. А теперь виртуальный мир захватил и старшее поколение, все знают такие слова, как Twitter, Facebook, VKontakte. И не просто знают, а зарегистрированы в этих социальных сетях, являясь активными пользователями. Раньше кто-то использовал Интернет исключительно в деловых целях, кто-то для развлечения, кому-то оно помогало уйти от одиночества. Сегодня все перемешалось. Интернет пространство – это часть нашей реальности, а также серьезный инструмент, которым можно воспользоваться в политических, экономических и других целях.

Каждое государство стремится разными способами занять как можно более прочную позицию в Интернет пространстве, ставя две глобальные задачи – обеспечить безопасность (информационную, культурную, интеллектуальную) своей страны и увеличить свое влияние в мире (уже в

реальном). Для реализации данных задач создаются различные сайты по направлениям «Культура», «Образование», «Оборона» и т.д. Многочисленные фонды, гранты, федеральные и региональные программы позволяют ученым визуализировать культурную память общества.

Главной целевой аудиторией, как и ранее в докомпьютерную эру, становится молодое поколение. Через Интернет происходит конструирование определенных воспоминаний. Тема конструирования не нова, однако ранее она обсуждалась в контексте реального пространства. Сегодня конструирование культурной памяти общества почти полностью происходит в Интернет пространстве.

Конструктивистский подход заключается в том, человек имеет возможность самостоятельно конструировать не только свое настоящее и будущее, но и свое прошлое. На основании имеющихся в Интернете данных, он делает собственные выводы, «конструирует» прошлое [4].

Конструктивисты подчеркивают, что каждый человек самостоятельно выбирает (создает) историю предков. Прошлое (существующее лишь как память о нем) создается не предками, а современниками [2, с. 7]. Д. Лоуэнталь подчеркивает решающую роль современников в создании картины прошлого. При этом содержание памяти полностью зависит от целей, которые преследует современное поколение [5, с. 388]. Именно поэтому такие понятия «молодежь» и «культурная память, воспоминания» неразрывно связаны и имеют серьезное влияние на будущее.

В данном контексте можно утверждать, что все происходящее сегодня в сети Интернет есть некий конструктор, где каждый конструирует свой мир по своему усмотрению. Подобной же процедуре подвергаются и воспоминания. В соответствии с нашими потребностями, целями, пожеланиями мы имеем возможность создавать свои сообщества, свое окружение и «свою» память [3]. Легче всего подобной процедуре поддается молодежь из-за отсутствия жизненного опыта, мудрости, «собственной памяти». Они не могут опираться на свои воспоминания о событиях десяти-двадцатилетней давности. Для анализа событий они используют чужие мысли, которые легко «черпают» из сети Интернет.

Обращение к памяти в современном гуманитарном знании непосредственно связано с теоретическими поисками человека, пытающегося вновь и вновь ответить на вопрос о смысле и ценности своего субъективного бытия, с попытками поиска своей исторической, социальной и культурной идентичности [1, с. 547]. Этот вопрос интересовал людей в античные времена, он же волнует современные умы, о нем будут спорить и через много-много лет. Меняться будут только условия, на основании которых философы будут делать выводы.

Сегодня условия таковы. Мир становится менее устойчивым, менее предсказуемым и более виртуальным, благодаря новым технологиям. Иногда он кажется нереальным, потому что все больше времени мы проводим в общении с техникой, а не с человеком. Стресс, неуверенность

в завтрашнем дне, нарастающий кризис во всех сферах человеческой жизни заставляет нас искать укромные места для успокоения, саморазвития и самоопределения. Наши переживания, эмоции, действия, о которых писал Я. Ассман, сохраняются теперь в виртуальном пространстве. И наша основная задача, чтобы молодое поколение адекватно конструировало не только свое настоящее и будущее, но и прошлое.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке исследовательского гранта РГНФ «Социальная память в интернет-пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности» а(р) 15-13-70001.

Литература

1. Лойко О.Т. Социальная память как предмет философской дескрипции // Вестник науки Сибири. Томск, 2011. № 1 (1). С. 544-550.
2. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы в интерпретации феномена // INTERNUM. 2003. №1. С. 6-14.
3. Толкачева В.А. Подходы к изучению культурной памяти в современных условиях // Современные исследования социальных проблем. Красноярск, 2015. № 1. С. 243-253.
4. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. URL: http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/konstruktivistskiy-podhod-28139.html (дата обращения 13.12.2015).
5. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 676 p.

Трофимчук А.Г.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОВЕДЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

*Хорошо воспитанные станут хорошими
людьми и, став такими, и все остальное
будут делать прекрасно!*

Платон.

Аннотация. В статье приведены проблемы подготовки экономиста – профессионала в ВУЗе и описано решение проблем организации системы воспитания студентов на основе инновационной теории воспитания.

Ключевые слова: проблемы подготовки экономиста – профессионала, ВУЗ, инновационная теория воспитания, система воспитания студентов.

Trofimchuk A.G.

THE PROBLEM OF HUMAN FACTORS IN ECONOMIC REFORMS AND ITS SOLUTION

Abstract. In the article given problems of training the economist - of the professional in The University and described the solution of problems of organization of the system upbringing students on the basis of innovative theory upbringing.

Keywords: problems of training the economist – professional, The University, innovative theory upbringing, system of upbringing students.

Специалист – профессионал в вопросах экономической теории, обладающий комплексом знаний и умений в использовании новейших информационных технологий, коммуникабельный, – достаточное резюме для участия в проведении Государственных экономических реформ?

Современная этика описывает вполне конкретные положительные моральные качества: бережливость, благородство, вежливость, великодушие, верность, выдержку, духовность, идейность, искренность, мужество, правдивость, принципиальность, самоотверженность, скромность, смелость, терпимость, трудолюбие, человечность, честность, чувство нового, чуткость [2].

Очевидно, что экономисту для успешной профессиональной деятельности необходимы честность и патриотизм. Этика представляет патриотизм (латин. patria – родина) как сложное нравственное качество, включающее любовь к Родине и мужество в защите и отстаивании интересов Отечества [2, С. 244-245].

Сложное нравственное качество – честность, включает: верность, идейность, искренность, правдивость, принципиальность.

Нравственное качество – мужество, включает: смелость, выдержку, самоотверженность.

Целесообразна инновационная педагогическая технология для воспитания (развития) положительных моральных качеств и изжития противоположных отрицательных: зазнайства, злословия, карьеризма, корыстолюбия, мещанства, распутства, скупости, ханжества, чванства, эгоизма, злорадства, грубости, вероломства, цинизма, лицемерия малодушия, высокомерия, трусости, тунеядства, косности.

Кроме развитых честности, патриотизма и др. положительных нравственных качеств (например, доброты, толерантности, человечности, чуткости), - экономисту - профессионалу необходимо знать:

- элементы культуры поведения во всех жизненных ситуациях;
- основное предназначение человека («Творить добро, красоту и пользу», - Ю. Бондарев);

- комплекс здорового образа жизни (около 12-ти составляющих) [5];
- основы подготовки к семейной жизни, рождению здорового и беспроблемного (без признаков девиаций) ребенка [6];
- комплекс гармонии семейной жизни [4] и др.

Трудность получения знаний по перечисленным вопросам заключается в том, что они не включены в современные государственные образовательные стандарты.

Предлагаем решение проблем подготовки разносторонне подготовленного экономиста-профессионала на основе инновационной теории воспитания: конкретного, действенного, научно-педагогического определения процесса воспитания, его основных элементов и Системы воспитания студентов экономических специальностей.

1) Процесс воспитания на основе общечеловеческих ценностей, представляет обогащение индивидуальности (и личности) человека положительными эмоциями: альтруизма, героизма, гуманизма, красоты, любви, милосердия, патриотизма, радости, сочувствия, справедливости, целомудрия, эмпатии; с одновременным изжитием противоположных отрицательных: бюрократизма, волюнтаризма, конформизма, мести, нигилизма, предательства, ревности, сарказма, скептицизма, страха, тщеславия, ужасного и знаниями, как он должен жить и что он должен и не должен в жизни делать, а также развитыми положительными моральными качествами общечеловеческого идеала современной этики (бережливости, благородства, вежливости, великодушия, верности, выдержки, духовности, идейности, искренности, мужества, правдивости, принципиальности, самоотверженности, скромности, смелости, терпимости, трудолюбия, человечности, честности, чувства нового, чуткости; с одновременным изжитием противоположных отрицательных: зазнайства, злословия, карьеризма, корыстолюбия, мещанства, распутства, скупости, ханжества, чванства, эгоизма, злорадства, грубости, вероломства, цинизма, лицемерия малодушия, высокомерия, трусости, тунеядства, косности [2]), применёнными в повседневной жизнедеятельности [3].

2) Основные элементы процесса воспитания:

2.1. Досуговый центр совершенствования духовного мира педагогов и студентов – фундамент системы воспитания, представляющий синтез библиотеки, фонотеки и видеотеки с научно-методически отобранными книгами (Бхагавад-Гита, Дхаммапада, Библия, Коран; Платон, диалоги: «О душе» (Федон), «Алкивиад – I»; Вейсс Ф.Р. Нравственные основы жизни; Карлейль Т. Этика жизни; Лесков Н.С. Однодум; Толстой Л.Н. Круг чтения, Путь души (Путь жизни); Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном, Раздумья; Коэльо П. Книга воина света, Мактуб и др.), аудиозаписями (Робертино Лоретти, Рашида Бейбутова, Эммы Шаплин, А. Нетребко, Е. Щербаченко и мн. др.; видеозаписями (телепрограмм, «Романсиада» и мн. др.) и видеофильмами (например, «Моя прекрасная леди» (1964), США, реж. Дж. Кьюкор (в главных ролях Одри Хепберн,

Рекс Харрисон) и мн. др.) высокого духовно-нравственного содержания, а также аппаратурой для прослушивания и просмотра и Дневником самовоспитания.

2.2. Воспитательная процедура выработки положительных эмоций и изжития отрицательных.

Для развития эмоций, например, патриотизма (включающего любовь к Родине и мужество (смелость + выдержка + самоотверженность) по защите и отстаиванию ее интересов):

- прослушивание тематических музыкальных композиций, например, «Я люблю тебя Россия», музыка – Д. Тухманов, слова – М. Ножкин; «Что может быть лучше России», музыка – Е. Крылатов, слова – Л. Дербенёв и др.;

- использование тематических музыкально-литературных композиций, например, «С чего начинается Родина?»;

- просмотр тематических художественных фильмов: «Чрезвычайное происшествие», СССР, 1958, реж. В. Ивченко; «Журналист», СССР, 1967, реж. С. Герасимов; «На полпути в Париж», Россия, 2001, реж. Я. Лапшин и др.

- посещение тематических выставок произведений изобразительного искусства (живописи, фото).

2.3. На примере анализа стихотворения «Заповедь» Редьярда Киплинга [1], поясняем процедуру поиска ответов на вопросы, что должен и не должен человек в жизни делать?:

"Заповедь" Редьярд Киплинг	
<p>Владей собой среди толпы смятенной, Тебя клянущей за смятенье всех, Верь сам в себя, наперекор вселенной, И маловерным отпусти их грех; Пусть час не пробил - жди, не уставая, Пусть лгут лжецы - не снисходи до них; Умей прощать и не кажись, прощая, Великодушной и мудрей других. Умей мечтать, не став рабом мечтанья, И мыслить, мысли не обожествив; Равно встречай успех и поруганье, Не забывая, что их голос лжив; Останься тих, когда твое же слово Калечит плут, чтоб уловлять глупцов, Когда вся жизнь разрушена и снова Ты должен все воссоздавать с основ.</p>	<p>Умей поставить в радостной надежде, На карту все, что накопил с трудом, Все проиграть и нищим стать, как прежде, И никогда не пожалеть о том, Умей принудить сердце, нервы, тело Тебе служить, когда в твоей груди Уже давно все пусто, все сгорело И только Воля говорит: "Иди!" Останься прост, беседуя с царями, Останься честен, говоря с толпой; Будь прям и тверд с врагами и друзьями, Пусть все, в свой час, считаются с тобой; Наполни смыслом каждое мгновенье, Часов и дней неумолимый бег, - Тогда весь мир ты примешь во владенье, Тогда, мой сын, ты будешь Человек!</p>

Вывод: Для высокого звания «Человек», - мне необходимо быть терпеливым, трудолюбивым, мужественным (смелым, выдержанным, самоотверженным), честным (правдивым, верным, идейным, принципиальным, искренним), бескорыстным.

Свои поиски ответов на вопросы, что я должен(на) и не должен(на) в жизни делать, мы вписываем в Таблицу 1, которую регулярно (ежедневно) пополняем.

Таблица 1

Что я должен (на) и не должен (на) в жизни делать	
Должен (на)	не должен (на)
Владеть собой в любых жизненных ситуациях; Уметь прощать; Быть честным.	быть <i>рабом</i> мечтания; быть корыстолюбивым.

2.4. Поэтапная воспитательная процедура развития положительных моральных качеств и изжития противоположных отрицательных:

а) Анализ характеристики положительного качества.

б) Анализ характеристики отрицательного качества.

в) Общечеловеческие ценности о положительном качестве.

г) Анализ необходимости развития положительных качеств: Почему положительное моральное качество необходимо развивать? Что происходит с человеком при отсутствии его в сознании? Сможет ли помочь его развитие Вашей повседневной жизнедеятельности? Чему, по Вашему мнению, поможет его развитие Вашим знакомым, друзьям, родным, близким и всем людям?

д) Анализ необходимости изжития отрицательных качеств: Как проявляется отрицательное моральное качество в Вашей повседневной деятельности? Что способствует его проявлению? Почему это качество необходимо изживать?

е) Определение составляющих положительного морального качества, необходимых для повседневной жизнедеятельности.

ж) Ежедневный контроль проявления обоих качеств с записью в Дневник самовоспитания:

- Проявлялось ли изживаемое отрицательное моральное качество в течение дня, что этому способствовало, и можно ли было избежать его проявления.

- Проявляется ли развиваемое положительное моральное качество или что мешает его проявлению.

- Регулярная (по результатам наблюдения за развитием или в конце цикла развития конкретного положительного морального качества) самооценка количественного уровня развития и определение присутствия его антонима - отрицательного морального качества (см. Таблица 2).

Таблица 2

**Количественный контроль развития положительного качества –
(н.п.) вежливость и изжития противоположного - *грубость***

Дни	1	2	3	4	5	6	7	8	9	31	
вежливость (примерно)	50 %	51 %	и.т.д								
<i>грубость</i> (примерно)	50 %	49 %	и.т.д								

2.5. Комплекс самовоспитания (семейного взаимовоспитания) для профессорско-преподавательского состава и студентов:

Каждый вечер (регулярно) я (мы всей семьёй) примерно в 20 часов, занимаюсь (емся) самовоспитанием (взаимовоспитанием). Слушаю (ем) любимые музыкальные произведения; пою (ём) под караоке любимые песни и романсы, читаю (читаем вслух и обсуждаем) «Круг чтения» Л.Н. Толстого и выделяю (совместно выделяем) ответы на вопросы, что должен и не должен человек в жизни делать и делаем записи в свой Дневник самовоспитания, в соответствующую, не прекращающуюся Таблицу 1; рассматриваю и повторяю (совместно обсуждаем предыдущие записи в Таблице 1); смотрю (смотрим и обсуждаем) видеофильмы и видеопрограммы высокого духовно-нравственного содержания; занимаюсь (совместно занимаемся) развитием очередного положительного морального качества и изжитием противоположного отрицательного с записью в Дневник самовоспитания; играем в настольную, семейную, образовательную игру «Занимательная этика»; рассматриваю, анализирую (совместно рассматриваем и анализируем) сайты в интернете и альбомы высокого изобразительного искусства, делаю (делаем) записи в Дневник самовоспитания; анализирую (совместно обсуждаем и анализируем) текущие духовно-нравственные события общественной жизни: ЗОЖ, ТВ и радиопрограммы, фильмы, премьеры, концерты, вернисажи; планирую (планируем совместные) творческие дела, приносящие пользу окружающим людям; в заключение, посылаю (совместно посылаем) красивые, добрые и высоконравственные мысли – чтобы всем людям было хорошо!

3) Система воспитания студентов экономических специальностей, универсальная для всех ВУЗов, включает следующие основные элементы:

1. Научно-педагогическое руководство.
2. Идеальный портрет выпускника (цы):

<ul style="list-style-type: none"> - фундаментально подготовленный экономист-профессионал; - Уважает (любит) всех и все окружающее; - Во всем стремится к красоте; - Знает значение радости и умеет радоваться жизни; - Живет абсолютно здоровым образом жизни (без: <i>грубости и ненормативной лексики, алкоголя, наркотиков, табака, грубой пищи,</i>

злословия, злорадства, карьеризма; мещанства, косности, скупости, вероломства, зазнайства, цинизма, лицемерия, малодушия, корыстолюбия, эгоизма, высокомерия, трусости, ханжества, тунеядства, косности, чванства, распутства);

- Сгармонизирован(на) с жизнью общества;

- Знает смысл жизни – ежедневное духовное совершенствование;

- Знает, что труд есть жизнь. Имеет профессию, приносящую пользу окружающему миру;

- Знает смысл рождения и воспитания детей;

- Разносторонне подготовлен (на) (готовится) к семейной жизни (материально обеспечен(а), самостоятелен(ьна) в быту, знает критерии совместимости, знает основы дружбы и любви, знает основы рождения здорового и беспроблемного ребенка [ЗОЖ в течение 0.5года и до конца жизни, здоровое зачатие, пренатальное и перинатальное воспитание]);

- Имеет домашний досуговый центр – книги, аудио- и видеозаписи высокого духовно-нравственного содержания и аппаратура для их прослушивания и просмотра;

-Знает основы мировых религий: буддизма, иудаизма, христианства, ислама;

- Имеет и ведет дневник самовоспитания;

- Умеет заниматься самовоспитанием (семейным взаимовоспитанием) и воспитывать детей;

-Дисциплинированный(ая) (вежливый(ая) + выдержанный(ая) + терпимый(ая) + правдивый(ая)), обладает чувством долга (верный(ая) + идейный(ая) + принципиальный(ая) + самоотверженный(ая)), толерантный(ая) (выдержанный(ая) + терпимый(ая) + искренний(ая) + принципиальный(ая)) честный(ая) (верный(ая) + правдивый(ая) + идейный(ая) + принципиальный(ая) + искренний(ая)), чуткий(ая) (вежливый(ая) + скромный(ая) + великодушный(ая) + благородный(ая)), человечный(ая) (чуткий(ая) + честный(ая));

-Умеет себя вести гармонично во всех жизненных ситуациях;

-Добрый и честный рыцарь по отношению к прекрасной половине человечества (благородная и честная вдохновительница на все доброе и прекрасное по отношению к сильной половине человечества);

-Имеет высоконравственное хобби;

- Строен(на);

- Всегда чистый(ая), опрятный(ая) и аккуратный(ая);

-Удобно и элегантно (без излишеств) одет(а) (без рисунков на коже и пирсинга);

-Умеет красиво и привлекательно принимать гостей.

3.Досуговый центр совершенствования духовного мира педагогов и студентов в ВУЗе.

4. Комплексный план воспитательной работы со студентами на весь период обучения.

5. Стенды, несущие воспитательный заряд для коридоров и учебных кабинетов: «Процесс воспитания в вузе»; «Структура сложных нравственных качеств: дисциплинированности, чувства долга, патриотизма, мужества, доброты, человечности, чуткости, честности и др.», «Характеристика моральных качеств»; «Общечеловеческий идеал»; «Цветные фотографии юноши (девушки) (во весь рост) в элегантной одежде (соответствующей статусу студента) с портфелем (папкой) в фойе вуза»; «Поэтапная воспитательная процедура развития положительных моральных качеств и изжития противоположных отрицательных» и др.

6. Анкеты самооценки (аудиторской оценки) уровня развития у студентов моральных качеств (самооценка уровня развития положительных и уровня присутствия отрицательных).

7. Опросники по определению студентами уровня знаний, полученных в учебном процессе на гуманитарном цикле дисциплин.

8. Комплекс ценностных воспитательных ориентиров становления индивидуальности (и личности) студентов на весь период обучения в вузе.

9. Факультатив (дисциплина) «Нравственные основы повседневной жизни», включающий воспитательные темы, которых нет в ГОС: этика, этикет, самовоспитание; ЗОЖ; подготовка к семейной жизни, рождению и воспитанию ребёнка и мн. др.

10. Воспитательная процедура поиска педагогами, совместно со студентами, ответов на вопросы, что должен человек в жизни делать, а чего не должен?

11. Поэтапная воспитательная процедура развития у студентов положительного морального качества (например, вежливости) и изжития противоположного отрицательного (грубости).

12. Выделение педагогами на каждом учебном занятии воспитательных элементов воспитательной функции обучения, запланированных в структуре основной части занятия, например:

– элементов поэтапной воспитательной процедуры поиска ответов на вопросы, что человек должен и не должен в жизни делать;

– элементов поэтапной воспитательной процедуры развития положительного морального качества и изжития противоположного отрицательного;

– обсуждение 10 заповедей человечности Д.С. Лихачева и др.

13. Домашний досуговый центр совершенствования духовного мира педагогов и студентов.

14. Дневник самовоспитания студента.

15. Дневник самовоспитания педагога.

16. Элементы реферата, доклада, воспитательной направленности.

17. НИР воспитательной направленности.

18. Дневник воспитательной работы куратора.

19. В качестве раздаточного материала для долговременного запоминания обучаемыми полученных знаний, размножения результатов воспитательных процедур и решения текущих воспитательных проблем, куратору рекомендуется «Информационный еженедельник» группы (н.п. «Мечта»).

20. Кодекс профессорско-преподавательского состава вуза.

21. Кодекс студентов вуза.

22. Ежегодный конкурс эссе «Мой любимый герой»; «Если бы я был мэром»; «Мой лучший друг (подруга)»; «Моя любимая книга»; «Моя Родина» и др.

23. Оказание квалифицированной социально-педагогической помощи студентам, с отклонениями в процессе социализации, дипломированным социальным педагогом.

Литература

1. Киплинг Р. Заповедь. URL: <http://www.annalevinson.com/psychology/zapoved.html> (дата обращения: 14.01.2016).

2. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

3. Трофимчук А.Г. Воспитание на основе общечеловеческих ценностей / Новочеркасская гос. мелиор. акад. Новочеркасск, 2009. 170 с. Деп. в ИНИОН РАН 03.6.2009. № 60749.

4. Трофимчук А.Г. Гармония семейной жизни на основе общечеловеческих ценностей // Психология и жизнь: психологические проблемы современной семьи: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 24-25 ноября 2011 г. в Минске / Белорус. гос. пед. ун-т. Минск: БГПУ, 2011. С. 49-52.

5. Трофимчук А.Г. Общечеловеческие ценности здорового образа жизни // Здоровый образ жизни как социально-психологический феномен: сборник материалов Междунар. научно-практ. конф. (Биробиджан 19-20 апреля 2012 года) / Амурский гос. ун-т: Биробиджанский фил. Биробиджан, 2012. С. 15-25.

6. Трофимчук А.Г. Организация подготовки студентов вуза к семейной жизни // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО-Югры, НВГУ: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 26 марта 2014 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. ун-та, 2014. С. 302-306.

Умеров Э. А.

МЕХАНИЗМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье анализируются перспективные направления исследования государственной национальной политики и пути гармонизации межэтнических отношений и урегулирования этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: межэтнические отношения, конфликты, публичная политика, социальный капитал, сетевые взаимодействия.

Umerov E.A.

THE MECHANISMS OF HARMONISATION OF THE INTERETHNIC RELATIONS AND ETHNIC CONFLICTS REGULATION

Abstract. The perspective directions of the study of ethnic politics and ways of harmonization of interethnic relations and the settlement of ethnopolitical conflicts are analyzed in the article.

Keywords: inter-ethnic relations, conflicts, public policy, social capital, network interactions.

Глобальная тенденция роста этнического самосознания говорит о том, что этничность все более успешно соперничает с социальными классами по своей значимости и степени влияния на диспозицию политических акторов в обществе. Многочисленные этнополитические движения взяли на себя функцию выражения требований к государству. Этот феномен, получивший в научной литературе название «этническое возрождение», стал предметом исследования и нашел отражение в работах таких авторов как Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Э. Смит, В. А. Тишков, Н. Г. Скворцов и др[1-2]. По мнению этих исследователей, современная этничность вторгается в сферу политики и применяется ее носителями в целях артикуляции интересов этноса и ее элиты. Это обуславливает потребность в разработке новых методологических подходов, позволяющих направить этнополитические и этносоциальные процессы не в сторону конфликта, а в сторону интеграции и консолидации общества.

Государственными органами власти и исследовательскими центрами уделяется большое внимание таким вопросам как прогнозирование, регулирование и предотвращение этнополитических конфликтов в РФ и ее

южных регионах (в том числе и в Крыму). На сегодняшний день существует большое число публикаций на эту тему, издано значительное количество обзорной литературы, ведутся междисциплинарные и сравнительные исследования [1-4].

Процессы глобализации и становления информационного общества накладывают также свой отпечаток на основные тенденции и направления развития мировой этнополитики и национальной политики в России. В стабилизации межэтнических отношений и предотвращении этнических конфликтов важную роль выполняет сотрудничество государственных органов и общественных организаций, которые созданы по национальному признаку. В последнее десятилетие наблюдается повышение общественной и культурной активности национальных меньшинств, углубления процессов их самоорганизации [3].

Представляется необходимым обратить внимание на проведение дополнительных исследований форм взаимодействия органов государственной власти, этнополитических элит, институтов гражданского общества и СМИ в деятельности, связанной с регулированием этнополитических и этносоциальных процессов. Объектами и предметами исследования могут и должны стать «Публичное управление», «Сетевые взаимодействия», «Социальный капитал» в контексте реализации национальной политики Российской Федерации.

Публичное управление является центральным звеном в реализации государственного и муниципального управления [3]. Система публичного управления этнополитическими и этносоциальными процессами имеет многоуровневый характер (федеральный, региональный, муниципальный) и функционирует на основе нормативных правовых актов, регулирующих деятельность субъектов и объектов публичного управления.

Взаимодействие субъектов публичного управления и населения обеспечивается посредством организации публичных слушаний, созданием общественных ассоциаций и других форм солидарности и транспарентности национальной политики в соответствии с действующими нормативными правовыми актами.

Использование сетевых взаимодействий и социального капитала в условиях этнонациональной конфликтности является одним из потенциальных механизмов мирного и демократического управления многоэтническим обществом [4].

Подводя итог сказанному, сформулируем следующие **выводы**. На дискуссионном уровне сегодня необходимо сосредоточить внимание не на структурных, а на функциональных изменениях в системе реализации национальной политики России. Целесообразно акцентировать внимание на «публичном управлении», «сетевых взаимодействиях», «социальном капитале». Особенно это актуально для государственного регулирования разнородного в национально-культурном содержании регионального и местного сообщества. Но, как нам видится, функциональные и

структурные преобразования взаимно обуславливают друг друга, и отделить одно от другого будет очень сложно. Дальнейшая разработка данной проблематики видится нам в контексте возрастания роли этнополитических исследований, которые должны предложить новые, ценные с эвристической точки зрения, методы и результаты исследования.

Литература

1. Артюхин О.А., Сазонова О.М. Публичное управление социально-политическими процессами в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 2. С. 199-202.
2. Керимов А.Д. О некоторых проблемных точках в теории публичного управления // Право и образование. 2014. № 3. С. 178-180.
3. Сенюшкина Т.А. Проблемы и перспективы взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций национальных меньшинств. 20 лет российской Конституции: итоги и перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф./ отв. Ред. Р.М.Дзидзоев. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 20 лет российской Конституции: итоги и перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф./ отв. Ред. Р.М.Дзидзоев. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2014. С. 7-11.
4. Холлис Г., Плоккер К. На пути к демократической децентрализации: Перестройка региональных и местных органов власти в новой Европе / Г. Холлис, К. Плоккер. – Брюссель, 1995. 248 с.

Филин Н. А.

ФЕНОМЕН ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН: 1980 – 2013 ГГ.

[Исследование выполнено при поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации (грант № МК-5496.2016.6: «Конфликт старых и новых религиозных форм в политической жизни Ирана после Исламской революции 1979 года»)]

Аннотация. Политическая система Исламской Республики Иран (ИРИ) – уникальное явление, в которой переплетены как республиканские, так и исламские принципы организации политической власти. Полномочия президента в ней уступают полномочиям Лидера страны, который фактически имеет всю полноту власти. В этой связи прерогативы

президента определяются исполнительскими функциями. Тем не менее, пост Президента является важным институтом в иранской политической системе.

Ключевые слова: Иран, Президент, выборы, элиты, политическая борьба.

Filin N.A.

PHENOMENON OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN: 1980 - 2013 YEARS.

Abstract. The political system of the Islamic Republic of Iran (IRI) is the unique phenomenon which combines republican and Islamic principles of political power organization. The President has less power than the Leader of the country who really controls all levers of power. In this regard, the President's terms of reference are limited by the executive functions. However, the Presidency is an important institution in the Iranian political system.

Keywords: Iran, President, elections, elites, political struggle.

В распоряжении президента ИРИ намного меньше полномочий и прав, чем у Лидера страны. Он поставлен под контроль Главы судебной власти и Меджлиса (Парламента), которые могут отстранить его от должности (Меджлису для этого нужно 2/3 голосов). Исходя из Конституции ИРИ, президент является после Лидера страны высшим официальным лицом. Он отвечает за выполнение Основного закона и руководит исполнительной властью во всех сферах, кроме тех, что относятся к непосредственному ведению Лидера страны. Учитывая то обстоятельство, что за Лидером закреплены решающие полномочия во многих областях государственной власти, в полномочия президента входит создание и претворение в жизнь социальных, экономических, политических и культурных проектов развития государства, а также подписание соглашений и договоров ИРИ с другими странами. Он представляет Иран на международной арене [2, ст. 122–141].

Президент избирается на 4 года, одному лицу запрещено находиться на президентском посту более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовали более 50% населения страны. Если в первом туре никто не получает необходимые 50% голосов, то назначается второй тур, где избиратели голосуют за двух лидирующих после первого тура кандидатов. Победителю необходимо получить простое большинство голосов.

Для того чтобы человек стал кандидатом на пост президента, его кандидатуру должен утвердить Наблюдательный совет. Этот институт имеет функции второй палаты иранского парламента, т.е. без его одобрения ни один из принятых Меджлисом законов не может вступить в

силу. Также Наблюдательный совет имеет полномочия отсеивать кандидатов на выборах во все центральные органы власти. Принцип формирования этого института следующий: 6 человек делегирует Лидер страны, выбирая из наиболее компетентных представителей шиитского духовенства; 6 человек избираются Меджлисом по представлению Главы судебной власти. Срок полномочий каждого из его членов составляет 6 лет, каждые 2 года происходит ротация на 1/3. Важное значение имеет то обстоятельство, что именно 6 человек, назначенных Лидером страны, принимают решение о соответствии кандидата на пост президента исламу. Уровень отсева очень высокий. Например, на президентских выборах 1997 г. Наблюдательный совет заблокировал 238 кандидатов, оставив в предвыборной гонке только 4 человек; на выборах 2001 г. было зарегистрировано 814 кандидатов, Наблюдательным советом было разрешено участвовать в выборах только 10; в 2005 г. при 1014 заявках в выборах приняли участие 7 человек [1].

В соответствии с принятым в ноябре 2008 г. законом, на пост президента в 2009 г. могли баллотироваться граждане Ирана в возрасте от 40 до 75 лет, имевшие высшее образование (ученую степень магистра или ее эквивалент) и исповедовавшие ислам шиитского (джафаритского) толка [3]. Президентом Ирана может стать только гражданин ИРИ, имеющий иранское происхождение. Он должен обладать таким качеством, как распорядительность, иметь организационные способности, достойную биографию, набожностью, религиозностью, верить в основы Исламской Республики [2, ст. 115]. Именно по этим критериям Наблюдательный совет производит основной отсев кандидатов на президентский пост.

Первые выборы Президента ИРИ прошли 25 января 1980 г., практически через год после победы исламской революции 11 февраля 1979 г. Все это время управление страной осуществлял Исламский Революционный Совет, созданный аятоллой Рухоллой Хомейни. Первые два президента не смогли закончить свои президентские сроки. Сначала Абдольхасану Банисадру 21 июня 1981 Меджлисом был вынесен импичмент. Его обвинили в деятельности против шиитского духовенства. Второй президент ИРИ Мохаммед Али Раджаи был убит 30 августа 1981 г. в здании правительства через две недели после инаугурации. Причем в результате теракта погибли также премьер-министр страны и еще три человека.

Каждый из последующих президентов – Али Хаменеи, Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, Мохаммад Хатами и Махмуд Ахмадинежад находились в кресле президента два срока подряд. В 2013 г. победителем на выборах стал представитель умеренного крыла иранского политического спектра Хасан Роухани.

Несмотря на отсутствие ключевых властных полномочий, пост президента страны всегда имел огромное значение для тех групп элит, которые боролись за власть в иранской политической системе. После

смерти имама Хомейни в 1989 г. и избрания президентом Али Акбара Хашеми-Рафсанджани каждый глава исполнительной власти имел непосредственное влияние на экономический и политический курсы страны.

Экономические реформы Хашеми-Рафсанджани, получившие название «шоковых», с одной стороны, характеризовались сильным увеличением инфляции, ростом цен, повышением безработицы, сильным расслоением населения по уровню дохода и т.п., но с другой – созданием прагматичного экономического курса (в отличие от эпохи исламизации 1980-х годов), попыткой создать сбалансированную экономику и, главное, ослаблением репрессий за нарушение исламских норм.

Политика следующего президента Мохаммада Хатами был направлена не столько на дальнейшее реформирование экономики (хотя это тоже было приоритетной задачей), сколько на либерализацию жизни общества. В первые годы президентства Хатами было открыто много либеральных СМИ, которые получили лицензию в министерстве культуры и исламской ориентации, зарегистрированы около 200 партий и общественных объединений [4, с. 107], в социальном пространстве Ирана, а также на международной арене начали распространяться идеи «диалога цивилизаций» в противовес концепции «экспорта исламской революции», выдвинутой еще имамом Хомейни. В интеллектуальной сфере появились такие мыслители, как Мохсен Кадивар, Абдулкарим Соруш, Акбара Гянджи и другие, которые выступали с идеями реформирования иранского государства и неритуального понимания ислама.

Впоследствии консервативная часть иранской политической элиты начала оказывать сильное противодействие развернутым реформам. Производились аресты как среди представителей реформаторского лагеря, так и среди иранских интеллектуалов. Эта политика намного усилилась с победой на президентских выборах 2005 г. Махмуда Ахмадинежада. Его команда начала резкое наступление на сторонников реформаторов как внутри политической системы, так и в обществе. Стали закрываться реформаторские СМИ, производились попытки поставить под контроль студенческую исламскую ассоциацию, которая на протяжении президентства Мохаммада Хатами состояла из сторонников реформаторского курса.

Как только 13 июня 2009 г. были объявлены результаты выборов в Иране, огромное количество людей вышли на улицы, используя зеленый цвет как отличительный знак своего протеста. Они протестовали против официальных итогов голосования, в результате которых действующий президент страны Махмуд Ахмадинежад победил своего соперника кандидата от оппозиции Мир-Хосейна Мусави, набрав в два раза больше голосов. Людям показалось, что находящиеся у власти консерваторы совершили подлог, чтобы не допустить на пост президента своего противника из лагеря реформаторов. Активные протесты продлились до

конца 2010 г., постепенно сойдя на нет. Эти выступления получили название «Зеленое движение» по официальному цвету избирательной кампании Мир-Хосейна Мусави.

В отличие от предыдущих выборов, избирательная кампания 2013 г. продолжалась без эксцессов. Кандидаты в количестве восьми человек участвовали в одновременных теледебатах, на которых показал себя как отличный оратор Хасан Роухани, который в конечном итоге и победил на выборах. Многие люди, кто в 2009 г. голосовал за Махмуда Ахмадинежада, в этот раз выбрали Хасана Роухани. Не надо было устраивать колоссальных акций протеста. Все решилось само собой. Роухани поддержало большинство классов иранского общества. О «Зеленом движении» в ходе избирательной кампании вообще ничего не было слышно. Возможно, были небольшие группы оппозиционеров, которые вели полуподпольную политическую борьбу, но победа Хасана Роухани на выборах должна была удовлетворить людей, которые в 2009 г. голосовали за Мир-Хосейна Мусави.

В целом, победа на президентских выборах гарантирует не только изменение политического курса в сторону, которой придерживаются сторонники победившего кандидата, но еще и места в аппарате президента и правительстве для представителей этой группы элит, через которые они могут влиять на принятие политических, экономических, социальных и других решений. Президентский пост, без сомнения, является желанной позицией для многих представителей иранской элиты.

Литература

1. Szrom Ch. Historical Data on Iranian Presidential Elections // Iran Tracker. 15.05.2009. URL: <http://www.irantracker.org/analysis/historical-data-iranian-president-ial-elections>
2. Конституция Исламской Республики Иран. Тегеран. 1999. [На перс. яз.]
3. Сажин В.И. Иран: апрель 2009 года: Военно-политическая ситуация // Институт Ближнего Востока. 26.05.2009. <http://www.iimes.ru/?p=8700>
4. Филин Н.А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979 –2008 гг.): факторы устойчивости государственной власти. М., 2012.

Шахин Ю.В.

**ПАРАФЕОДАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ – ГЕНЕЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

Аннотация. Автор рассмотрел хозяйственную этику предпринимателей в постсоветских странах и пришел к выводу, что она не типична для капиталистов. Постсоветский бизнесмен склонен обращаться с прибылью как с феодал с рентой. Автор исследует исторические причины этой аномалии, анализирует ее негативные последствия для общества и прослеживает возможные пути преодоления.

Ключевые слова: капитал, рента, господствующий класс, экономическое поведение, постсоветские государства.

Shakhin Y.V.

**PARAFEODAL ETHICS OF POST-SOVIET ENTREPRENEUR -
GENESIS AND SOCIAL CONSEQUENCES**

Abstract. The author examined economic ethics of businessmen in post-Soviet countries and concluded it is not typical for capitalists. Post-Soviet businessman inclined to deal with profit as a feudal with rent. The author researches historical preconditions for this anomaly, analyses its negative impacts to society and looks for possible overcoming ways.

Keywords: stock, rent, ruling class, economic behavior, post-Soviet states.

В 1990-е годы стало модно говорить об этике капиталистического предпринимательства и даже о духе капитализма, который Макс Вебер в свое время связал с протестантской этикой. Однако капиталистические предприниматели бывших республик СССР в массе своей демонстрируют этические нормы далекие от протестантской рачительности и аскетизма. Она вовсе не отрекается от земных благ, чтобы делать деньги при помощи денег. На это можно было бы заметить, что хозяйственная этика современной эпохи изменилась и аскетизму в ней не место. Это верно. Но проблема данным замечанием не снимается, а только уточняется и приобретает более резкие черты. Современный постсоветский предприниматель склонен вести себя не как капиталист. Его хозяйственная этика зачастую находится в остром противоречии с принципами поведения, которое диктует логика накопления капитала.

Для господствующего класса в бывших союзных республиках характерна тяга к некапиталистическому обращению с прибавочной стоимостью. Она зачастую не столько тратится на реинвестирование и расширенное воспроизводство капитала, сколько на престижное потребление. Показная роскошь «новых русских» практически сразу стала

притчей во языцех, а то, как они сорят деньгами, вызывало недоумение на издавшем виды Западе. При этом воспроизводство капитала под управлением таких своеобразных собственников тяготеет к простому типу. Капиталисты в странах СНГ склонны обращаться с прибавочной стоимостью как с рентой. Эта особенность была замечена еще лет пятнадцать назад. В частности луганский экономист В.А.Вагурин предложил обозначать становление нынешнего строя как рентокапитализацию.

На наш взгляд, подобная аномальная для капиталистов хозяйственная этика и странное обращение с прибавочной стоимостью находит параллели в обращении феодалов с рентой. Но отождествить их с феодалами нельзя, поскольку они получают свои доходы за счет эксплуатации наемного труда. Потому представляется правомерным предложение историка Е.А.Радзиховской использовать термин «парафеодалы». Таким образом, можно говорить о парафеодалных тенденциях в современном капитализме бывших союзных республик.

Их появление и сохранение имеет три основные причины. Во-первых, значительная часть господствующего класса – выходцы из среды партгосноменклатуры. Если они сами не были в номенклатуре, то имели там родственников. Для номенклатуры на индивидуальном уровне было характерно обращение с прибавочной стоимостью как с доходом, который она получала в виде зарплаты и тратила исключительно в потребительских целях. Этот доход не зависел от результатов хозяйственной деятельности номенклатуры. Исследователи, признающие номенклатуру эксплуататорским классом, вынуждены констатировать у нее некапиталистические и даже докапиталистические черты. В частности, об этом писали такие разные историки как М.И.Восленский и Ю.И.Семенов. Во-вторых, образование частных капиталов в 90-е годы происходило путем разграбления государственной собственности. Богатства современной буржуазии были накоплены не путем расширенного воспроизводства капитала и капитализации прибавочной стоимости, а путем простого перераспределения уже существующего богатства. Это наложило глубокий отпечаток на представления господствующего класса о способах накопления богатства и этике хозяйственной деятельности. В-третьих, в ряде стран СНГ консервации подобных настроений способствует большая роль природной ренты в структуре ВВП. Это относится к таким странам, как Россия, Туркменистан, Азербайджан и т.п. Высокий процент доходов господствующего класса от природной ренты закрепляет парафеодалное поведение (на данное обстоятельство обратил наше внимание А.А.Малкин). Таким образом, первое из перечисленных обстоятельств – историческая предпосылка, второе – основная причина, третье – консервирующее условие.

Следствия парафеодалной этики и мотивированного ею поведения разнообразны. Прежде всего, она усугубляет технологическое отставание

стран СНГ. Например, по имеющимся данным в 2006-2007 гг., на пике промышленного подъема, уровень инновационной активности и соответственно капиталовложений на предприятиях Украины был в 2,5 раза ниже, чем в кризисном 1994 году. Тогда новый господствующий класс еще только переживал период становления, а в 2006 г. уже вполне сложился. Это не означает, что модернизация промышленного оборудования совсем не происходит, просто преобладает тенденция к бесконечному использованию устаревшего оборудования. А новые технологии и машины не разрабатываются на месте, а импортируются в готовом виде независимо от возможностей местных инженеров. Похожие тенденции характерны и для России. Согласно последним данным лишь около 7 % предприятий позволяют себе инновационную активность на фоне износа промышленного оборудования, которое оценивается в 48 %. В частности таковы данные С.И.Бодрунова – директора Института нового индустриального развития.

Носители парафеодальной этики полагают более выгодным увеличивать свои прибыли не за счет расширенного воспроизводства, а за счет поглощения предприятий, находящихся в чужой собственности. Потому в республиках СНГ, кроме Беларуси, приватизация уже давно вышла за пределы капиталистической рациональности, но, тем не менее, все равно продолжается. А поскольку возможности поглощения государственных предприятий почти исчерпались, парафеодальная буржуазия активно пытается отобрать собственность друг у друга. И в случае поглощения государственных, и в случае поглощения частных предприятий это нередко приводит к бессмысленному уничтожению захваченной фабрики, даже если она оснащена технологически передовым оборудованием. К тому же в этой борьбе обычно побеждают те, кто может опереться на мощь государственного аппарата.

Последнее обстоятельство, а также парафеодальное поведение, подкрепленное значительными объемами природной ренты, приводят к особо плотному сращиванию бизнеса и чиновников. Это усиливает реакционные тенденции в политических системах соответствующих стран.

Из сложившейся ситуации существует два крайних выхода. Сталкиваясь в процессе конкуренции с иностранным капиталом, парафеодальная буржуазия либо перестроит свою хозяйственную этику, либо конкуренты ее сметут и займут ее место. В реальности, скорее всего, реализуется средний между ними путь. Но в любом случае для слома парафеодальной хозяйственной этики необходимы внешние толчки. Возможно, что для предпринимателей России таким толчком станет текущая конфронтация с Западом и санкции. Благоприятствует перелому и снижение цен на нефть. Падение выручки от экспорта углеводородов сокращает долю природной ренты в доходах господствующего класса, и тем самым устраняется условие, которое консервирует парафеодальную хозяйственную этику. Если давление указанных факторов найдет себе

адекватное отражение в государственной политике, возможен отказ хотя бы какой-то части предпринимателей от своих порочных установок. Однако автор не ожидает, что этот поворот примет характер сознательной государственной политики по перевоспитанию предпринимателей. По всей видимости, как и все крупные исторические переломы, этот сдвиг произойдет в форме стихийных процессов.

Шевченко В.Н.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ЗАПАДА С РОССИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аннотация. В статье раскрывается логика ведения Западом информационной войны против России. Показано, как начиная с XVI века и по сегодняшний день, расширяются масштабы информационного воздействия на сознание и цивилизационную идентичность россиян, и к каким последствиям это воздействие приводит.

Ключевые слова: информационная война, цивилизационная идентичность, англосаксонская цивилизация, варварство, традиционные ценности, альтернативный путь, империя, Холодная война, Великая Победа, мировая капиталистическая система.

Shevchenko V.N.

INFORMATION WAR OF WEST WITH RUSSIA: HISTORICAL STAGES AND CURRENT CONTENTS

Abstract. The logic of an information war carried out by the West against Russia is revealed in the paper. Since the XVI-th century through the present time information impact aimed at the consciousness and the civilizational identity of the Russian people has been developing in scale. The effect of the process is presented.

Keywords: information war, civilizational identity, Anglo-Saxon civilization, barbarism, traditional values, alternative way, empire, Cold war, the Great Victory, world capitalistic system.

В проблематике многовекового культурного взаимодействия России с Западом (Европой) огромное место занимает знакомство, усвоение, переработка и использование российским обществом разнообразных европейских достижений – от политических идей, вопросов государственного строительства до научных теорий и промышленных технологий. Сложнейшая система взаимных отношений и взаимных влияний России и Европы, имевшая и имеющая в наши дни как

положительные, так и отрицательные стороны, может быть темой отдельного разговора [1].

В настоящей статье из обширной проблематики культурно-информационного взаимодействия России с Западом выделен лишь один аспект – многовекторная информационная война, которые ведет Запад против России, История этой войны насчитывает несколько столетий. Вопрос о масштабах внешнего давления на Россию и его последствий всегда вызывал и, тем более, сегодня вызывает в стране ожесточенные споры. Но бесспорным, кажется, одно. Правящая элита на Западе на протяжении последних столетий заботилась, прежде всего, о своих экономических интересах, о наращивании своего экономического, военного и политического глобального могущества, принимала для этого все меры, как открытые, легальные, так и тайные, «закулисные». В первую очередь это касается Англии (Великобритании), а впоследствии единых в этом отношении США и Великобритании, составляющих сущностное ядро, по мнению многих ученых, англосаксонской цивилизации, которая всё более мыслит себя обособленной от европейской, романо-германской цивилизации.

Если говорить в самом общем виде, информационная война как таковая, по сути, есть информационно-психологическая война, цель которой состоит в изменении мировоззрения общества, цивилизационной идентичности народа страны. А этого невозможно достигнуть без идейно-духовного разложения противника, подавления его воли к сопротивлению. Наиболее важным направлением исследований при анализе проблематики информационных войн становится выявление тех «болевых точек», по которым бьет противник, но которые сами по себе для российских людей и общества таковыми не являются.

С конца XVI века, по свидетельству исследователя информационных войн И.Н. Панарина, формирование определенного мировоззрения европейских людей по отношению к России, «было поставлено на широкую государственную ногу во всей Европе» [4, с. 100]. Самое общее отношение к России как к государству и к русским формировалось как заведомо негативное. Такая оценка информационной политики Запада вполне адекватно характеризует его действия в течение последних столетий и тем более справедлива в отношении сегодняшнего времени. Если конечные парадигмальные цели информационного давления на Россию оставались и остаются неизменными, то стратегически они менялись в зависимости от состояния России, ее ответного реагирования на ведущуюся против неё войну, изменения её положения и веса на европейской и мировой политической арене.

На каждом историческом этапе Запад выдвигает главную стратегическую задачу в ходе проведения своей информационной агрессивной политики в отношении России. По мере развития истории и перехода отношений на новый этап появляются, в добавление к прежним,

и новые «болевы́е точки». И за каждой такой «болевой точкой», которые не остаются в прошлом, а по-прежнему попадают под огонь, стоит та или другая неотъемлемая черта цивилизационной идентичности российских людей.

Идея собственного пути России как государства-цивилизации – ключевая во всех её отношениях с Западом, она постепенно формировалась в общественной мысли страны в логике ответа страны на вызовы становящегося западного капитализма. Не допустить возникновения центра силы, способного угрожать экономическому могуществу Запада, в первую очередь Англии, Британской колониальной империи, а затем всей англосаксонской цивилизации – вот главная причина ее борьбы с Россией. Поэтому целью противостояния информационной агрессии со стороны Запада должна быть не просто защита российской традиционных ценностей, культурно-цивилизационной идентичности, что само по себе исключительно важно, но и отстаивание права следования по собственному пути. Это обстоятельство является единственно возможным способом сохранения своей идентичности, как бы мы не трактовали этот путь в различные исторические эпохи. Ни один раз России приходилось отстаивать, нередко и силой оружия, право на суверенный выбор своего собственного пути исторического развития.

Информационная агрессия Запада, конечно, серьезно затрудняла развитие страны, но дело вовсе не выглядит так, что Россия только принимала удары, нет, она отвечала, иногда очень достойно, иногда неудачно, но тема ответного удара требует также отдельного разговора. Какие же «болевы́е точки» можно выделить в ходе анализа информационной войны против России?

На первом историческом этапе (вторая половина XVI века – начало XVIII века) информационная агрессия Запада по отношению к России была постоянно направлена на формирование в европейском сознании устойчивого представления об отсталости русских людей: «Россия – варварская страна».

Второй исторический этап в информационном противоборстве Запада и России охватывает период примерно от возникновения Петровской империи до окончания Крымской войны. Целенаправленная борьба ведется теперь, прежде всего, против единовластия в России, против усиления роли Российской империи в европейских делах, против роста её военного и политического могущества. С начала XIX в. информационная агрессия в отношении России приобретает все более массивный характер. Наполеон впервые оказывает злобной русофобской пропаганде государственную поддержку. Ему принадлежит «сомнительная честь выпестовать, сформировать и выплеснуть на страницы книг и газет миф о русской агрессивности». [3, с. 257]. С тех пор этот миф насаждается по всей Европе и, кажется, нет таких доводов, которые могли бы посеять у

европейцев сомнения в его лживости. После разгрома Наполеона Россия – враг номер один для Англии.

Третий исторический этап – с начала царствования Александра II и его реформ до 1917 года – связан с информационной войной, в первую очередь, Англии вместе с Францией, направленной против поисков страной собственного пути развития, выхода из колеи зависимого и отсталого пути развития. Важно отметить, что главный противник России – Англия, англосаксонская цивилизация, выиграла эту третью информационную войну против императорской России, столкнув Германию и Россию в 1914 г.

Суть победы заключается в том, что Англии и Франции удалось навязать гибельную для страны квазилиберальную модель зависимого (подражательного) капитализма. Именно это погубило Российскую империю, ибо Англия понимала огромную опасность для себя в случае выбора Россией самостоятельного пути капиталистического развития наподобие того, какой выбор сделала Германия во времена Бисмарка, а тем более – установления между этими странами союзнических отношений.

Как писал русский геополитик начала XX века А.Е. Вандам (Едрихин), одним из принципов государственной стратегии англичан выступает «наложение на континентальные народы особого рода *balance of power*, под которым, по словам лорда Керзона, подразумевается освященное веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы» [2, с. 114].

Четвертый этап информационной войны – это, в первую очередь, война англосаксонской цивилизации против СССР. Теперь главной мишенью информационной агрессии становится весь Красный проект, и вместе с тем сама способность государства и народа к стратегическому концептуальному мышлению.

Пятый исторический этап – от 1991 г. до сегодняшних дней. С начала XXI века, как только были остановлены процессы ползучего распада России, резко обостряется информационная война Запада против России. Отличительные черты современного давления Запада состоят не только в том, что создается огромный набор конкретных войн, - экономической, энергетической, диффузной, культурной, политической и других войн, ведущихся против России. Причем каждая из них имеет свою информационную составляющую. Но и по всем прежним «болевым точкам», о которых говорилось ранее, Запад продолжает наносить все более мощные и целенаправленные удары.

Идеология современного этапа войны, ее главный отличительный признак - это предельно агрессивная русофобия [5]. Под прицелом русофобов находятся традиционные ценности, цивилизационная идентичность, и то, что российские люди их защищают, однозначно интерпретируется западной стороной, как проявление российского

варварства. Под ударом находится российское государство, президентско-парламентская республика, политический режим Путина, который якобы является главной причиной всех бед и проблем современной России. Любая попытка защиты национальных интересов, которая не вызывает одобрения со стороны англосаксов, немедленно квалифицируется как возрождение имперских амбиций. Под ударом, вместе с тем, находится и вся героическая, военная история Российского государства как проявление извечной агрессивности русских людей. Под ударом находятся весь советский период российской истории, трактуемый однозначно как тоталитарный строй, все реальные достижения Советского Союза, в том числе, построение социального государства, его эгалитаризм, культура, наука и образование.

Исключительное значение для будущего нашей страны народа имела и продолжает иметь Великая Победа, которую приходится защищать и 71 год спустя. Информационная агрессия Запада с целью добиться отказа России от своего суверенного права выбирать и отстаивать собственный путь развития достигла сегодня предельного накала и остроты. Здесь нам предстоит большая теоретическая и практическая работа по отражению любых форм этой агрессии.

Литература

1. Алексеева Е.А. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
2. Вандам А.Я. Наше положение. СПб., 2009.
3. Мединский В.Р. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М., 2010.
4. Панарин И.Н. Информационная война и третий Рим. М., 2003.
5. Фурсов А.И. Русофобия и информационная война против России.
http://andreyfursov.ru/news/rusofobija_i_informacionnaja_vojna_protiv_rossii/2015-10-31-496 (дата обращения: 23.02.2016).

Шентякова А.В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ОЦЕНКАМ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. В статье рассматриваются результаты двух эмпирических политических исследований, которые проводились в 2011 и в 2015 гг. Для исследования были выбраны такие критерии как пол, возраст, образование, оценка эффективности работы РПЦ, уровень социальной напряженности. Анализ данных показывает, что Русская Православная Церковь является

по оценкам петербуржцев весьма эффективным институтом. Деятельность данной общественной организации соответствует ожиданиям горожан и одобряется ими.

Ключевые слова: русская православная церковь, опрос общественного мнения, оценка эффективности деятельности.

Shentyakova A.V.

EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN OPINION ST. PETERSBURG'S INHABITANTS

Abstract. The article discusses the results of two empirical political studies, which were conducted in 2011 and 2015. These criterias were selected for the study: gender, age, education, assessment of the ROC's efficiency, the level of social tension. Analysis of the data shows that according to citizen's opinion the Russian Orthodox Church is a very effective institution. The activities of the non-governmental organization meets the expectations of the citizens and approved by them.

Keywords: Russian Orthodox Church, an opinion poll, rating performance.

Одной из самых крупных религиозных организаций в современной России является Русская Православная Церковь. Деятельность данного института широко освещается в средствах массовой информации, а его представители выступают на самых разных площадках. «РПЦ является ведущей, традиционной и самой влиятельной церковной организацией России; объединяет наибольшее количество верующих» [1].

Результаты многочисленных опросов общественного мнения показывают двойственность в отношении граждан к РПЦ. С одной стороны большая часть респондентов положительно оценивает деятельность Русской православной церкви, с другой стороны по данным ВЦИОМ не менее 64% опрошенных выступают за сохранение конституционной нормы о светском государстве. Около 47% наших сограждан считают, что Церкви следует влиять на духовную жизнь социума, но не вмешиваться в политику. Столько же (47%) отмечают, что «в настоящее время церковь верно выстраивает свои отношения с социумом, высказывая свою позицию только при необходимости и не вмешиваясь в вопросы, ее не касающиеся» [3], таково представление об идеальных взаимоотношениях церкви, общества и государства.

В данной статье будут приведены результаты исследований, которые были проведены в 2011 и в 2015 годах в г. Санкт-Петербург [2]. Оценка жителями Санкт-Петербурга эффективности деятельности Русской православной церкви отражены на графике 1 за 2011 г. и в таблице 1 за 2015 г.

График 1. Оценка деятельности Русской православной церкви в 2011 году (% от числа опрошенных)

Анализ данных показывает, что доля лиц, которые положительно оценивают работу РПЦ, стабильно составляет чуть более половины респондентов. В тоже время незначительно выросло число людей, которые оценивают деятельность данного института крайне отрицательно.

Мужчины склонны отрицательно оценивать эффективность РПЦ (стандартизованные остатки +2,4 и +3,3), в то время, как женщины больше склонны видеть положительные стороны в ее деятельности (стандартизованный остаток 1,6). Данная тенденция сохраняется и на 2011 и на 2015 г.

Сравнительный анализ данных по возрастному параметру показывает, что статистически значимая связь между возрастом и оценкой деятельности РПЦ четко и стабильно прослеживается только для молодежи, которая склонна выставлять низкие оценки.

Выявлена связь между уровнем образования и оценкой деятельности Русской православной церкви. Люди с высшим или незаконченным высшим образованием склонны отрицательно оценивать РПЦ, а респонденты со средним уровнем образования чаще ставят высокие положительные оценки.

Таблица 1. Оценка деятельности Русской православной церкви в 2015 году (% от числа опрошенных)

Как вы оцениваете эффективность деятельности Русской православной церкви?					
		Частота	Проценты	Процент допустимых	Накопленный процент
Допустимо	1	108	9,0	9,0	9,0
	2	79	6,6	6,6	15,5
	3	146	12,1	12,1	27,7
	4	288	23,9	23,9	51,6
	5	360	29,9	29,9	81,5
	затрудняюсь ответить	223	18,5	18,5	100,0
	Всего	1204	100,0	100,0	

В условиях многоконфессионального мегаполиса интересными представляются данные которые показывают связь между оценкой деятельности РПЦ и уровнем тревожности в обществе. Большая часть респондентов, считающих деятельность Русской Православной Церкви эффективной, не боятся конфликтов между православными и мусульманами и не опасаются возникновения конфликтов с представителями других вероисповеданий.

Русская Православная Церковь является по оценкам петербуржцев весьма эффективным институтом. При этом можно наблюдать невысокие оценки деятельности данного института среди отдельных групп населения. Это свидетельствует о том, что образ данной общественной организации не только отвечает представлениям петербуржцев, но и является для них весьма привлекательным и устойчивым.

Литература

1. Ирхин Ю.В. Проблемы современного взаимодействия государства, православной церкви и общества в России // Право и безопасность. 2010. № 3. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_32_4.htm
2. Исследование выполнено на базе Ресурсного центра Санкт-Петербургского государственного университета социологических и интернет-исследований (директор Ресурсного центра канд. социол. наук С.М. Снопов) в марте–апреле 2015 г. Руководитель проекта — докт. полит. наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ О.В. Попова. Исследовательская группа: канд. полит. наук, доцент О.В. Лагутин, канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров, канд. полит. наук, ассистент Д.А. Будко, ассистент А.В. Шентякова, аспирант 2 курса Р.К. Кучаков, аспирант 2 курса С.И. Суслов. Метод опроса — телефонное

интервью. Объем выборки — 1204 человека, постоянно проживающих в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, бесповторная, с квотированием следующих признаков: пол, возраст, образование, район проживания. Исследование в 2011 году выполнялось аналогичным составом исследователей с использованием тех же самых методов сбора информации и выборки. Объем выборочной совокупности составил 1170 чел.

3. Одобрение деятельности общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2015 URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295>; Пресс-выпуск № 2861. Церковь и общество: вместе или порознь? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295>

АВТОРЫ СБОРНИКА

№	Ф.И.О.	Научная степень, ученое звание	Место работы, должность	Город
1.	Алексеева Татьяна Александровна	доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	МГИМО-университета МИД России, Московский Государственный институт международных отношений МИД России, зав. кафедрой политической теории	Российская Федерация, г. Москва
2.	Алехина Лариса Леонидовна	кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента	Орловский государственный институт экономики и торговли, доцент кафедры менеджмента	Российская Федерация, г. Орёл
3.	Баранов Андрей Владимирович	доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры политологии и политического управления	Российская Федерация, г. Краснодар
4.	Баранов Николай Алексеевич	доктор политических наук, профессор	Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, профессор кафедры глобалистики и геополитики	Российская Федерация, г. Санкт- Петербург
5.	Безвербный Вадим Александрович	кандидат экономических наук	Институт социально- политических исследований РАН, ведущий научный сотрудник	Российская Федерация, г. Москва
6.	Беспалова Татьяна Викторовна	доктор философских наук, кандидат политических наук, доцент	Российский научно- исследовательский Институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, ведущий научный сотрудник	Российская Федерация, г. Москва

7.	Борисов Сергей Валентинович	доктор философских наук, доцент	Челябинский государственный педагогический университет, заведующий кафедрой философии и культурологии	Российская Федерация, г. Челябинск
8.	Борисова Оксана Алексеевна	кандидат педагогических наук	МАОУ «СОШ № 112 г. Челябинска», заместитель директора	Российская Федерация, г. Челябинск
9.	Бутенко Инна Владимировна	кандидат экономических наук	доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли»	Российская Федерация, г. Орёл
10.	Габриелян Арус		Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, кафедра политических наук и международных отношений, аспирант	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
11.	Гарбузов Дмитрий Викторович	доктор философских наук, доцент	ФГБОУ ВПО "Волгоградский государственный университет", Волжский гуманитарный институт (филиал), кафедра истории, зарубежного регионоведения и межкультурной коммуникации, заведующий кафедрой	Российская Федерация, г. Волжский
12.	Гелих Олег Яковлевич	доктор философских наук, профессор	Институт экономики и управления РГПУ им. А.И. Герцена, профессор	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
13.	Глушенкова Елена Ивановна	кандидат политических наук, доцент	Институт мировой экономики и международных отношений РАН, старший научный сотрудник	Российская Федерация, г. Москва

14.	Губина Оксана Витальевна	кандидат экономических наук, доцент	ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли», доцент кафедры «Бухгалтерский учёт, анализ и аудит»	Российская Федерация, г. Орёл
15.	Протоиерей Николай Доненко		Настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде	Российская Федерация, г. Ялта
16.	Дудник Марьяна Николаевна		Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирантка философского факультета, кафедры социальной философии	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
17.	Ефимов Сергей Алексеевич		Центральный музей «Таврида», старший научный сотрудник	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
18.	Закунов Юрий Александрович	кандидат философских наук, доцент	ученый секретарь, Российский научно-исследовательский Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва	Российская Федерация, г. Москва
19.	Кемалова Лиля Исметовна	кандидат философских наук, доцент	ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», доцент кафедры общественных наук	Российская Федерация, Республика Крым, г. Керчь
20.	Кислицын Сергей Алексеевич	доктор исторических наук, профессор	Южно-российский институт управления РАНХиГС, профессор	Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
21.	Колобова Гузель Анисовна	доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент	ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», проректор по учебной и	Российская Федерация, г. Уфа

			воспитательной работе	
22.	Kowalska-Stus Hanna	доктор наук, профессор	Ягеллонский университет, профессор	Польша, г. Краков
23.	Конобеева Оксана Евгеньевна	кандидат экономических наук, доцент	ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли», доцент кафедры маркетинга и торгового дела	Российская Федерация, г. Орел
24.	Конобеева Елена Евгеньевна	кандидат экономических наук	ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли", доцент кафедры "финансы и кредит»	Российская Федерация, г. Орел
25.	Кошарная Полина Викторовна		Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, студентка	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симфери- поль
26.	Кузина Светлана Ивановна	доктор политических наук, профессор	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южно-Российский институт управления – филиал, профессор кафедры политологии и этнополитики	Российская Федерация, г. Ростов-на- Дону
27.	Kumar Rajeev	M.Phil., Ph.D.	Chairman & Associate Professor Department of Political Science, Shri Murlu Manohar Town Post Graduate College	India
28.	Лагутин Олег Владимирович	кандидат политических наук, доцент	Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, доцент	Российская Федерация, г. Санкт- Петербург
29.	Лебедева Марина Михайловна	доктор политических наук, профессор	МГИМО МИД России, зав. кафедрой мировых политических процессов, профессор	Российская Федерация, г. Москва

30.	Лебедева Ольга Александровна	кандидат экономических наук, доцент	ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли», доцент	Российская Федерация, г. Орел
31.	Липкин Аркадий Исаакович	доктор философских наук, доцент	Московский физико- технический институт, профессор	Российская Федерация, г. Долго- прудный
32.	Лиханова Александра Борисовна		РАНХиГС, преподаватель	Российская Федерация, г. Москва
33.	Лядченко Анна Владимировна		Орловский государственный институт экономики и торговли, студентка факультета экономики и управления	Российская Федерация, г. Орел
34.	Парахина Валерия Юрьевна		студентка философского факультета Таврической академии Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симфиро- поль
35.	Пашковский Пётр Игоревич	кандидат политических наук, доцент	Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, кафедра политических наук и международных отношений, доцент	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симфиро- поль
36.	Попова Ольга Валентиновна	доктор политических наук, профессор	Санкт-Петербургский государственный университет, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии	Российская Федерация, г. Санкт- Петербург

37.	Пронякина Елизавета Дмитриевна	кандидат политических наук, ассистент	Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент кафедры теории и философии политики	Российская Федерация, г. Санкт- Петербург
38.	Рамазанов Сергей Павлович	доктор исторических наук, профессор	ФГБОУ ВПО "Волгоградский государственный университет", Волжский гуманитарный институт (филиал), кафедра истории, зарубежного регионоведения и межкультурной коммуникации, профессор	Российская Федерация, г. Волжский
39.	Рвачева Ольга Владимировна	кандидат исторических наук, доцент	Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Волгоградский филиал (Волгоградский филиал РАНХиГС), доцент кафедры государственного управления и политологии	Российская Федерация, г. Волгоград
40.	Репинская Олеся Васильевна	кандидат политических наук	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт-филиал, кафедра политологии и этнополитики, соискатель (докторант)	Российская Федерация, г. Ростов-на- Дону
41.	Романович Нелли Александровна	доктор социологических наук, профессор	Российская Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал), профессор кафедры политологии и политического управления	Российская Федерация, г. Воронеж

42.	Сенюшкин Евгений Александрович	кандидат политических наук, доцент	Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, доцент кафедры политических наук и международных отношений	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
43.	Сенюшкина Маргарита Александровна	кандидат экономических наук, доцент	Заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, почётный член Крымской академии наук	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
44.	Сенюшкина Татьяна Александровна	доктор наук государственного управления, профессор	Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского, Таврическая академия, профессор кафедры политических наук и международных отношений	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
45.	Скворцова Наталия Александровна	кандидат экономических наук, доцент	Орловский государственный институт экономики и торговли, доцент кафедры «Маркетинг и торговое дело»	Российская Федерация, г. Орел
46.	Соколова Римма Ивановна	доктор философских наук	Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник	Российская Федерация, г. Москва
47.	Спиридонова Валерия Игоревна	доктор философских наук	Институт философии РАН, зав. сектором Философских проблем политики Института философии РАН	Российская Федерация, г. Москва
48.	Ставицкий Андрей Владимирович	кандидат философских наук	Филиал МГУ в Севастополе, доцент кафедры истории и международных отношений	Российская Федерация, Республика Крым, г. Севастополь

49.	Сунгуров Александр Юрьевич	доктор политических наук	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - СПб, профессор, руководитель департамента прикладной политологии	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
50.	Сюмко Олег Викторович		Российская академия народного хозяйства и государственной службы, магистрант	Российская Федерация, г. Москва
51.	Тарасов Илья Николаевич	доктор политических наук, профессор	Балтийский федеральный университет им. И.Канта, заведующий кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций	Российская Федерация, г. Калининград
52.	Толкачева Валентина Александровна		Томский Политехнический Университет, аспирант	Российская Федерация, г. Томск
53.	Трофимчук Александр Григорьевич	кандидат педагогических наук, доцент	Соискатель учёной степени д.пед.наук	Российская Федерация, г. Новочеркасск
54.	Умеров Эйваз Асанович		Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова», магистрант программы «Менеджмент в государственной и муниципальной службе».	Российская Федерация, г. Судак
55.	Филин Никита Александрович	кандидат исторических наук	Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права, кафедра современного Востока, доцент	Российская Федерация, г. Москва

56.	Шахин Юрий Владимирович	кандидат исторических наук, доцент	ООО «Олимп»	Российская Федерация, г.Симферо- поль
57.	Шевченко Владимир Николаевич	доктор философских наук, профессор	главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН	Российская Федерация, г. Москва
58.	Шентякова Анна Владимировна		Санкт-Петербургский Государственный Университет, ассистент	Российская Федерация, г. Санкт- Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

ХАРАКС: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ (вместо предисловия)	3
Алексеева Т.А. «МЯГКАЯ СИЛА» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	5
Алехина Л.Л., Лядченко А.В. РЕЛИГИОЗНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ.....	21
Баранов А.В. ЦЕННОСТИ РОССИЯН И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ).....	24
Баранов Н.А. ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ КАК ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ РОССИИ.....	30
Безвербный В.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСБАЛАНС СТРАН СЕВЕРА И ЮГА КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА МИРА	34
Беспалова Т.В. ОБРАЗЫ РОДИНЫ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РУССКОГО НАРОДА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.....	38
Борисов С.В., Борисова О.А. ПРОЯВЛЕНИЕ НОРМАЛЬНОЙ И КРИЗИСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ «КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ».....	44
Габриелян А.М. КОПРОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	47
Гарбузов Д.В. МЕДИАСНОВИДЕНИЕ УКРАИНЫ	50
Гелих О.Я. О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ СИЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ИХ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ РЕГУЛИРОВАНИИ	54
Глушенкова Е.И. А. ПАНАРИН И РУССКИЙ КОСМИЗМ.....	65
Губина О.В., Бутенко И.В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ.....	69
Протоиерей Николай Доненко ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	72
Дудник М.Н. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	76
Ефимов С.А. БИФУРКАЦИОННЫЕ КОНТЕКСТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ТАТАР: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ Э.С.КУЛЬПИНА	85

Закунов Ю.А. МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В НАСЛЕДОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ	89
Кемалова Л.И. КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МОЛОДЕЖНЫХ ПОСТСУБКУЛЬТУР	93
Кислицын С.А., Репинская О.В. КОНЦЕПЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	96
Колобова Г.А. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ЗНАНИЙ.....	100
Конобеева О.Е., Конобеева Е.Е., Скворцова Н.А. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	104
Ковальска-Стус Х. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ О РОССИИ (В ОЦЕНКЕ РУССКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ).....	109
Кошарная П.В. РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ	112
Кузина С.И. ИНТЕЛЛИГЕНТ VS ИНТЕЛЛЕКТУАЛ: ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	116
Rajeev Kumar COLLECTIVE MEMORY AND CHALLENGES FOR CIVIL IDENTITY: A CASE STUDY OF TRIBAL GONDWANA MOVEMENT IN INDIA	120
Лагутин О.В. ОСОБЕННОСТИ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НЕСТАБИЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	124
Лебедева М.М. ВОЗМОЖНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ В РАЗВИТИИ ЕАЭС	127
Лебедева О.А., Конобеева О.Е., Скворцова Н.А. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА.....	131
Липкин А.И. РОССИЯ МЕЖДУ НАЦИЕЙ И СУБЦИВИЛИЗАЦИЕЙ	135
Лиханова А.Б. БОРЬБА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.....	140
Парахина В.Ю. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КРЫМА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	142
Пашковский П.И. О ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ РОССИИ В ЯЛТИНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЕ.....	144

Попова О.В. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛОЯЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	148
Пронякина Е.Д. РОЛЬ ЦЕННОСТНОГО ФАКТОРА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: АНАЛИЗ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	153
Рамазанов С.П. ВРЕМЯ РОССИИ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.....	157
Рвачева О.В. ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАЗАЧЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	158
Репинская О.В. ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	162
Романович Н.А. НОРМЫ-ТРАДИЦИИ В САНКЦИЯХ «ПЯТОЙ ВЛАСТИ».....	166
Сенюшкин Е.А. МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ.....	170
Сенюшкина М.А. РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К УСЛОВИЯМ НЕОКАПИТАЛИЗМА.....	172
Сенюшкина Т.А. А.С.ПАНАРИН И КРЫМ	178
Скворцова Н.А., Лебедева О.А., Конобеева О.Е. РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	184
Соколова Р.И. ДОМИНАНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И ДОМИНАНТНОЕ ВРЕМЯ ЗАПАДА: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ	188
Спиридонова В.И. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ «АБСОЛЮТНОЙ ВОЙНЫ» - НОВОГО ТИПА ВОЙН XXI ВЕКА	193
Ставицкий А.В. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС И «КОНЕЦ СВЕТА» ДЛЯ ЕВРОПЫ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	197
Ставицкий А.В. РУССКИЙ ВЫБОР УКРАИНЫ: ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ.....	200
Сунгуров А.Ю. РОССИЙСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ	203

Сюмко О. В. ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ	208
Тарасов И.Н. ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ПОЛЬШЕЙ В ИНТЕРНЕТ-СМИ КАЛИНИНГРАДА.....	212
Толкачева В.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОСПОМИНАНИЙ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ	216
Трофимчук А.Г. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПРОВЕДЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ЕЕ РЕШЕНИЕ	219
Умеров Э. А. МЕХАНИЗМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	228
Филин Н. А. ФЕНОМЕН ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН: 1980 – 2013 ГГ.....	230
Шахин Ю.В. ПАРАФЕОДАЛЬНАЯ ЭТИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ – ГЕНЕЗИС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ...	235
Шевченко В.Н. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ЗАПАДА С РОССИЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ	238
Шентякова А.В. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ОЦЕНКАМ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	242

**Политическое пространство и социальное время:
идентичность и повседневность в структуре жизненного мира**

XXX ХАРАКСКИЙ ФОРУМ

***26-30 мая 2016 г.
г. Ялта,
Республика Крым***

тезисы

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,88. Тираж 70 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru
www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражников Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru.